

ВОЯДЖЕР: мир и человек

- *Археология*
- *История*
- *Филология*

УДК 316.6
ББК Ю622
В 33

Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. – № 6.
– Самара: Самарский государственный технический университет, 2016. – 204 с.

ISSN 2225-0018

Под общ. ред. д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

Ответственный редактор д.и.н., профессор Богачев А.В.

Редакционная коллегия: д.т.н., профессор Быков Д.Е., д.т.н., профессор Деморецкий Д.А., д.х.н., д.т.н., профессор Бичуров Г.В., д.т.н., профессор Ненашев М.В., д.б.н., профессор Сачков С.А., д. псих. н., профессор Агафонов А.Ю., к. филол. н., доцент Тимощук Н.А., к. психол. н., доцент Доброва В.В., к. п. н, доцент Трофимов В.Н., д.ф.н., доцент Малышев В.Б., д.и.н., доцент Семенова Е.Ю., к.и.н., доцент Тузова О.В.

Экспертный совет: д.и.н., профессор Дубман Э.Л.,
к.и.н., доцент Мышкин В.Н., к.и.н., доцент Захарова Л.Б.,
д.и.н., профессор Курятников В.Н., к.и.н., доцент Федотов В.В.

Ответственный секретарь Кондрашина А.Г.

Дизайн обложки Лисина В.А.

© А.В. Богачев – название и концепция
издания

© Авторы, 2016

© Самарский государственный
технический университет, 2016

мир и человек

Теоретический и научно-методический журнал

Основан в 2011 г.

Выходит 2 раза в год

Под общей редакцией д.т.н., профессора Быкова Д.Е.

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

БОГАЧЕВ А.В. Серьги с многогранником V – VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии в регионе).....	7
ЖИХ М.И. Проблема этнической атрибуции носителей именьковской культуры в науке 1950-х – 2000-х годов	57
ВЯЗОВ Л.А., ГРИШАКОВ В.В., МЯСНИКОВ Н.С. Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи великого переселения народов	66
МАКАРОВ Е.П. Массовые народные волнения в Великобритании в последней XVIII в. и их восприятие в социальном контексте через понятие толпы.....	112

Филология

ДОБРОВА В.В. Проблема строения содержания языковых навыков.....	120
ДОБРОВА В.В., САВИЦКИЙ В.М. Проблема адекватности семантических моделей и их верификация.....	127
БЕЛОВА А.А. Семантические особенности заголовков англоязычных бестселлеров	133
БОРИСОВА Д.Д. Функционально-стилевая характеристика языка драмы.....	136
КОЧЕТКОВА Н.С. Особенности перевода предлогов с английского языка на русский в научно-технической литературе	140
КРУТСКАЯ С.В. Экфрасис как способ сопоставления этического и эстетического в романе О. Уальда «Портрет Дориана Грея».....	144
МЕЛЬНИКОВА И. М. Повествовательные формы как структура образа автора в романе Й. Бобровского «Литовские клавиры»	149

НУРТДИНОВА Л.Р. Характеристика монологического высказывания.....	157
РОЖНОВА Е.А. К вопросу о структурном анализе экспрессивной лексики (на материале художественных произведений)	163
САВИЦКАЯ Е. В. Лакуны в номинационной системе английского языка..	167
САВИЦКИЙ В.М. Дискурсивный подход к анализу коммуникативной деятельности	176
ТАЛЫЗИНА Е.В. К проблеме надежности машинного перевода.....	183
ТЮРИНА О.А. Обзор концептосферы заглавий британских и американских детективных романов	189
ХАЙРУЛЛИНА В.Р. Знакомый характер языка. Лексическое значение слова на примере лексико-семантической группы «Фауна» в английском языке	193
Аннотации на английском языке	197
Авторы статей	202

CONTENTS

History and archeology

BOGACHEV A.V. Earrings with polyhedron V – VII AD on the Middle Volga and in the Urals (to the question of the goths-alans presence in the region)	7
JICH M.I. The problem of ethnic attribution of Imenkovo culture in science in 1950 – 2000.....	57
VIAZOV L.A., GRISHAKOV V.V., MYASNIKOV N.S. Features of ceramic complexes of the Great Migration period monuments in of the Middle Sura region.....	66
MAKAROV E.P. Mass riots in Britain in the last of the XVIII century and their perception in the social context through the concept of the crowd.....	112

Philology

DOBROVA V.V. Problem of semantic models adequacy and verification.....	120
DOBROVA V.V., SAVITSKIY V.M. Problem of structure of linguistic sign content	127
BELOVA A.A. Samantic features of modern english bestsellers titles	133
BORISOVA D. D. Functional-stylistic characteristics of language of the drama.....	136
KOCHETKOVA N.S. Special aspects of translating english prepositions into russian in scientific and technical literature	140
KRUTSKAYA S. V. Ekphrasis as a way of comparing the ethic and the esthetic plans pf perception in o. wildes' novel " the portrait of dorian gray"	144
MELNIKOVA I.M. Narrative forms as a structure of the image of the author in the novel by j. bobrowsky "lituanian claviers".....	149
NURTDINOVA L. R. Characteristics of monologue.....	157
ROZHNOVA E.A. To the question of the structural analysis of expressive vocabulary (on the material of works of art)	163
SAVITSKAYA E.V. Lacunae in the nominative system of the english language....	167
SAVITSKIY V.M. Discursive approach to the analysis of communicative activity.....	176
TALYZINA E. V. On the problem of machine translation reliability	183

TYURINA O. A. Review of the sphere of concepts observed in titles of british and american detective novels	189
HAYRULLINA V.R. The symbolic nature of language. the lexical meaning by the example of lexicosemantic group “fauna” in the english language	193
Summaries	197
The authors of the articles	202

**СЕРЬГИ С МНОГОГРАННИКОМ V – VII ВВ.
НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И В ПРЕДУРАЛЬЕ
(К ВОПРОСУ О ГОТО-АЛАНСКОМ ПРИСУТСТВИИ В РЕГИОНЕ)**

Статья посвящена вопросам этнической идентификации комплексов Волго-Камья середины I тысячелетия, в которых содержатся полиэдрические серьги.

Ключевые слова: полиэдрические серьги, раннее средневековье, Волго-Камский регион, готы, сарматы, аланы, славяне, именьковская культура.

Первой работой, обобщившей сведения о находках кольцевидных серег (подвесок) с многогранником на конце была статья Д.М. Атаева (Атаев, 1963). В основу ее легли материалы памятников, исследованных главным образом в Дагестане. Анализ достаточно репрезентативной выборки (116 экземпляров) позволил автору дать типологическую и хронологическую оценку данного типа изделий. Поиск аналогий привел Д.А. Атаева к выводу о том, что в середине I тыс. н.э. эти украшения были широко распространены в четырех регионах Европы: в Дагестане, в Центральной части Северного Кавказа, в Крыму и в Венгрии. При этом исследователь отметил, что «в Крыму земляные склепы, в которых и были обнаружены почти все височные привески, свидетельствуют о появлении здесь сарматов. В то же время, на территории Поволжья, Аральских и Задонских степей, т.е. основной территории формирования сарматских племен эти височные привески не обнаружены... Появление наших привесок на Северном Кавказе, где они, как мы указывали выше, находятся спорадически, связано с аланами» (Атаев, 1963. С. 234 – 235).

С момента опубликования статьи прошло более полувека. За это время аналогичные украшения, помимо Кавказа, Крыма и Подунавья, были найдены в Испании (Щукин, 2005. Рис. 147) (рис. 1) и Италии (Jorgensen, 1992. Fig. 6; Щукин, 2005. Рис. 134) (рис. 2), в Поднепровье (Гавритухин, 2007. С. 32) и Подонье (Гавритухин, 2004. С. 214, рис. 2, 6-10; Мастыкова, 2008. Рис. 2, 3-5; Обломский, 2007. С. 76; 2012. Рис. 10, 5,6), в Причерноморье (Дмитриев, 1982; 2003; Гавритухин, Пьянков, 2003. Табл. 61, 60, 66; 64, 25-26) и в Волго-Камье (Генинг, 1977; Мажитов, 1959; 1968; 1981; Мажитов и др., 2009; Матвеева, 1997; Матвеева, Морозов, 1991; Казаков, 1981; 1998; Багаутдинов, Никитина, 2013; Мышкин, 2013; Скарбовенко, 1995).

В последние годы на достойном научном и полиграфическом уровне опубликованы артефакты интересующей нас серии из музейных собраний Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Владикавказа (Засецкая, 2010. Табл. 4, рис. 2; Эпоха Мерovingов, 2007. С. 284, 305, 393, 510, 539, 579, 580; Музей археологии, 2007. С. 88; Сокровища Алании, 2011. С. 185. № 234).

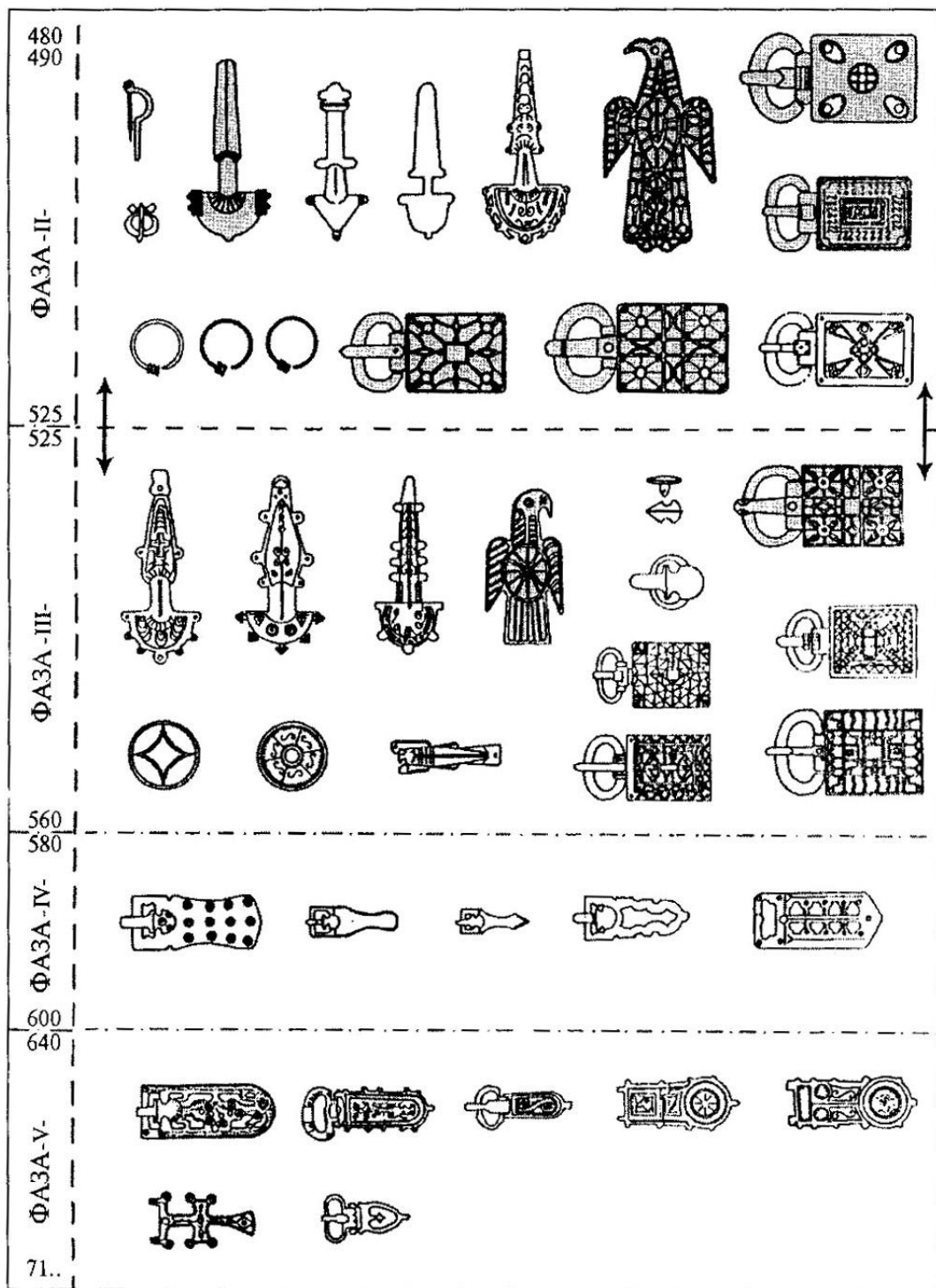

Рис. 1. Полиэдрические серьги в схеме хронологии вестготской культуры Испании по Г. Риполь Лопес, с уточнениями Ф. Бирбрауера (Щукин, 2005. Рис. 147)

Новые материалы происходящие, в частности, из районов лесостепного Среднего Поволжья и Предуралья (численно сопоставимые с подобными из иных регионов) позволяют уточнить существующие представления о характере распространения кольцевидных серег с многогранником в пространстве и во времени, а так же поставить вопрос об этносе обладателей этих украшений.

Но прежде всего, необходимо отметить, что, судя по их размерам (диаметр кольца не превышает 2,5 – 3,5 см) и условиям обнаружения (в районе черепа), есть основания говорить об изделиях этого типа (по крайней мере в Поволжско-Приуральской лесостепи) как о серьгах. Известный исследователь раннесредневекового костюма А.В. Мастыкова также считает их серьгами (Мастыкова, 2009). Вместе с тем, близкие по форме, но гораздо более массивные изделия следует отнести к разряду подвесок. Они имеют несколько отличный от серег ареал распространения и период бытования. Кроме того, следует сказать, что в погребениях конца I тыс. полемской культуры Прикамья встречены серьги с многогранником, кольца которых имеют, не округлую, а овально-подтреугольную или овальную форму (Генинг, 1962. Табл. I, 5,6; Сунгатов, 1993. С. 96-97). Таким образом, они относятся к иному типологическому ряду и в настоящей статье анализироваться не будут.

Полиэдрические серьги неоднократно рассматривались исследователями в контексте уточнения хронологии восточноевропейских раннесредневековых древностей.

В известной статье, посвященной проблемам раннесредневековой хронологии Восточной Европы, А.К. Амброз писал, что этот тип украшений характерен для комплексов I – III этапов эволюции могильников Юго-Западного Крыма. Вместе с тем, «полиэдрические серьги имеют датирующее значение лишь для раскопанных могильников типа Суук-Су. В других местах их разные варианты бытовали в V – VIII вв.» (Амброз, 1971. С. 114).

А.И. Айбабин, посвятивший древностям Крыма целый ряд работ, отметил, что серьги с 14-гранником «найжены в Крыму не только с вещами первой половины V в., но и с фибулами второй половины V в. в склепе 190 в Скалистом, с пряжкой первой половины VII в. в захоронении 7 в склепе 78/1907 и с краснолаковой миской VI – первой половины VII вв. в могиле 19 в Керчи» (Айбабин, 1984. С. 113).

Для Восточного Причерноморья и Северного Кавказа чрезвычайно важны материалы, эталонного с точки зрения хронологии, могильника Дюрсо. Исследователь памятника А.В. Дмитриев констатировал достаточно устойчивую встречаемость полиэдрических серег небольшого размера с фибулами второй половины V – первых двух третей VI вв. Позднее «маленькие серьги с 14-гранной бусиной исчезают. Только в погребении 451 вместе с другими типами найдена такая серьга» (Дмитриев, 1982. С. 101. Рис. 11-12). В более поздней работе исследователь, со ссылкой на М.М. Казанского, ограничил дату первых двух периодов могильника пределами второй трети V – первой трети VI в., а этнос населения, оставившего погребения раннего периода связал с готами-тетракситами (Дмитриев, 2003. С. 205). Возможность такого рода этнической идентификации допускал М.Б. Щукин: «вполне возможно, что с 430-х по 550-е гг.

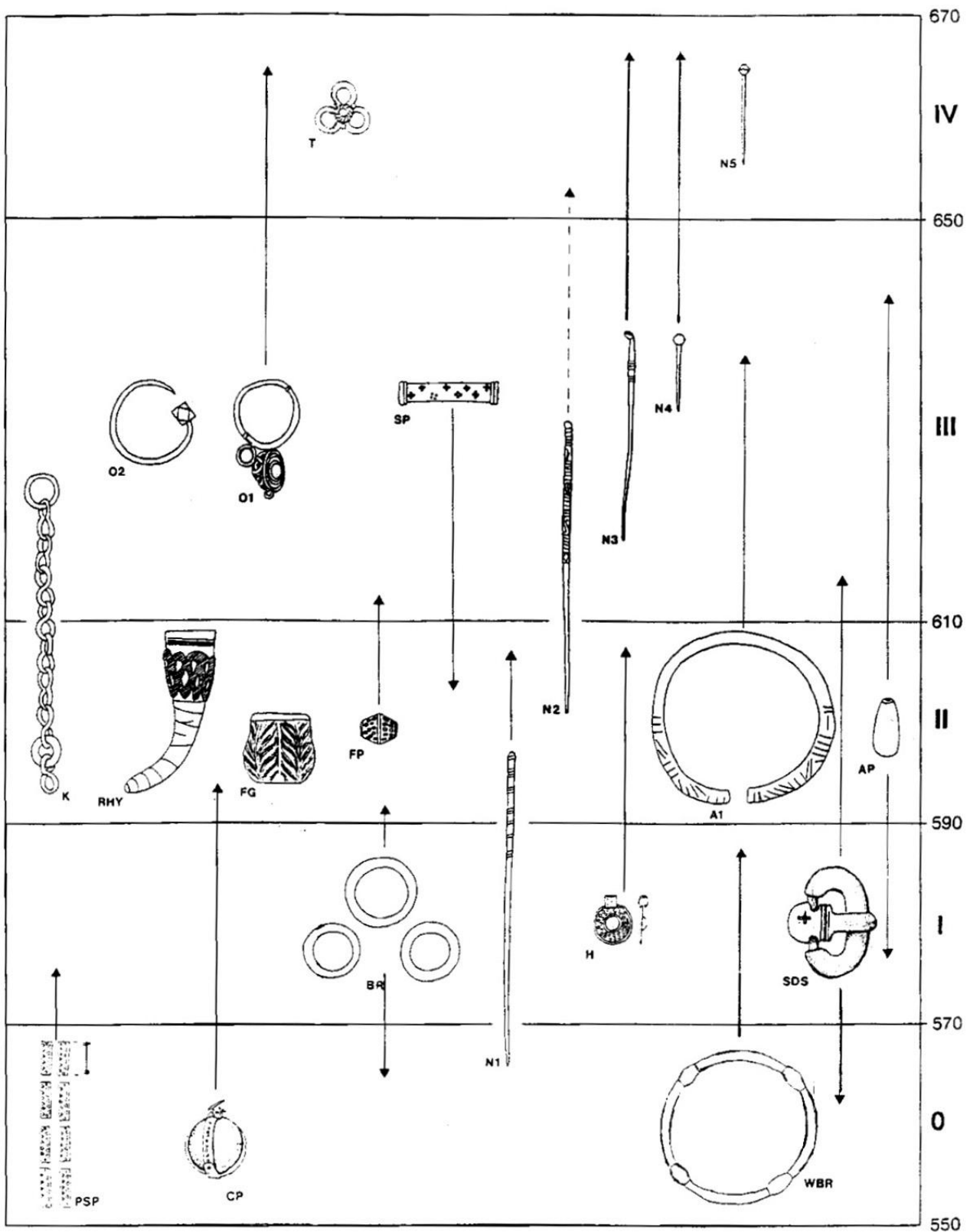

Рис. 2. Вещи из лангобардских (женских) погребений Италии (Jorgensen, 1992. Fig. 6)

более ста лет, не столь уж мало, некая группа готов, переселившихся из Крыма, действительно обитала на кавказском берегу Черного моря и представлена могильниками типа раскопанного на реке Дюрсо, сохраняла свое единство и этническое самосознание» (Шукин, 2005. С. 457).

В центральных районах Северного Кавказа полиэдрические серьги – «распространенный предмет погребального инвентаря в памятниках региона V–VII вв. н.э.» (Габуев, Малашев, 2009.С. 137). Происходят они из комплексов, связанных с древностями алан (Ковалевская, 2005. Рис. 122, 69; Гавритухин, Малашев, 1998. Рис. 4, 10; Мастыкова, 2009. Рис. 71).

В статье, посвященной хронологии древностей северокавказских алан, В.Б. Ковалевская особое внимание уделила разработке типологии и хронологии серег. Говоря о серьгах с 14-гранником, она отметила, что в окрестностях Кисловодска и в Кабардино-Балкарии эти украшения встречены только в комплексах VI – VII вв. Происхождение этого типа серег исследовательница связывает с боспорскими мастерскими: «В пользу этого говорят находки в Керчи, Херсонесе, Сахарной Головке и Фанагории... В эпоху гуннского нашествия эти серьги широко проникли с Боспора на Запад (Чаквар, Сабадбаттыян, Кестхей-Фенекпуста) и на Восток, до Дагестана» (Ковалевская, 1995. С. 155).

На территории Венгрии серьги такого типа считаются характерным украшением для женских погребений. «В Чакваре такие серьги изготовлены полностью из серебра или бронзы с желто-зелеными стеклянными вставками. Серьги с восьмигранным завершением также встречаются в погребениях, расположенных вдоль лимеса: в Интерцизе, Пилишмароте и Бригецио. Вариант их, изготовленный из золота и украшенный вставками из альмандина, прослеживается почти во всех погребениях V в. Паннонии и Карпатского бассейна» (Шаламон, Баркоци, 1982. С. 34, 41). Авторы публикации считают, что в V в. центр производства этих серег находился в Карпатской котловине: «это подтверждается и тем, что такие серьги находились в употреблении в течении длительного времени, они встречаются даже в лангобардских могильниках VI в.» (Шаламон, Баркоци, 1982. С. 41). А.К. Амброз отметил, что эта точка зрения заслуживает внимания (Амброз, 1989. С. 34). Также исследователь констатировал факт полного отсутствия серег с многогранником в кочевнических древностях и то, что «их нет и в нескольких достоверных комплексах V в. Северного Кавказа» (Амброз, 1989. С. 34).

В настоящее время существует несколько точек зрения по вопросам происхождения и хронологии полиэдрических серег.

Д.М. Атаев полагал, что «северо-восточный Кавказ, в частности, Дагестан, где обнаружены самые ранние прототипы этих украшений и наибольшее их число, является областью их возникновения» (Атаев, 1963. С. 235).

В.Б. Ковалевская считает, что «происхождение их, возможно, связано, как и в случае с серьгами-«калачиком», с боспорскими мастерскими» (Ковалевская, 1995. С. 155).

А. Шаламон и Л. Баркоци пишут, что «принимая во внимание частоту находок и наличие вариантов внутри типов, а также одинаковое соотношение

серег, изготовленных из серебра и бронзы, можно предположить существование центра их производства в V в. в Карпатском бассейне» (Шаламон, Баркоци, 1982. С. 41). Интересно отметить и то, что венгерские исследователи полагают, что «в Карпатском бассейне погребения с западной ориентировкой и полиэдрическими серьгами имеют германское происхождение в противоположность одновременным им алано-германским погребениям с северной ориентировкой» (Эрдели, 1982. С. 68).

А.В. Мастыкова считает, что «наиболее древние погребения с полиэдрическими серьгами известны для времени около 400 г. на широкой территории, от Восточного Крыма и Дона до Карпат, что не позволяет пока ставить вопрос об их конкретном происхождении» (Мастыкова, 2009. С. 73).

И.О. Гавритухин полагает, что связь этих украшений «с влиянием позднеантичной культуры и широкое распространение в V – VI вв., а в некоторых культурах и позднее, сейчас едва ли может вызывать сомнение» (Гавритухин, 2007. С. 32).

В недавно вышедшей монографии «Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э.» В.Ю. Малашев отметил, что «В решении вопроса генезиса и хронологии данных серег представляют интерес находки золотых литых (напускных?) 14-гранных бусин (по одной в комплексе) из ограбленных в древности погребений курганов 1 и 2 могильника Левоподкумский 1. Данные комплексы датируются по пряжкам и фибулам первой половиной IV в. н.э. Данные находки, с определенной долей осторожности, позволяют не исключать вопрос о генезисе подобных украшений на территории северокавказского региона уже в финале позднесарматского времени» (Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015. С. 93).

В середине I тыс. н.э. районы Среднего Поволжья и Предуралья входили в зону распространения полиэдрических серег. Они найдены на ряде памятников V – VI вв. именьковской культуры, а также в материалах близких ей хронологически и территориально культур и культурных типов (рис. 3).

Именьковская культура – крупнейшее этнокультурное образование середины I тыс. на Средней Волге. В настоящее время учтено свыше 600 памятников (городища, селища, могильники) этой культуры. Они занимают территорию от низовьев р. Камы (на севере) – до устья р. Самары (на юге); от среднего течения р. Суры (на западе) – до среднего течения р. Белой (на востоке).

Пришлый характер именьковского населения признается практически всеми исследователями. Сегодня не вызывает серьезных возражений тезис Г.И. Матвеевой о формировании именьковской культуры на базе культур «полей погребений» (Матвеева, 2004).

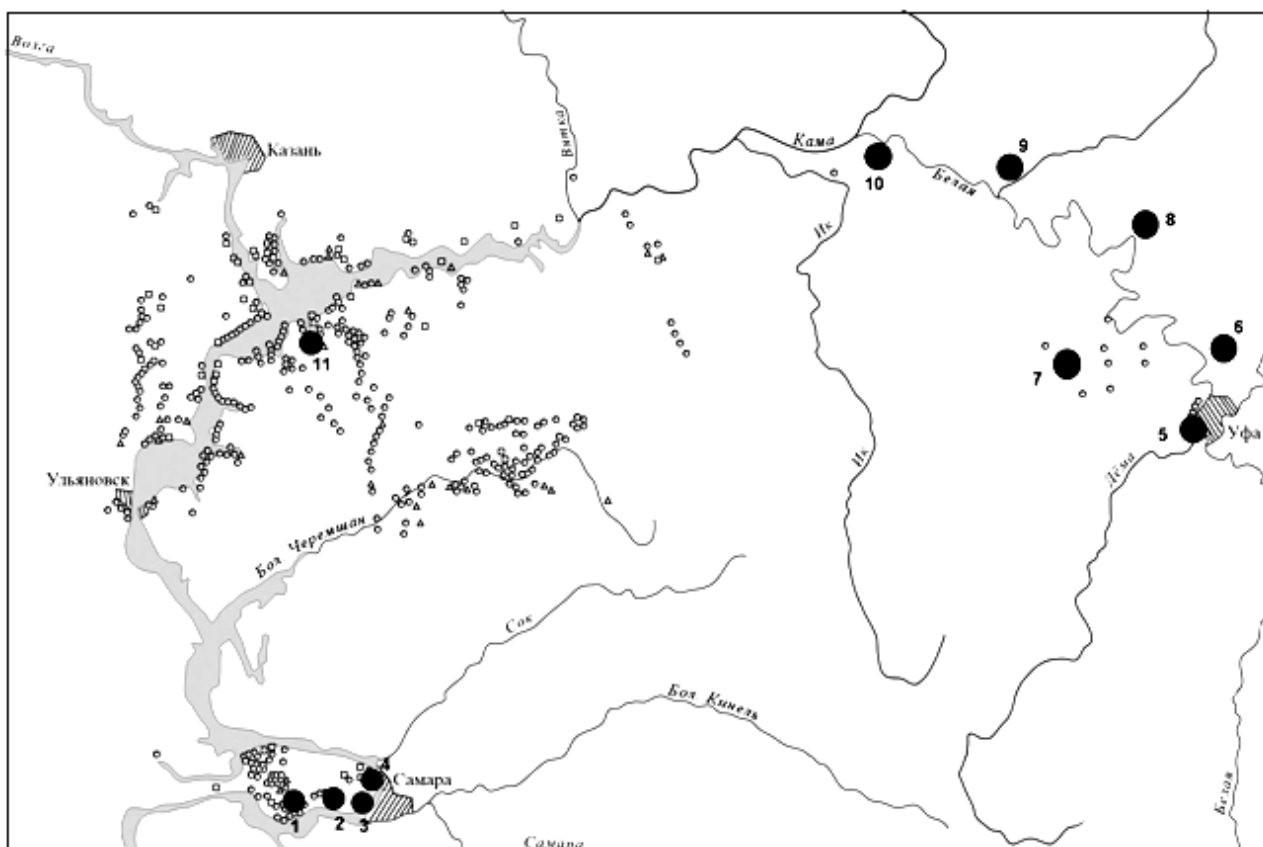

Рис. 3. Карта-схема памятников с полиэдрическими серьгами Среднего Поволжья и Предуралья:

- 1 – Кармалинское городище, 2 – селище Ош-Пондо-Нерь II, 3 – Новикковский II курганный могильник, 4 – Подгоры V грунтовый могильник, 5 – городище Уфа II, 6 – Ново-Турбаслинский могильник, 7 – Кушнарниковский могильник, 8 – Бирский могильник, 9 – Манякский могильник, 10 – могильник Такталачук, 11 – Коминтерновский II могильник. Другие значки – памятники именьковской культуры.

Результаты сравнительно недавних археологических исследований позволили увидеть неоднородность именьковских материалов. Так наряду с традиционными славянскими жилищами-полужемлянками были выявлены «большие дома», восходящие к традициям германского домостроительства (Богачев, 1991; Матвеева, 1993). Наряду с моноритуальными могильниками типа «полей погребений» (Старостин, 1983; 1986), исследованы биритуальные кладбища, на которых традиционные именьковские погребения-кремации перемежаются с ингумациями (Казаков, 1998; Генинг, 1977).

Новые открытые в Самарском Поволжье памятники (типа Лбище, Славкино, Сиделькино-Тимяшево, Царев Курган) скорректировали представления о характере и этапах заселения региона, пришедшими с запада, протославянскими племенами (Матвеева, 1998; Сташенков, 2005; Седов, 2002; Богачев, 2011).

Возвращаясь к теме нашего исследования, необходимо констатировать, что на Средней Волге в материалах именьковской и типологически близких ей культур полиэдрические серьги найдены на памятниках, датируемых временем не ранее V–VI вв. В частности, на Самарской Луке (южная граница именьковского мира) известны находки такого рода серег на Кармалинском городище (1 экз.), на селище Ош-Пандо-Нерь-II (2 экз.) и на грунтовом могильнике близ с. Подгоры (1 экз.).

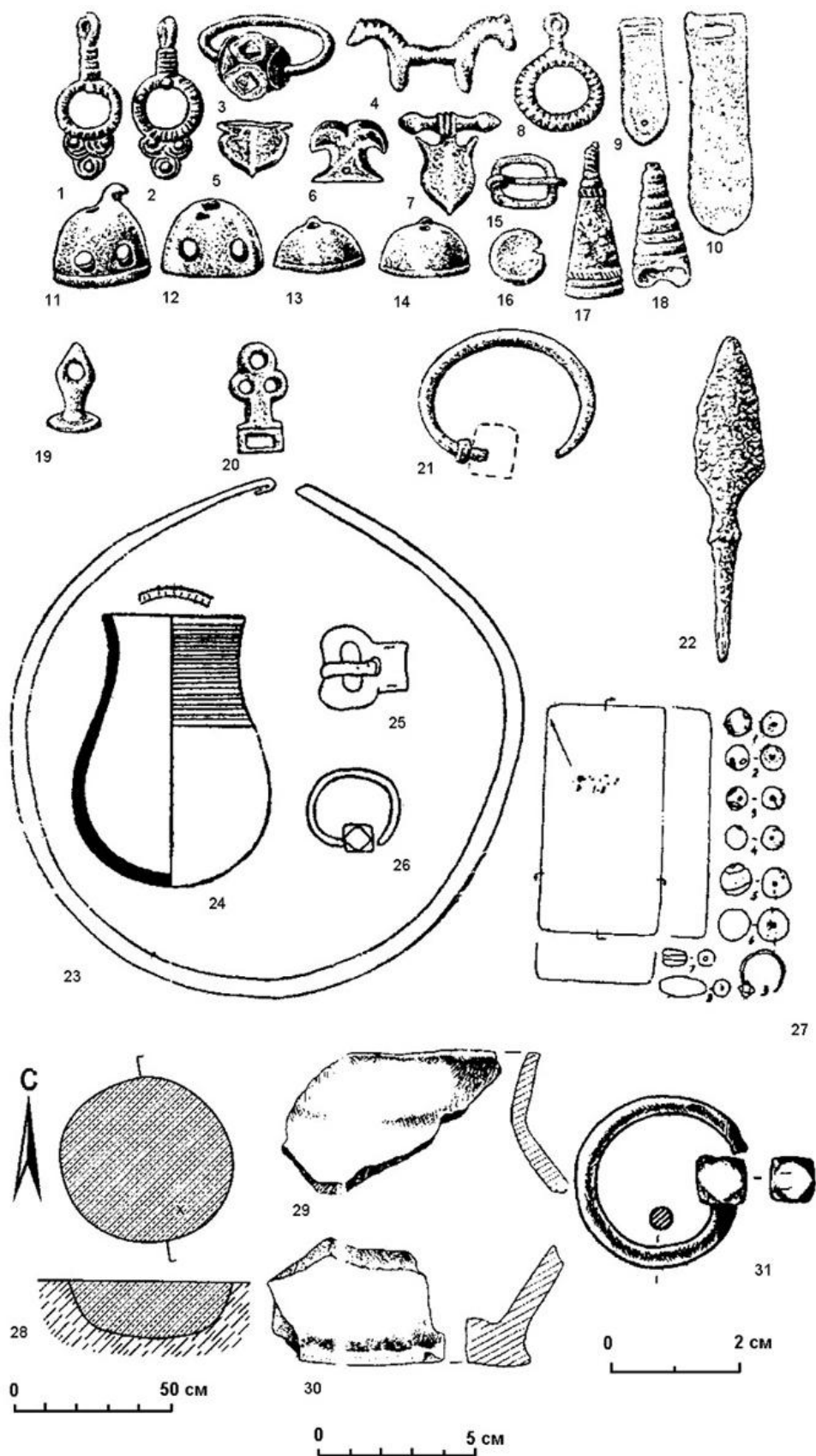

Рис. 4. 1-18 – Манякский могильник погребение № 10 (раскоп II), 19-22 – Манякский могильник погребение № 21 (раскоп I); 23-26 – могильник Такталачук погребение 330; 27 – могильник Коминтерн II погребение-кремация № 29 (план, профиль), бусы и полиэдрическая серьга; 28-31 – могильник Подгоры V сооружение № 34 (план, профиль), полиэдрическая железная серьга, венчик и днище сосудов.

Все эти памятники представлены материалами именьковской культуры и датируются, в том числе и по монетам, временем V–VI вв. (Матвеева, Морозов, 1991; Матвеева, 2000; Мышкин, 2013; Богачев и др., 2013).

Памятник Подгоры-V находится между селами Подгоры и Гаврилова Поляна в Волжском районе Самарской области в юго-восточной части Самарской Луки. Исследованный участок расположен на ровной площадке в долине между протокой р. Волги и Жигулевскими горами. На памятнике исследовано десятки сооружений, многие из которых представляли собой захоронения, совершенные по обряду кремации, причем, одно погребение-кремация, судя по всему, было урновым. Автор раскопок отметил, что «характер культурного слоя исследованного участка, выявленных сооружений и их заполнения, особенности распространения и состав находок в сооружениях и на пространстве между ними свидетельствуют, что исследованный в 1999 – 2001 гг. участок поселения Подгоры-V представлял собой могильник и, вероятно, место ритуальных действий, совершавшихся в процессе и после погребения умерших. Функционирование этого могильника связано с населением, создавшим именьковскую культуру эпохи раннего средневековья» (Мышкин, 2012. С. 93).

Полиэдрическая серьга была найдена в сооружении № 35 (безурновое трупосожжение). Оно зафиксировано в кв. Н.88 в культурном слое благодаря цвету заполнения, представляющего собой темно-серый гумусированный суглинок с обильными включениями плотной крошки. Диаметр сооружения в плане – 0,5 м, глубина от уровня фиксации – 0,18 м (рис. 4, 28-31).

В заполнении обнаружены железная серьга с многогранником (диаметр кольца 2,8 см), изготовленная из проволоки толщиной 0,3 см, а также 14 фрагментов керамики, в том числе 1 неорнаментированный венчик и 1 днище плоскодонного сосуда. Кроме того, найдены фрагменты нижней челюсти крупного рогатого скота и остатки обожженных желудей. Керамический комплекс памятника авторами раскопок в целом связывается с именьковской культурой (Матвеева, Мышкин, 2012; Мышкин, 2013). Вместе с тем, исследователи отметили сходство отдельных форм сосудов с материалами из позднезарубинецких памятников типа Гриней (Матвеева, Мышкин, 2012. С. 91).

Селище Ош-Пандо-Нерь-II расположено у подножия горы Ош-Пандо-Нерь в 1,5 км к западу от с. Шелехметь Волжского района Самарской области в подгорной долине Самарской Луки. Две полиэдрические серьги происходят из культурного слоя селища. Одна бронзовая серьга (рис. 5, б) была найдена в 1994 году экспедицией под руководством Г.И. Матвеевой. Диаметр кольца – 3 см, толщина поперечного сечения – 0,3 см, диаметр многогранника – 0,9 см (Багаутдинов, Никитина, 2013. Рис. 15, 9).

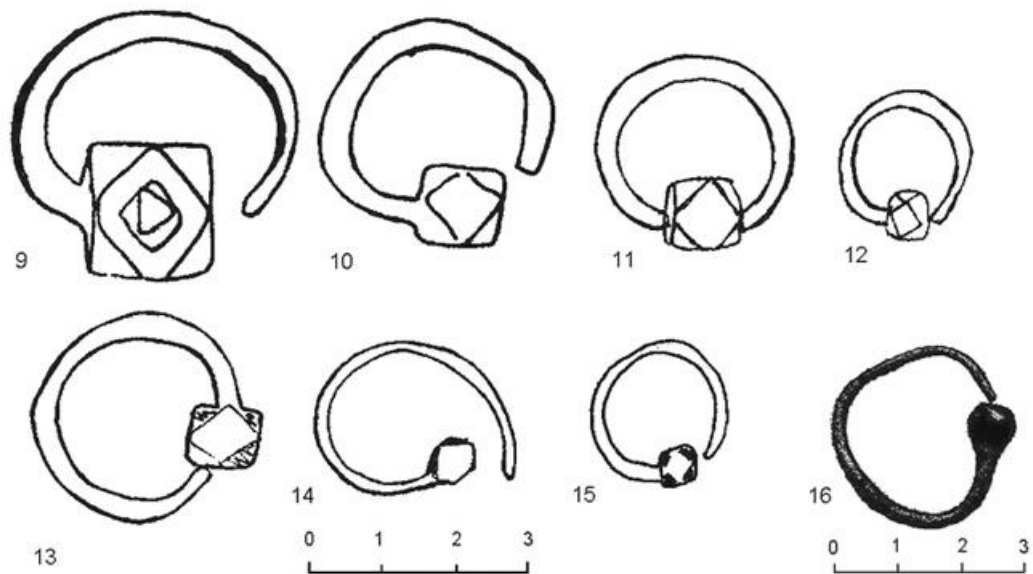
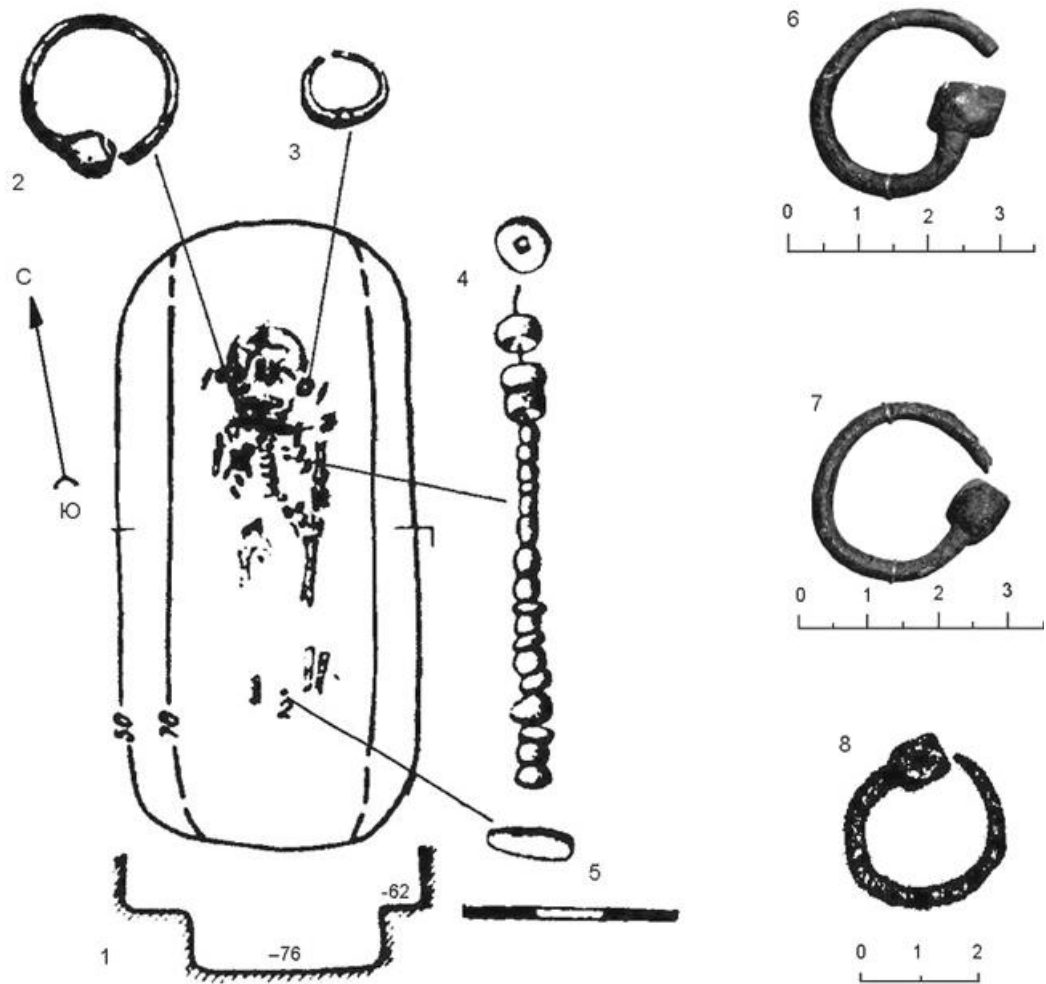

Рис. 5. 1-5 – Кушнаренковский могильник погребение № 8 (план, профиль (1), полиэдрическая серьга (2), серьга-калачик (3), бусы пастовые (4), бусина сердоликовая (5); 6-7 – селище Ош-Пандо-Нерь II); 8 – Кармалинское городище; 9-12 – Ново-Турбаслинский могильник (к. 20 п.3 (9), к. 12 п. 4 (10), к. 22 п. 1 (11), к. 32 п. 1 (12)); Бирский могильник (п. 166 (13), п. 137 (14), п. 78 (15)); 16 – городище Уфа II.

На этом же селище в сооружении 73 раскопа V обнаружена аналогичная серьга (рис. 5, 7). Диаметр кольца 2,5 см, толщина поперечного сечения – 0,3 см, диаметр многогранника – 0,7 см (Скарбовенко, 1995).

Отметим, что в разные годы в результате научных раскопок на этом селище, помимо прочих артефактов, были найдены бронзовая фигурка человечка, а также кольцевая подвеска с выпуклинами (Матвеева, 2004. Рис. 25, 9, 16).

Кармалинское городище расположено юго-западнее с. Кармалы Ставропольского района Самарской области, на Самарской Луке. В результате раскопок, проведенных на памятнике экспедицией под руководством Г.И. Матвеевой была найдена железная серьга (рис. 5, 8) с многогранником на конце (Матвеева, Морозов, 1981). При подготовке повторной публикации памятника авторы статьи, работая с коллекцией из Кармалинского городища, ни в фондах СамГУ, ни в фондах СОИКМ эту серьгу не обнаружили (Богачев и др., 2013).

Необходимо сказать, что в нашем распоряжении оказались фотографии артефактов, добытых на Кармалинском городище черными копателями (разделы фото-презентации были подписаны). Посоветовавшись с коллегами, мы решили эти фотографии не публиковать. Вместе с тем, имеет смысл отметить, что, судя по этим качественным фотографиям, из культурного слоя городища были извлечены следующие артефакты: полиэдрические серьги (1 – золотая, 5 – серебряных, 3 – бронзовых), бронзовые кольцевые подвески с выпуклинами (3 экз.), трехсоставные пряжки, двупластинчатые (3 экз.) и Т-образная (1 экз.) фибулы, антропоморфные литые плоские фигурки (2 экз.), коробочки-колты (2 экз.), спиралевидные пронизки, бусы и другие артефакты.

Еще одна серьга, происходящая с территории Самарской Луки, была найдена в погребении 2 кургана 4 Новинковского-II могильника (рис. 6, 1-7). Погребение находилось в северо-восточном секторе кургана непосредственно под погребением 1 на глубине 2,06 м. Женский костяк лежал головой на запад в вытянутом на спине положении. Руки вытянуты вдоль тела. Погребение частично разрушено: ребра, верхняя половина позвоночника, кисти рук и стопы отсутствовали. На запястьях обеих рук были надеты бронзовые браслеты из круглого в сечении дрота. Около висков с обеих сторон лежало по серьге (серьга-калачик и серьга-лунница). Под черепом находилась еще одна серьга с многогранником на конце. У правой руки лежал железный предмет, сильно коррозированный, а потому неопределимый. В области груди находилась железная пряжка овальной формы. У ног лежали угли. Мелкие угольки встречались по всему дну могилы (Матвеева, 1997. С. 16). Набор украшений позволяет датировать комплекс VI в. (Матвеева, 1997; Богачев, 2011).

Работая в ноябре 2015 г. в фондах СамГУ с материалами из погребения 2 кургана 4 Новинковского курганного могильника, автор настоящей статьи не нашел в коллекции полиэдрическую серьгу и серьгу-лунницу. В личном архиве имеются наши давние прорисовки этих изделий, которые и воспроизводятся в настоящей статье.

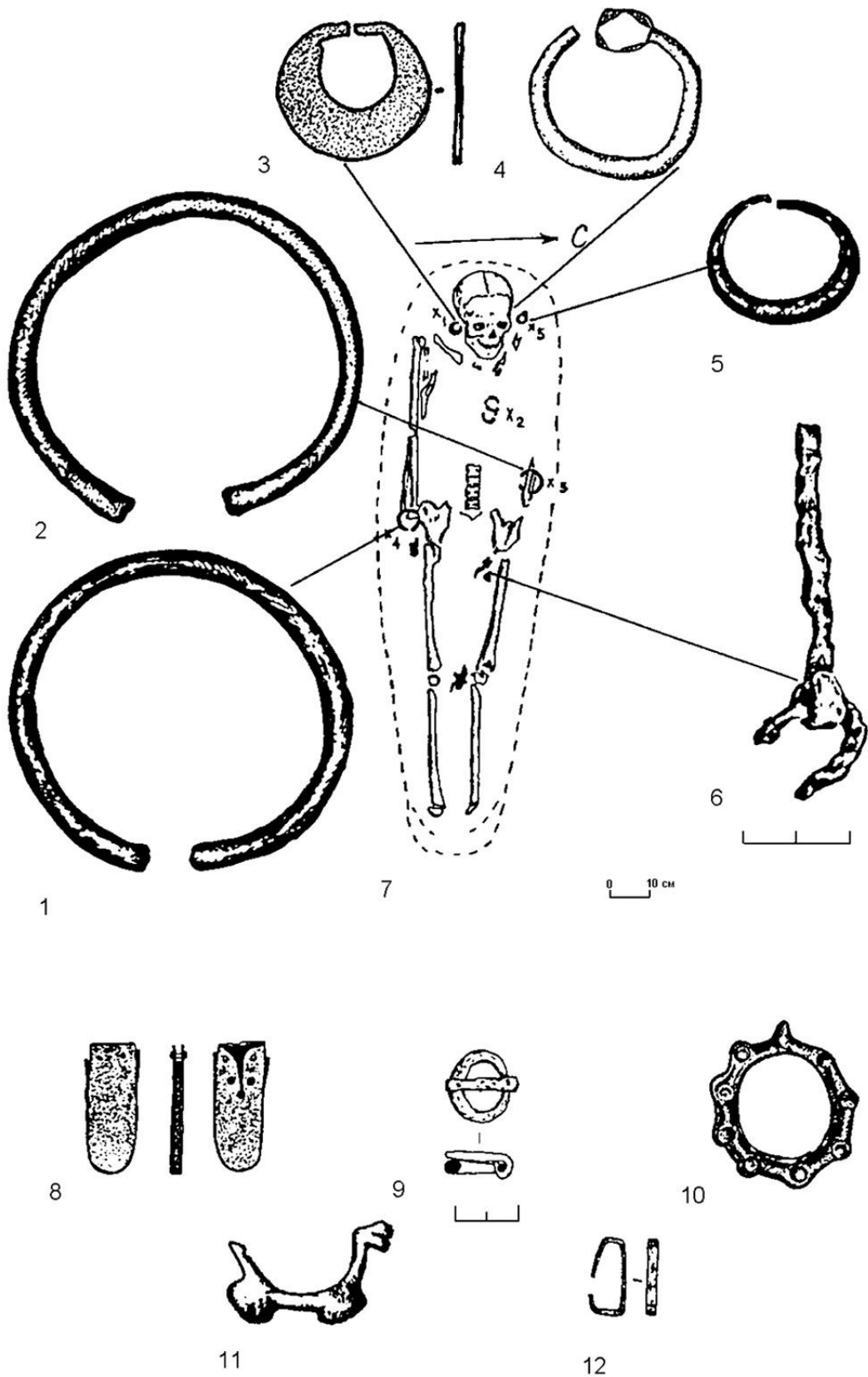

Рис. 6. Новинковский II курганный могильник. 1-7 – погребение № 2 курган 4;
 9-10 – железная пряжка и бронзовая подвеска с выпуклинами из насыпи кургана 23;
 8,12 – серебряный поясной наконечник-коробочка и бронзовая скоба из насыпи кургана 24;
 11 – бронзовая подвеска с выступами из насыпи кургана 4.

Следует сказать, что в коллекции материалов из Новинковского могильника имеются фрагменты трубчатых и спиралевидных пронизок, которые маркированы как находки из погребения 2 кургана 4 Новинковского курганного могильника.

Достаточно представительная выборка (21 экз.) серег с многогранником происходит из памятников V – VII вв. среднего и нижнего течения р. Белой (турбаслинская, кушнаренокская, бахмутинская культуры). Это восточная периферия именьковского мира.

Здесь, наряду с классическими именьковскими памятниками романовского типа, исследован биритуальный грунтовый Кушнаренокский могильник, на котором были представлены и классические именьковские погребения-кремации, и турбаслинские ингумации.

Кушнаренокский могильник расположен в Республике Башкортостан на окраине с. Кушнаренокво в 400 м к ЮЗ от края невысокого мыса, ограниченного с юга небольшой речкой, а с востока – поймой р. Белой.

Серьга с полиэдрическим окончанием (1 экз.) найдена в подростковом погребении № 8 (рис. 5, 1-5). Размеры могильной ямы 104 x 50 см. На глубине 62 см вдоль продольных стенок – заплечики шириной 7 см, ниже заплечиков на 14 см размеры могильной ямы 104 x 35 см. Детский костяк (девочки) плохой сохранности, ориентирован головой на ССВ, лежал вытянуто на спине, руки – вдоль костяка, череп раздавлен. Справа и слева от черепа у височных костей – две медных серьги, около шейных позвонков – бусы, еще одна сердоликовая бусина найдена между костями стоп (Генинг, 1977. С. 97). Серьги из комплекса – серьга-калачик с наплывом в месте наибольшего расширения (диаметр 1,7 см); серьга с многогранником (диаметр 3,1 см, сечение кольца 0,2 см, диаметр многогранника 0,8 см).

В других погребениях Кушнаренокского могильника были найдены поясные наборы (пряжки, накладки), браслеты, двупластинчатые фибулы, коньковые подвески, стеклянные, сердоликовые и янтарные бусы, браслеты, серьги-калачики, гроздевидные серьги, ножи, детали конской упряжи (и останки коня), пряслица. Автор раскопок датировал памятник второй половиной VI – первой половиной VII в. (Генинг, 1977. С. 136).

В материалах турбаслинской культуры серьги с многогранником (8 экз.) найдены также в пяти подкурганых захоронениях Ново-Турбаслинского могильника (12/4, 14/5, 14/7, 20/3, 22/1).

Курган 12. Округлой формы. Высота 0,48 м, диаметр 14 м. Имеется 4 погребения.

Погребение 4. Нетронутое, женское. Размер могильной ямы – 2,2 x 0,5 м, глубина – 25 см. Костяк лежит на спине головой на север, руки – вдоль тела. Череп деформирован, положен на правую лицевую сторону лицом на запад. У изголовья, на северном конце ямы – две кости лошади или коровы и раздавленный глиняный

сосуд. У черепа – две серебряные позолоченные серьги с литой многогранной бусиной (рис. 5, 10). Вокруг шеи – 99 бусин: 2 янтарные (одна плоская круглая, другая шаровидная), остальные – стеклянные: 4 темно-синего, 6 зелено-коричневого, 8 светло-голубого, 2 желтого, 5 коричневого цвета, 72 посеребрены). На груди и поясе собраны 61 бусина. Из них 21 – янтарная (3 круглых, плоских, 15 круглых, 4 круглых с орнаментом), 2 глиняные (красно-коричневого и темно-коричневого цветов) и 38 стеклянные (2 темно-синего, 2 желтого цвета, остальные посеребрены). На правой руке – браслет из бронзовой проволоки диаметром 0,5 см. Посередине браслет имеет выпуклый поясок (Мажитов, 1959. С. 128).

Курган 14. Круглой формы. Диаметр 14 м, высота 0,15 м. Содержит 7 погребений.

Погребение 5. Размер могильной ямы – 2,36 x 1,0 м, глубина – 0,6 м. На глубине 11 см на северном конце найдена бронзовая позолоченная серьга с граненой подвеской. Череп лежал затылочной частью вверх. Костяк первоначально лежал вытянуто на спине головой на север. В области черепа найдена вторая серьга, аналогичная первой. В северном углу стоял глиняный круглодонный сосуд с вытянутым туловом и отогнутым наружу венчиком.

Погребение 7. Размер могильной ямы – 1,96 x 0,9 м, глубина – 0,7 м, ориентировка северная. В заполнении найдены обломок глиняного сосуда и бронзовая серьга с граненой позолоченной подвеской, две стеклянные бусины, обломок железного предмета и обломок ножа. Судя по остаткам костей ног, первоначально погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север. В области таза находилась бронзовая статуэтка (высота 4 см) мужчины «в рост с поставленными в противоположные стороны ногами. Хорошо заметны его усы. На обратной стороне имеется ушко для привешивания» (Мажитов, 1959. С. 130). В северном углу стоял раздавленный глиняный сосуд.

Курган 20. Диаметр 22 м, высота – 0,6 м. Содержит 8 погребений, 7 из которых разграблены.

Погребение 3. Женское. Размер могильной ямы – 2,40 x 0,8 м, глубина – 0,5 м. Костяк лежит в вытянутом положении на спине головой на север. На правой лопаточной кости найдена бронзовая серьга (рис. 5, 9). Она сделана из массивной несомкнутой проволоки, которая на одном конце имеет четырехгранную бусину с четырьмя стеклянными вставками. Аналогичная ей серьга найдена под черепом.

Курган 22. Диаметр 16 м, высота 0,2 м, содержал два погребения.

Погребение 1. Размер могильной ямы – 2,60 x 0,8 м, глубина – 0,6 м. Погребение ориентировано на север. В северном конце могильной ямы стоял круглодонный шаровидной формы глиняный сосуд. Рядом с ним лежали две кости животного, очевидно лошади. Человеческие кости лежали в беспорядке в средней части могилы. Здесь же найдены одна серебряная серьга (рис. 5, 11) и бронзовая пряжка ремня.

Кроме того, в тексте статьи Н.А. Мажитова (фрагмент описания погребения 7 кургана 5) есть указание на то, что «бронзовая серьга с граненой позолоченной подвеской, аналогична серьгам из курганов № 12, 22 и 32». Однако описание материалов из кургана № 32 в тексте вышеуказанной статьи отсутствует. Вместе с тем, находка серьги из погребения 1 кургана 32 действительно имела место (рис. 5, 12). Рисунок украшения имеется в личном архиве В.Б. Ковалевской, возможность работать с которым Вера Борисовна любезно предоставила мне еще в бытность ее аспирантом.

Автор публикации датировал Ново-Турбаслинский могильник в пределах IV – VII вв. (Мажитов, 1959. С. 142).

Полиэдрические серьги были найдены в погребениях кушнаренковской культуры Приуралья (Такталачук, Маняк).

На могильнике Такталачук, расположенном в восточных районах Татарстана в низовьях р. Белая (Икско-Бельское междуречье), было исследовано свыше 350 погребений, 11 из которых – кушнаренковские.

Автор раскопок Е.П. Казаков, давший в публикации суммарное описание комплексов, полагает, что первоначально над ними располагались курганные насыпи. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на север с отклонениями к западу и востоку. На сохранившихся черепах (погр. 175, 220, 330, 358) прослежены следы искусственной деформации. Во всех погребениях (за исключением погр. 265) в изголовье найдены керамические сосуды, а также вещевой инвентарь: бусы (стекло, коралл, сердолик), поясные пряжки и накладки, гривна, цепь-гривна, серьга, железный нож, накладки лука, наконечники стрел, колчаный крючок. В некоторых могилах найдены кости животных – остатки пищи.

Серебряная с позолотой серьга с 14-гранником, серебряная пряжка, бронзовая круглопроволочная гривна, а также кушнаренковский круглодонный сосуд (рис. 4, 23-26) были найдены в погребении 330, которое Е.П. Казаков датировал концом VI–VII вв. (Казаков, 1981. С. 125).

Манякский могильник кушнаренковской культуры, исследованный Н.А. Мажитовым, находился в 1 км южнее д. Маняк Краснокамского района Республики Башкортостана, на краю низкого коренного берега р. Б. Таныш. По мнению автора раскопок, первоначально над погребениями были курганные насыпи. Полиэдрические серьги были найдены в двух погребениях.

Погребение 21, раскоп I. Размер 2,60 x 1,25 м, глубина 0,8 м. Парное, ограблено. Костяки лежали вытянуто на спине головой на север. В изголовье костяков – три глиняных сосуда. У правой плечевой кости западного костяка – железный нож. В заполнении – две бронзовые подвески, железный наконечник стрелы, серебряная серьга (рис. 4, 19-22), вероятно с напущенной многогранной бусиной на одном конце (Мажитов, 1981. С. 11).

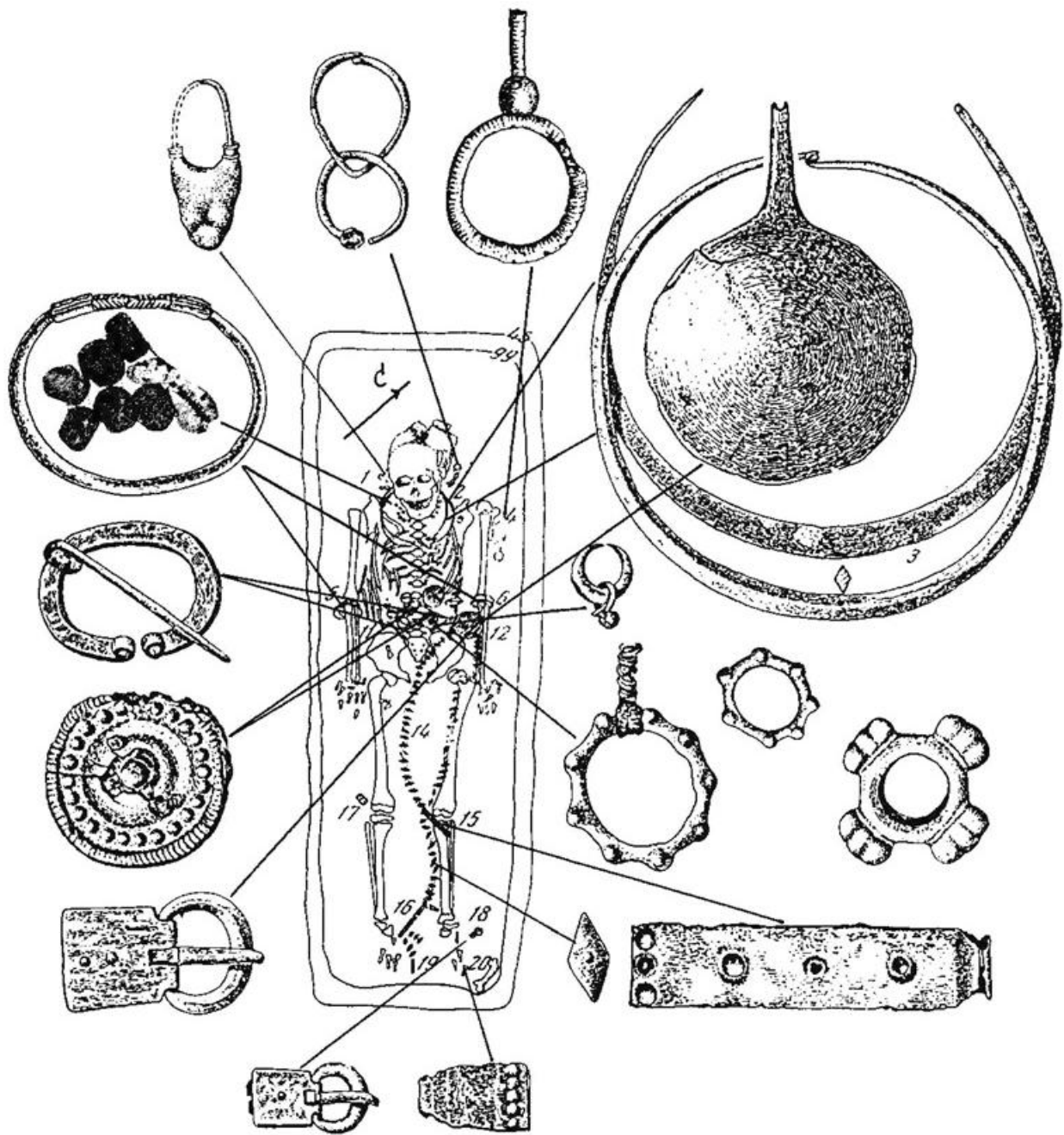

Рис. 7. Бирский могильник, погребение № 125.

Погребение 10, раскоп II. Размер 2,20 x 0,60 м, глубина 0,9 м. Потревожено, положение костяка вытянутое, головой на север. Найдено два глиняных сосуда, три колокольчика, одна овальная в сечении утконовидная, две рожковидные подвески, две серьги с многогранной напускной бусиной, две серьгообразные подвески, две подвески – двуглавые фигурки лошади, пряжка, круглая подвеска с ушком-отростком и бронзовые накладки: одна Т-образная, одна якорьковидная, одна щитовидная, четыре круглые, из которых две с остатками ремня, две удлиненной формы, но разных размеров (Мажитов, 1981. С. 16) (рис. 4, 1-18). Н.А. Мажитов датировал могильник VII – VIII вв. (Мажитов, 1981. С. 16).

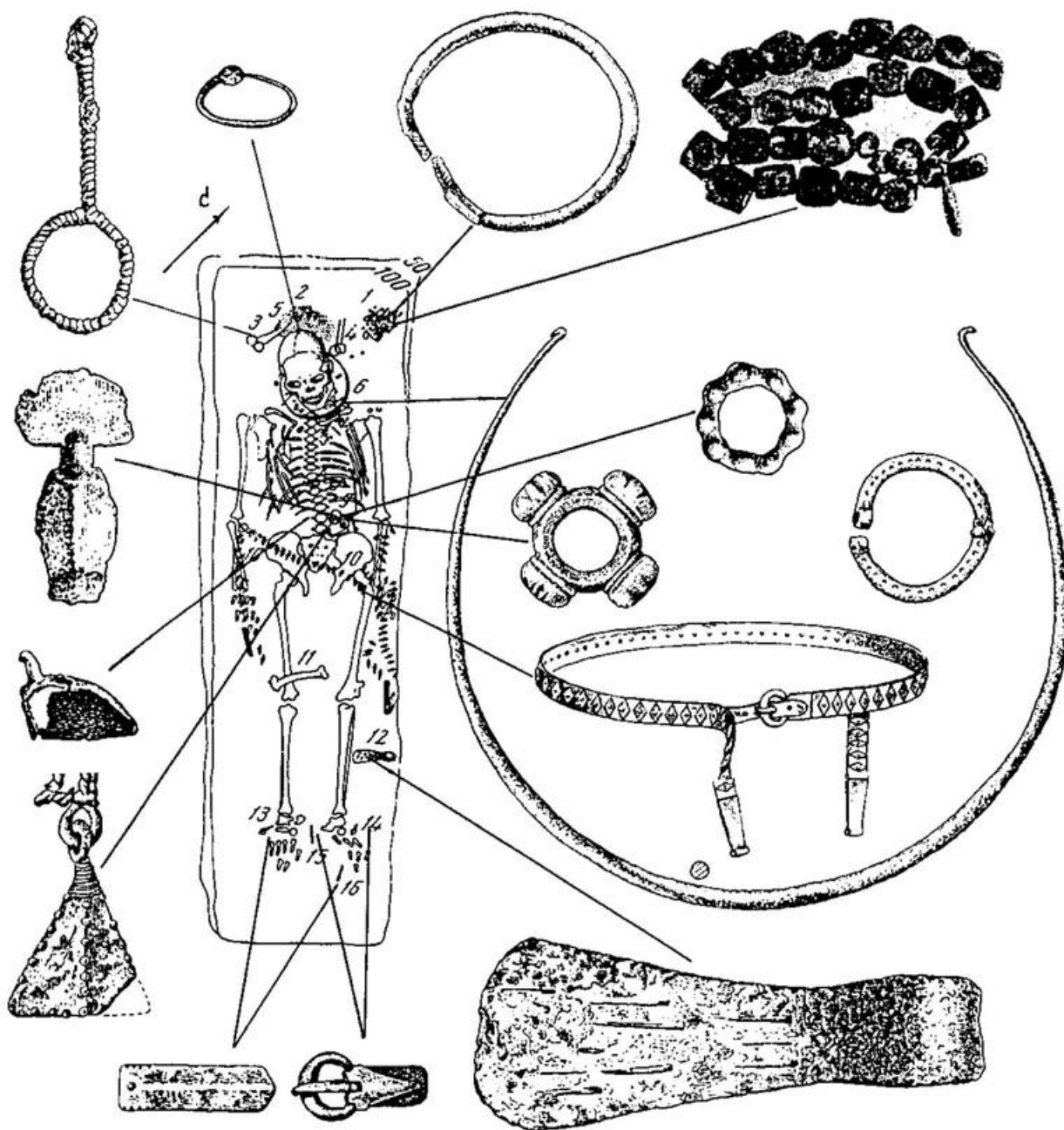

Рис. 8. Бирский могильник, погребение № 128.

Бирский могильник расположен в Республике Башкортостан вблизи г. Бирска на высоком правом берегу р. Белой. На памятнике исследовано 206 бескурганых захоронений, 10 из которых содержали полиэдрические серьги (рис. 5, 15-17) (12 экземпляров из погребений №№ 78, 84, 108, 125, 128, 137, 148, 166, 183, 195). Из них – 3 ограблены (пп. 84, 183, 195); 1 – детское (п. 78); 6 – женские.

Могильные ямы – простые с вертикальными стенками и ровным горизонтальным дном (рис. 7,8). Длина могил – от 1,9 до 2,8 м; ширина – от 0,6

до 0,8 м; глубина – 1,0-1,35 м. В двух ямах (пп. 148, 183) в северной стенке сделан подбой-ниша в котором находились керамические сосуды, а в п. 148 и кость животного (рис. 9). Напутственная пища (кости животных) содержалась еще в пяти погребениях (пп. 108, 125, 128, 137, 148). Причем, в погребениях 108, 137, 148 это была кость лошади.

Костяки лежали вытянуто (кости рук – вдоль тела) на спине головой на северо-запад (пп. 78, 125, 128, 137, 195) или на север-северо-запад (пп. 108, 148). Четыре погребения содержали керамическую посуду (по одному сосуду), причем в двух случаях это были сосуды бахмутинской культуры (пп. 166, 183), в одном – турбаслинской (п. 148) и еще в одном – кушнаренковской (п. 78). В трех могилах (пп. 108, 128, 137) в головах лежали жертвенные комплексы вещей.

Восемь погребений содержали пояса или их детали – трехсоставные пряжки, накладки в виде ромба и наконечники (коробочки, пластинчатые).

В семи погребениях найдены стеклянные/пастовые бусы. Из них три (пп. 78, 137, 148) содержали и крупные бусы из янтаря.

Семь погребений содержали застезки – двупластинчатые фибулы и кольцевые сьюльгамы. Причем, в некоторых захоронениях оба типа застезек находились вместе. В двух случаях застезки сьюльгамного типа были парными (пп. 125, 148).

В шести погребениях были бронзовые гривны (в сечении – ромические, круглые, плоские, витые).

В пяти – кольцевые подвески с выпуклинами. Причем, в двух могилах было по три экземпляра подвесок, еще в двух – по два.

В пяти – парные бронзовые (из круглого дрота, концы иногда имеют фигурное оформление) и железные браслеты.

Пять погребений содержали разного рода пронизки: спиралевидные и трубчатые.

Четыре погребения содержали железные ножи; четыре – обувные пряжки; одно – зеркало.

В погребении 78 найдена полая серьга-калачик харинского типа, а в погребении 125 – цельнолитая серьга-калачик.

В погребении 125 между застезками-сьюльгами на поясничных позвонках – две круглые бронзовые бляхи, состоящие из двух пластинок, скрепленных между собой пятью шплинтами.

В погребении 148 у костей правой руки найдена бронзовая подвеска (колт), состоящая из двух круглых баночек с выпуклыми основаниями. (Мажитов, 1969. С. 35, 106 – 107).

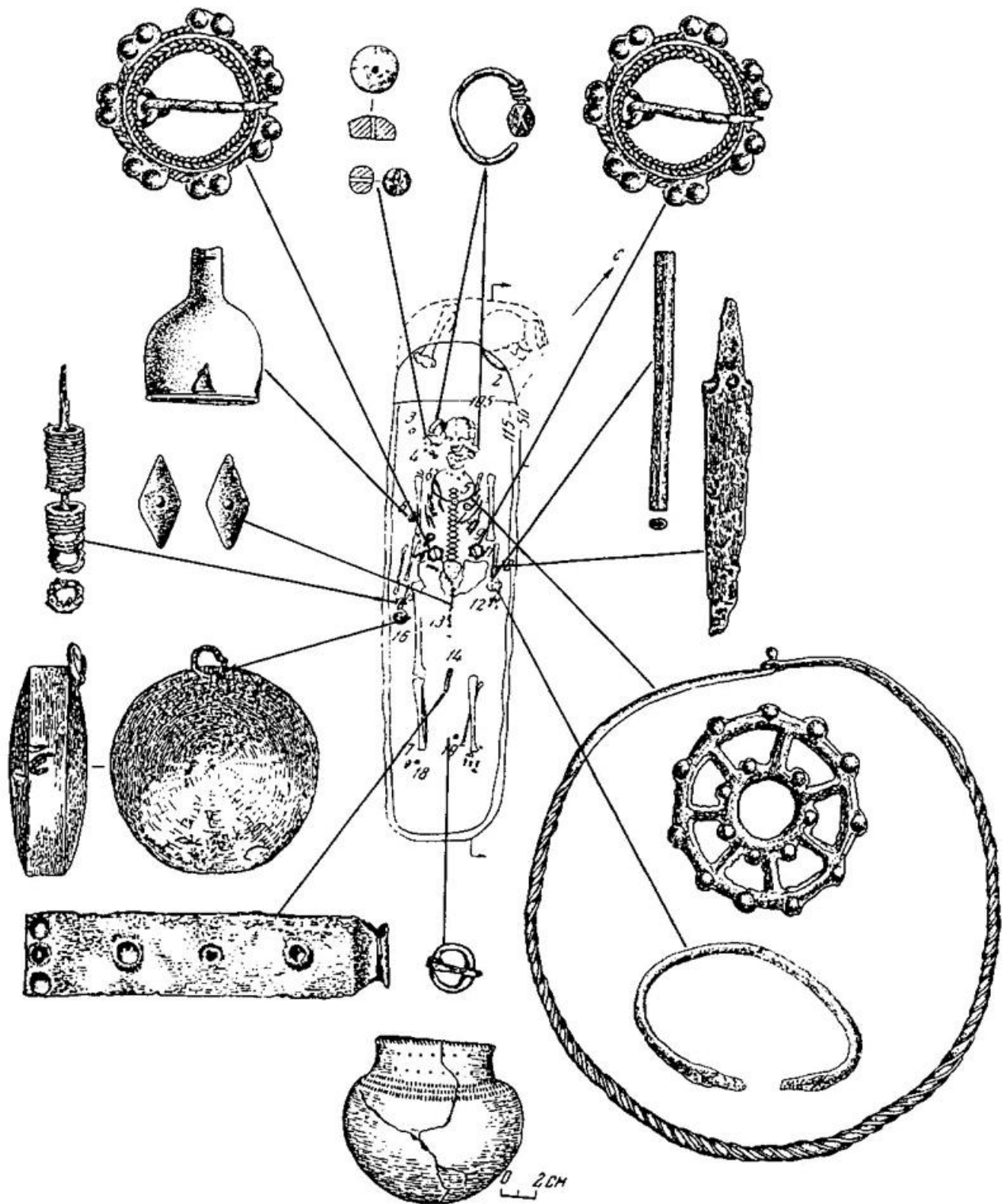

Рис. 9. Бирский могильник, погребение № 148.

Представляется важным упомянуть о еще двух находках, происходящих не из погребений с полиэдрическими серьгами, но чрезвычайно важных в контексте нашего исследования. Это стеклянный кубок на круглом поддоне, найденный в нише-подбое ограбленного погребения № 145 (Мажитов, 1969. С. 32) (рис. 10, 11), а также поясная накладка в виде свастики из погребения № 18 (Мажитов, 1969. Табл. 12, 2) (рис. 11, 10-14). «В настоящее время

неоспоримым остается факт, что формирование их культуры в V – VII вв. происходило при воздействии пришлых кочевников. Для этого времени мы находим возможным ставить вопрос о вливании в местную пьяноборско-бахмутинскую среду новой группы племен южного происхождения» (Мажитов, 1969. С. 72). Автор подчеркивает культурную близость бахмутинских и турбаслинских племен.

При раскопках городища Уфа-II, расположенного в Кировском районе административного округа г. Уфа Республики Башкортостан, найдена как минимум одна полиэдрическая бронзовая серьга (рис. 5, 16), диаметр которой составлял 2,5 см (Мажитов и др., 2009. Рис. 122, 12). Исследователи полагают, что «основной период функционирования памятника связывается с турбаслинским и бахмутинским населением Приуралья и датируется V–VIII вв.» (Мажитов и др., 2009. С. 126).

Коминтерновский II могильник расположен в Татарстане на останце надпойменной террасы левого берега реки Ахтай, на южном углу, разделяющем поймы рек Волга и Кама.

29 из исследованных 49 погребений – остатки кремации, а остальные совершены по обряду трупоположения или представляют собой кенотафы. Преобладающая часть могил с трупосожжением имела глубину 50-80 см. Большинство могил ориентировано по линии СЮ, часто с отклонениями в секторе ССВ-ЮЮЗ.

Полиэдрические серьги были найдены в одном погребении-кремации № 29 (1 экз.) и в одном погребении-ингумации № 43 (1 экз.) могильника (Казаков, 1998. Рис. 27-А; 32, 1). Судя по описанию и подрисуночным подписям, серьга из погребения № 29 была бронзовой; из погребения № 43 – серебряной. Диаметр колец – около 3,0 – 3,2 см. Е.П. Казаков в своей публикации дал суммарное описание всех комплексов Коминтерновского II могильника.

Кремации (рис. 4, 27). Все могилы содержали положенные в кучку или рассыпанные кальцинированные кости, представляющие собой остатки сожженного на стороне трупа. Трупы кремировались с сопровождающим инвентарем и с животной пищей. Во многих могилах стояли от 1 до 4 целых сосудов, которые, как правило, имели разные размеры. Чаше сосуды ставились в южную часть могилы.

Ингумации (рис. 13, 14). Все совершены в прямоугольных могилах, глубиной до 120-200 см, при размерах в плане 185-300 x 80-110 см. Большинство ям имеют отвесные стенки и плоское дно, однако в погребении 43 в южной поперечной стенке был подбой, в котором находились череп и конечности лошади. Могила 43, содержащая череп и конечности лошади, имела заплечики вдоль продольных стенок.

Зафиксированы следы берестяных подстилок и древесного настила.

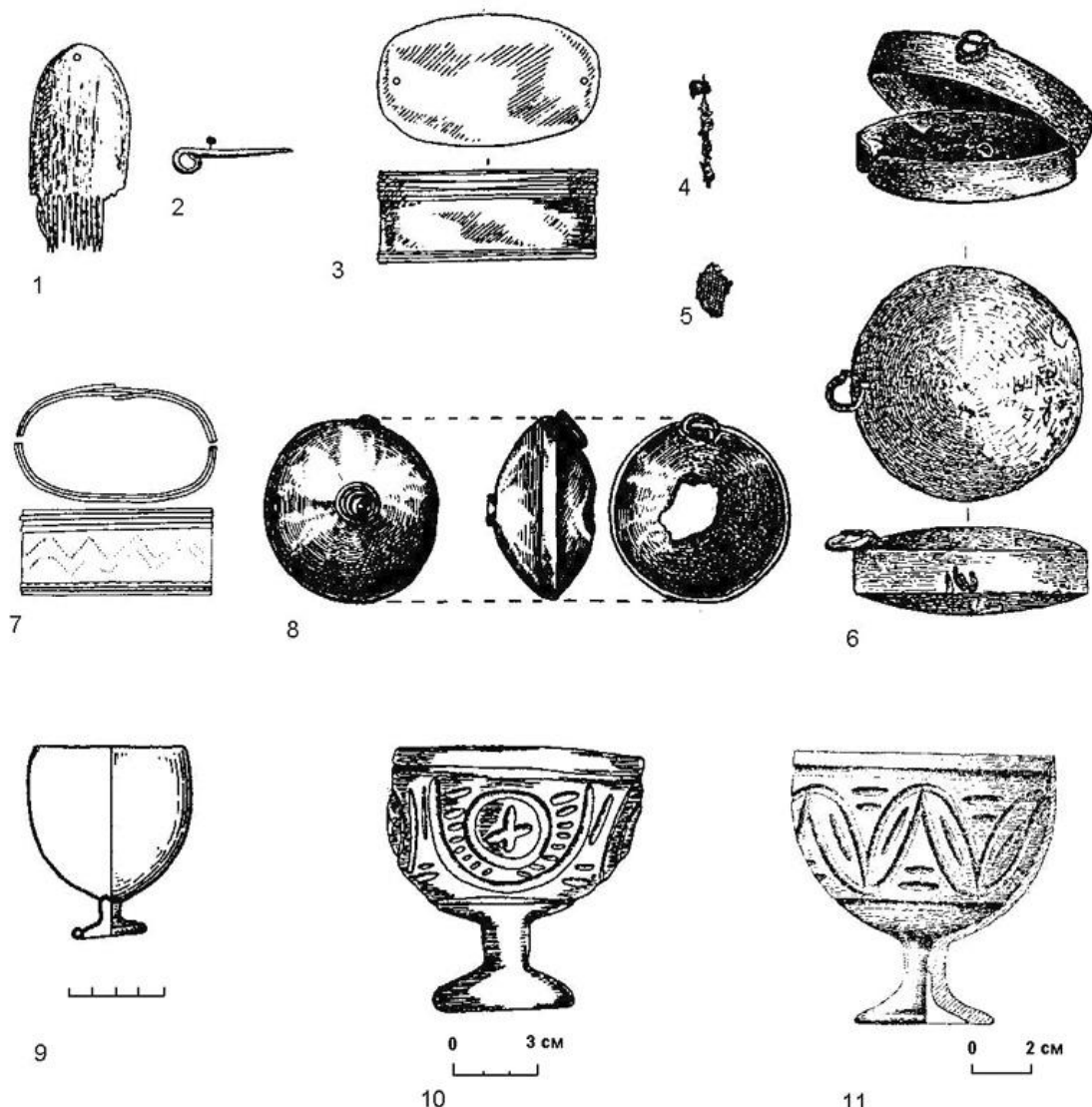

Рис. 10. 1-3, 7 могильник Коминтерн II (погр. № 43 – костяной гребень (1), бронзовый язычок от пряжки (2), бронзовая коробочка (3); погр. 8 – бронзовая коробочка (7)); 4-6 – Бирский могильник погр. № 148 (железная игла (4), фрагмент ткани (5), бронзовая коробочка (6)); 8 – могильник Дюрсо погр. № 420 бронзовая коробочка; 9-11 – стеклянные сосуды на ножке (Дюрсо погр. № 410 (9), Коминтерн II погр. № 43 (10), Бирск погр. 145 (11)).

Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на север, иногда с отклонением к востоку, руки вдоль туловища. Остатки заупокойной пищи (кости животных) найдены в головах, реже – в ногах. В ногах погребенных иногда помещали череп (с удилами) и конечности коня.

«Керамика в захоронениях с кремацией не только по форме, но и по расположению и набору идентична посуде из могил с ингумацией. Исходя из этого, вероятно, можно рассматривать вещевой материал некрополя в качестве единокультурного комплекса» (Казаков, 1998. С. 102 – 103).

Аналогии погребальному обряду и инвентарю Коминтерновского могильника Е.П. Казаков находит в романовско-турбаслинских древностях Башкирии, в частности в Кушнареновском могильнике. Учитывая «единовременность этих памятников, а также близость инвентаря и его расположение в могилах, несомненно можно говорить о том, что они оставлены родственным по культуре населением.

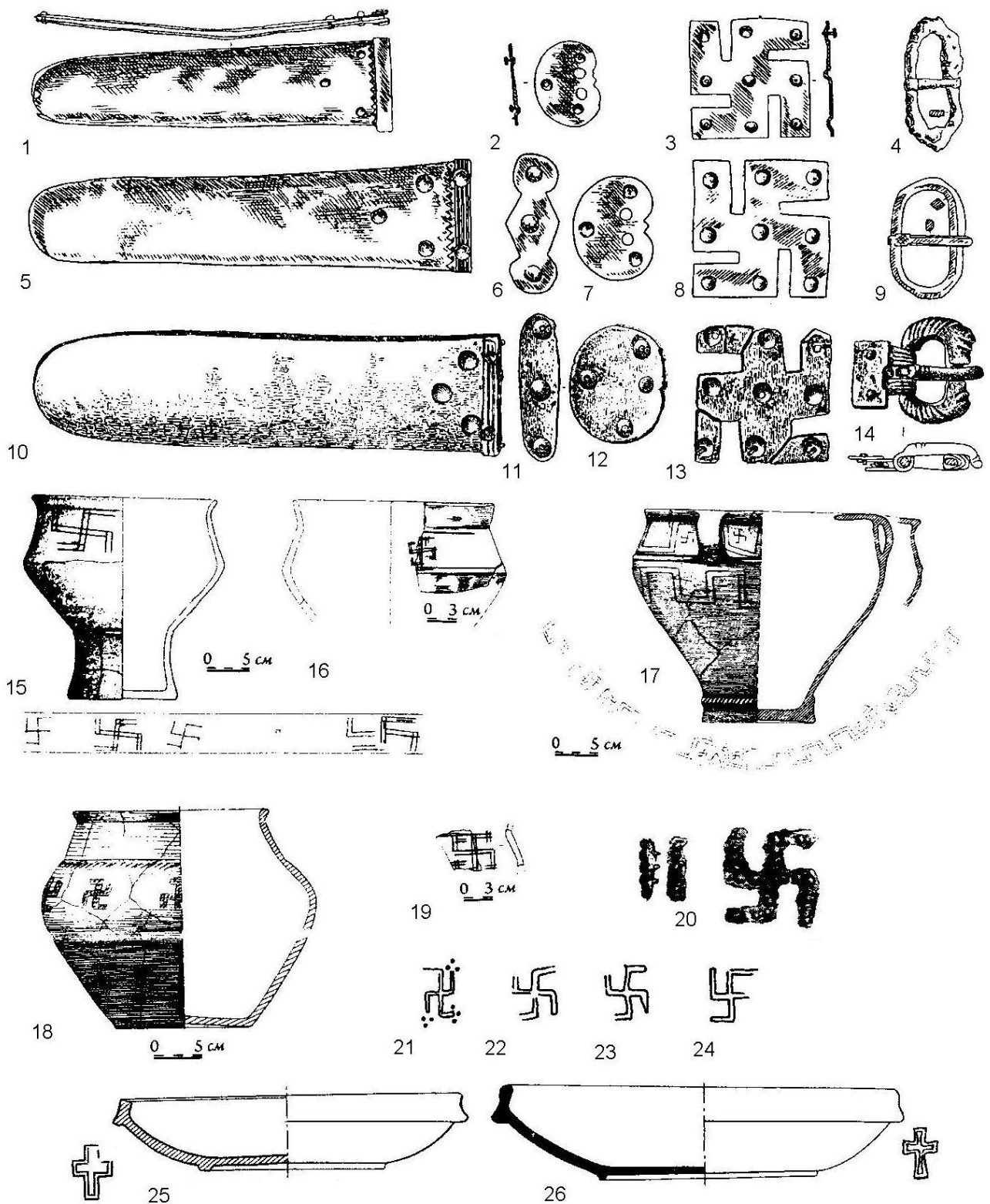

Рис. 11. 1-4 – Коминтерн II погр. № 26; 5-9 – Коминтерн II погр. № 43; 10-14 – Бирск погр. № 18; 15-19 – свастические знаки на керамике пшеворской культуры (Воротнянов, Мачинский, 2010. Рис. 7); 20 – поясная накладка из погребения в Бурже (Казанский, Перен, 2014. С. 278); 21-24 – свастические знаки на германских копьях (Воротнянов, Мачинский, 2010. Рис. 6); 25-26 – керамические миски с крестами на донцах из могильника Дюрсо погр. № 517 (25) и № 420 (26).

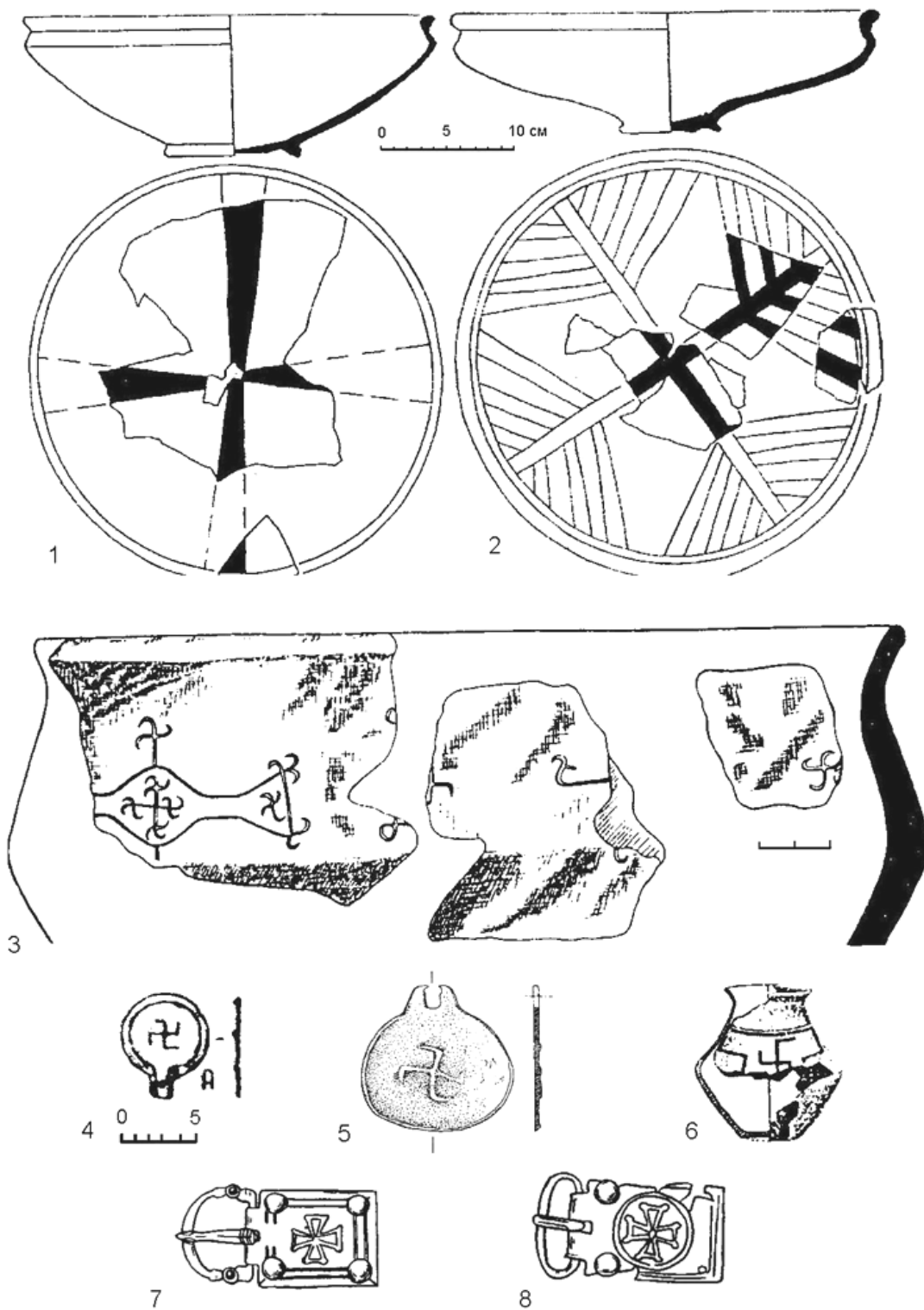

Рис. 12. 1-2 – гончарные миски с пролощенными крестами и пальмовыми листьями. Поселение Лепесовка (Щукин, 2005. Рис. 75); 3 – миска со свастическими изображениями с поселения Шапкино II (Хреков, 1995. Рис. 5, 1); 4 – зеркало со свастическим изображением из погр. № 13 кург. 8 могильника у ст. Новомихайловская (Каминский, Берлизов, 1993. Рис. 2); 5 – зеркало из гробницы 1, могильник № 1 Татарского городища (Березин и др. Рис. 94, 6); 6 – сосуд со свастическим изображением из материалов густовской группы памятников (Щукин, 2005. Рис. 7); 7-8 – пряжки из готских захоронений VI в. Юго-Западного Крыма: 7 – Лучистое, 8 – Скалистое (Айбабин, 2003. Табл. 19, 6, 16).

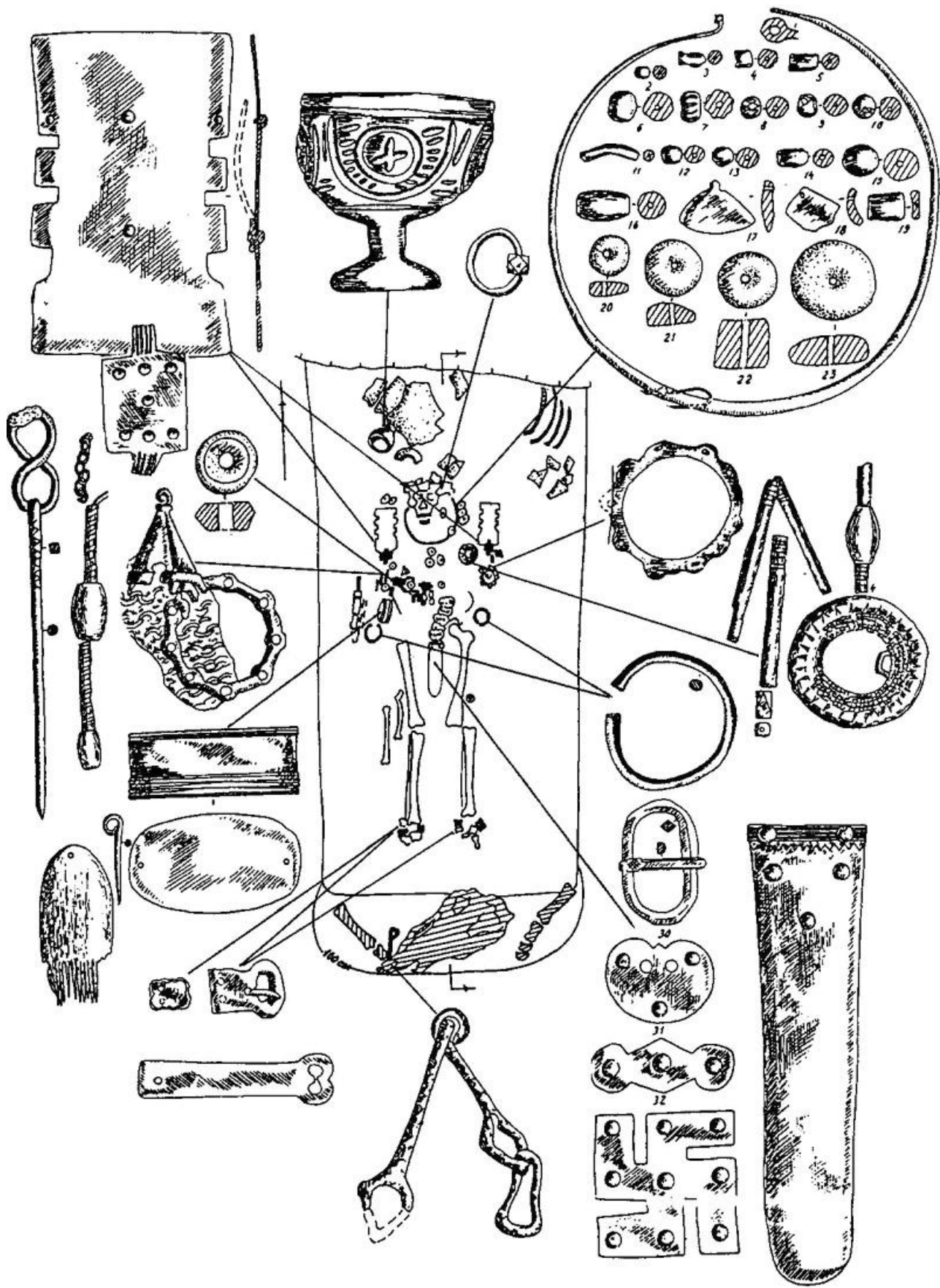

Рис. 13. Моги́льник Коминтерн II погр. № 43.

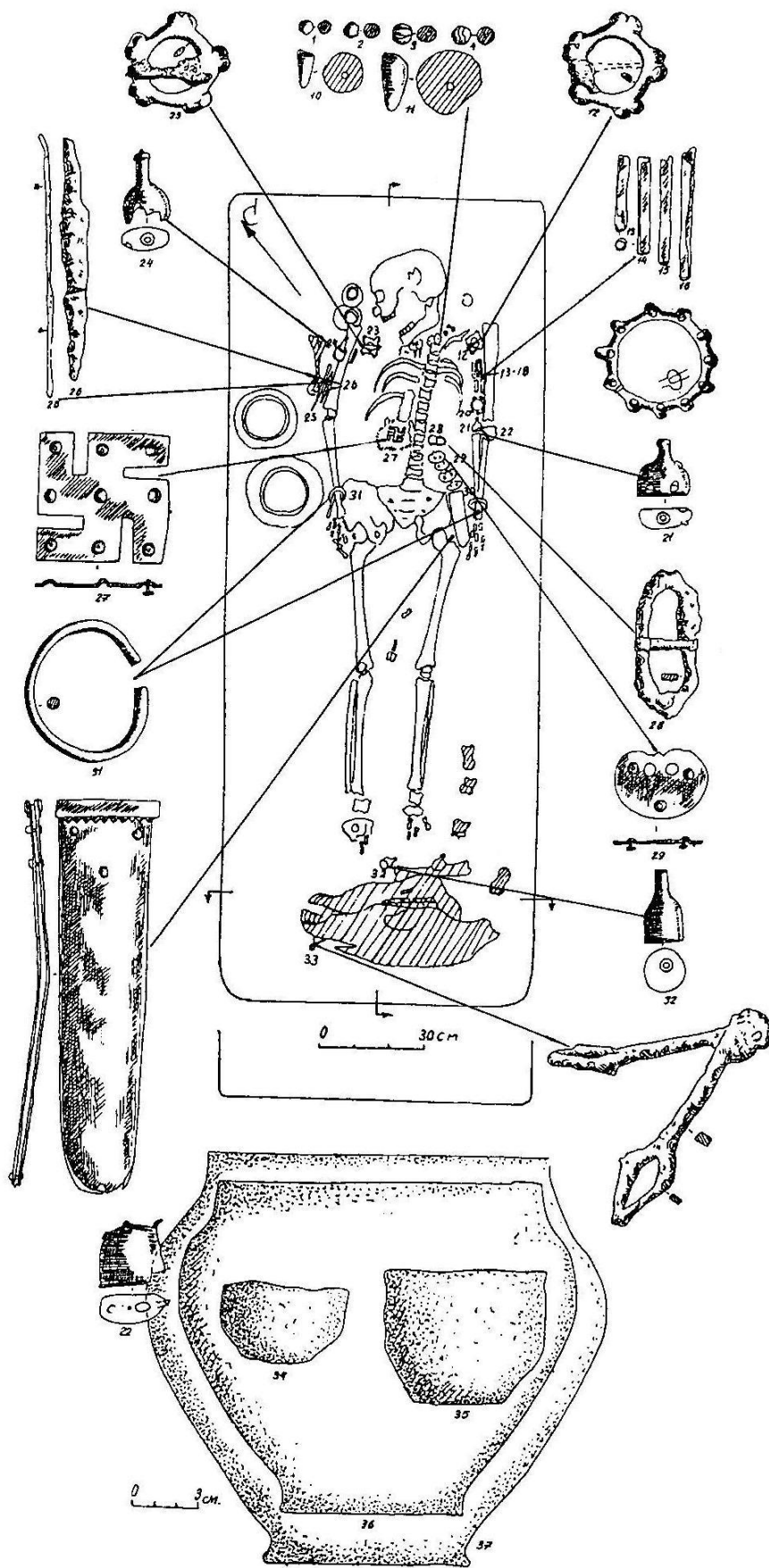

Рис. 14. Могильник Коминтерн II погр. № 26.

При поисках районов, откуда могло переселиться это население, следует учесть обычные пути миграции кочевого населения Приуралья, которое на зиму отходило в Приаралье. И действительно, в памятниках джетыясарской культуры низовьев р. Сырдарьи мы находим существенные аналогии обрядности Коминтерновского II могильника» (Казаков, 1998. С. 101).

Автор раскопок датирует памятник второй половиной VI в. (Казаков, 1998. С. 110).

Все приведенные выше хронологические оценки указывают на то, что полиэдрические серьги на Средней Волге и в Предуралье появляются позднее, чем, скажем, на территории Венгрии, где их появление связано с заселением региона «гото-аланско-гуннскими группами, следовавшему в 379-380 гг. в правление Грациана под предводительством Алатея и Сафрака. С ним можно было бы связать могильники в Чакваре и «типа Чаквар», несмотря на то, что на основании археологических данных нельзя конкретно указать на одну из трех групп» (Шаламон, Баркоци, 1982. С. 42).

Несмотря на явный хронологический разрыв, нам представляется, что вероятность соотнесения погребенных в комплексах с полиэдрическими серьгами в Волго-Камье, с какими-то из названных выше этнических групп (готы, аланы) достаточно велика.

На это, прежде всего, указывают находки из женских погребений Коминтерновского II, Бирского и Кушнаренковского могильников: парные фибулы, серьги с многогранником, браслеты, поясные пряжки и бусы. Такого рода убор А.В. Мастыкова однозначно связывает с культурой восточных германцев – готов (Мастыкова, 2008. С. 369).

М.Б. Щукин отмечал: «женский костюм с парой двупластинчатых фибул на плечах явно восходит к носителям, точнее носительницам, черняховской культуры... Возможно такое платье даже называлось «готским», но название даже и тогда было бы условным, носили его дамы и других народов, да и культура была, как уже говорилось, конгломератом различных этнических элементов» (Щукин, 2005. С. 236 – 237).

К какой же этнической группе принадлежали, жившие в середине I тыс. на Средней Волге, обладательницы этих украшений: к восточногерманской (рис. 15, 1,3) или это были «дамы других народов» (рис. 15, 2,4)?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, как минимум, соотнести погребальный обряд и инвентарь из Волго-Уральских комплексов с материалами из погребений конца IV – VI вв. из могильников Дюрсо, Чаквар, Сабатбатьян, Кестхей-Фенекпуста, в культуре которых исследователи солидарно отмечают присутствие готских (а иногда – и гото-аланских) элементов.

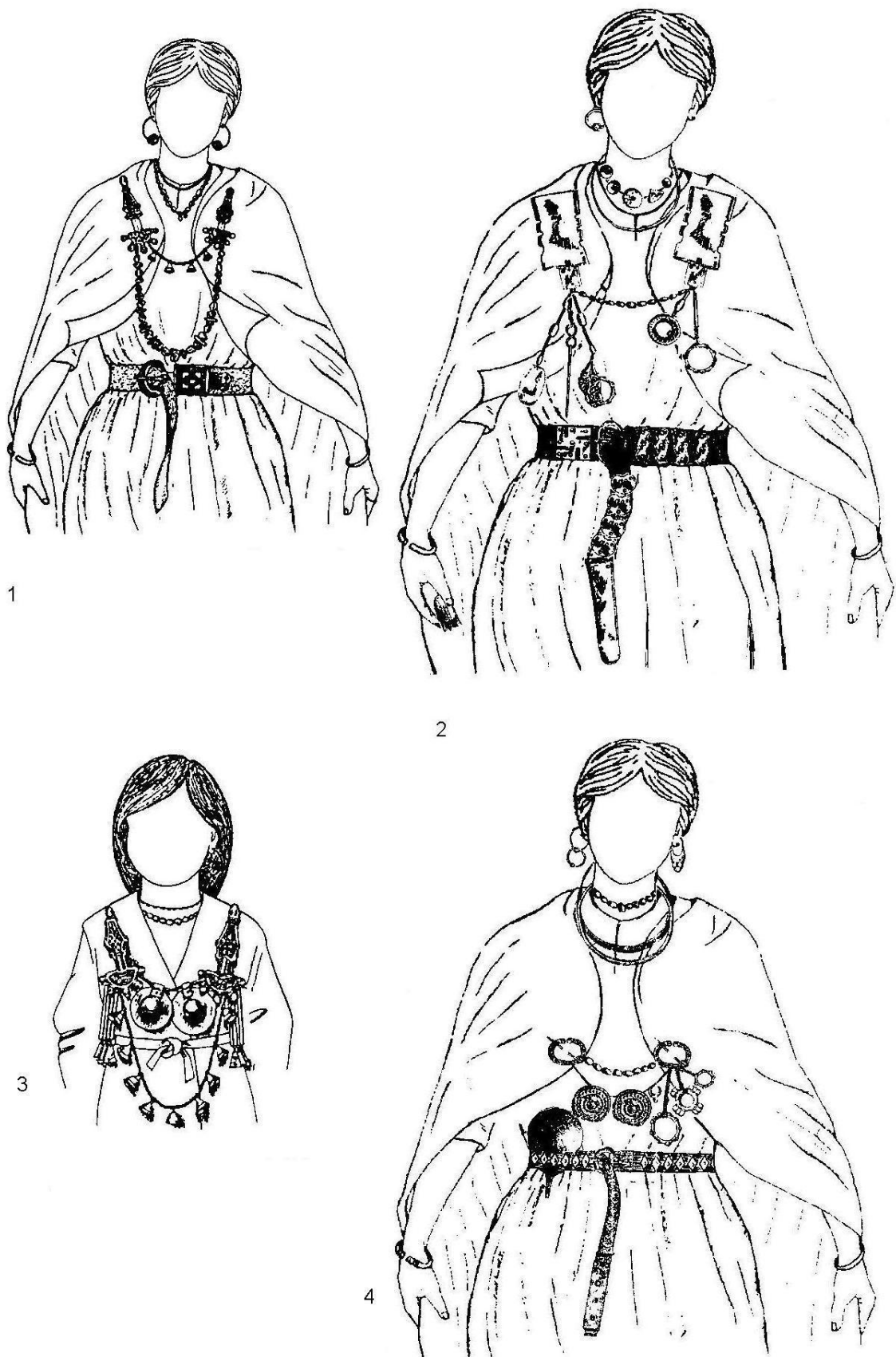

Рис. 15. 1,3 – реконструкции женского готского костюма по материалам могильника Лучистое в Крыму (реконструкция Э.А. Хайрединовой); 2 – реконструкция женского костюма по материалам погр. 43 могильника Коминтерн II; 4 – по материалам погр. № 125 Бирского могильника (реконструкция А.В. Богачева).

К сожалению, предлагаемый ниже сравнительный анализ будет несколько усеченным, поскольку, слова М.Б. Щукина о том, что: «сам могильник Дюрсо так и остался не опубликованным полностью» (Щукин, 2005. С. 454), увы, применимы и к остальным вышеназванным памятникам, опубликованным, как правило, далеко не полно и с иллюстрациями, выполненными на «довоенном» полиграфическом оборудовании. Хотя с какими-то коллекциями из музеев и археологических фондов Казани, Уфы и Самары автору довелось работать непосредственно.

Таблица 1 составлена на основании суммарного (не по комплексам) описания материалов того или иного памятника, поскольку таковое присутствует практически в каждой публикации.

В таблице 2 представлена выборка конкретных типичных для могильника отдельных захоронений (закрытых комплексов) с полиэдрическими серьгами, опубликованных наиболее полно и способных в какой-то степени отразить материальную культуру памятника в целом.

Таблица 1 включает данные о деталях погребального обряда и о погребальном инвентаре, найденном как в самих погребениях (в закрытых комплексах), так и в непосредственной близости от могил – на площадках, где совершались жертвоприношения, тризны и другие ритуальные действия. К таковым относятся артефакты, найденные в курганных насыпях (Новинковский могильник) или, как на памятнике Подгоры-V, на пространстве, которое являлось «одновременно и могильником и жертвенным местом-святилищем» (Матвеева, Мышкин, 2012. С. 91).

Если говорить о деталях погребального обряда, то, несмотря на значительный территориальный (от Подунавья до Предуралья и от Причерноморья до Прикамья) и хронологический (V – VII вв.) разброс, вынесенные в таблицу, могильники показывают совпадение по многим базовым позициям.

Вне зависимости, совершены захоронения-ингумации под курганными насыпями или без них, погребенные в подавляющем большинстве случаев лежат в простых, соотносимых с их ростом, ямах, вытянуто на спине, головой в направлении (секторе) запад – север-северо-восток.

Если говорить об ориентировке погребенных, то с поправкой на географическую широту и сезонность захоронения, колебание значения до 90-110 градусов можно считать незначительным. Более того, иногда в пределах одного могильника, как, например, на Дюрсо, этот показатель может достигать до 180 градусов (Дмитриев, 1982. Рис. 7).

Таблица 1. Элементы обряда и инвентаря
(суммарная характеристика)

Элементы обряда и инвентаря	Чаквар	Дюесо	Комингерн	Бирск	Кушнареник	Новинки	Манак	Подгоры	Турбаслы	Такталач.
Серьга полиэдрическая	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Могильник грунтовый	+	+	+	+	+			+		
Могильник курганный						+	+		+	+
Остатки коня вне захоронения		+	+			+				
Остатки коня/упряжи в захоронении			+	+	+	+	+		+	+
Кремации			+		+			+		
Ингумации	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Мог. яма простая	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Мог. яма с нишей/заплевиками			+	+	+				+	
Положен вытянуто на спине	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Ориентировка в секторе 3 – ССВ	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Напутственная пища (кости)	?	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Посуда керамическая	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Посуда стеклянная	+	+	+	+						
Пряслице	+	+	+	+	+	+		+		+
Зеркало	+	+	+	+	+					
Пронизки/цепочки	+	+	+	+	+	?	+		+	+
Бусы паста/стекло	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Бусы янтарь	+	+	+	+	+				+	
Серьги-калачики		+	+	+	+	+				
Лунницы	+			+	+	+				
Пояс (металлические детали)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пряжка трехсоставная	+	+	+	+				+	+	+
Пряжка предгеральдика		+	+	+	+				+	+
Пряжка/накладка геральдика		+	+		+		+		+	+
Браслет	+	+	+	+	+	+		+	+	
Гривна		+	+	+	+					+
Подвеска с выпуклинами			+	+		+	+		+	
Застежки	+	+	+	+	+			+	+	
Застежки парные	+	+	+	+	+					
Застежки-фибулы	+	+	+	+	+				+	
Застежки кольцевые			+	+	+			+	+	
Нож	+	+	+	+	+	+			+	+
Крест/свастика		+	+	+						
Антропоморфные фигурки			+		+				+	
Булавки			+				+	+		
Костяные гребни	+		+							
Коробочки (колты)		+	+	+						
Дата V в. (до 470-х гг.)	+	+								
Дата 2-я пол. V – пер. пол. VI вв.		+	+					+	+	
Дата VI в.		+	+	+	+	+		+	+	+
Дата VII в.						+	+		+	+

Таблица 2. Характеристика элементов обряда и инвентаря комплексов с полиэдрическими серьгами (ингумации)

Элементы обряда и инвентаря	Чакар 33	Сабадб 13	Кест-Ф 5	Дюрсо 410	Дюрсо 517	Коминг 43	Бирек 128	Бирек 125	Кушнаар 8	Турбас 12/4	Новин. 4/2	Маняк Ш/10	Тактал 330
Серьга полиэдрическая	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Могильник грунтовый	+	+	+	+	+	+	+	+	+				
Могильник курганный										+	+	+	+
Остатки коня/упряжи в захоронении						+				+			
Мог. яма простая	?	?	+	+	+		+	+		+	+	+	+
Мог. яма с нишей/запечниками						+			+				
Положен вытянуто на спине	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ориентировка в секторе 3 – ССВ	+	+	з	сз	з	с	сз	сз	с-св	с	з	с	с
Напутственная пища (кости)	?	?		+	+	+	+	+		+			
Посуда керамическая	+	?		+	+	+				+		+	+
Посуда стеклянная	?	?		+	+	+							
Пряслице	+	+		+	+	+							
Зеркало				+			+	+					
Пронизки/цепочки	+			+		+	+	+			?		
Бусы паста/стекло	+	+		+	+	+	+	+	+	+			
Бусы янтарь	+	+		+	+	+				+			
Серьги-калачики								+	+		+		
Лунницы											+		
Пояс (металлические детали)		+		+	+	+	+	+			+	+	+
Пряжка трехсоставная		+		+	+	+	+	+					
Пряжка предгеральдика				+		+							+
Пряжка/накладка геральдика						+						+	
Браслет			+	+		+	+		+	+	+		
Гривна						+	+	+					+
Подвеска с выпуклинами						+	+	+					
Застежки	+	+		+	+	+	+	+					
Застежки парные	+			+	+	+	+	+					
Застежки-фибулы	+	+		+	+	+	+						
Застежки кольцевые						+	+	+					
Нож				+	+	+		+					
Крест/свастика					+	+							
Булавки						+							
Костяные гребни			+			+							
Коробочки (колты)						+							
Дата V в. (до 470-х гг.)	+	+	+										
Дата 2-я пол. V – пер. пол. VI вв.				+	+		+	+					
Дата VI в.				+	+	+	+	+	+	+	+		+
Дата VII в.										+		+	+

*Сокращения: Сабадб – Сабадбатгян; Кест-Ф – Кестхей-Фенекуста

Во всех захоронениях присутствует напутственная пища (кости животных). На большинстве могильников в захоронениях или в непосредственной близости от них находились кости коня и/или конская упряжь.

Особенностью Поволжско-Приуральских могильников является наличие, наряду с грунтовыми, подкурганых захоронений, а также то, что наряду с простыми могильными ямами (а таковых большинство), присутствуют немногочисленные ямы с продольными заплечиками, а также с нишами (в коротких стенках), в которых размещалась керамика, жертвенная пища и/или череп и конечности коня.

Только в Поволжье известны захоронения-кремации (Подгоры-V, Коминтерн II) в которых, наряду с прочим инвентарем, присутствуют полиэдрические серьги.

Если говорить о погребальном инвентаре, то в комплексах всех могильников (табл. 1) присутствует керамическая посуда. Нередко это были целые наборы, включавшие сосуды различные по величине и форме.

Лишь на четырех памятниках найдена посуда, изготовленная из стекла (Чаквар, Дюрсо, Коминтерн, Бирск). И если для комплексов юго-восточного региона это скорее норма, то для прикамских материалов это крайне редкое исключение. (В скобках заметим, что о время раскопок сооружения № 183 на городище Старая Майна в Ульяновской области нами бы найден фрагмент верхней части стеклянного сосуда (Богачев, 1988)). Очевидно, что в Волго-Камье эти уникальные изделия принесены извне. В Бирском и в Коминтерновском II могильнике сосуды из стекла представлены очень близкими по форме, кубками на круглом поддоне.

Найденный в погребении 145 Бирского могильника «кубок сделан из зеленоватого стекла и украшен двумя горизонтальными поясками, между которыми имеются изображения, напоминающие листья» (Мажитов, 1968. С. 32. Табл. 10, 7).

В погребении 43 Коминтерновского могильника у черепа погребенного найден кубок из голубоватого стекла. «Между горизонтальными каннелюрами проведенными по внешней поверхности располагался орнамент, выполненный желобчатыми линиями. Между ними в той же технике по четырем противоположным сторонам изделия изображены композиции из креста в круге, окаймленного снизу и с боков полукругом. Между ними и кругом пространство заполнено пояском из горизонтальных насечек. По мнению Ю.Л. Щаповой, осмотревшей это изделие, подобные кубки, имеющие византийское происхождение, использовались высшим духовенством для причащения» (Кзаков, 1998. С. 109-110. Рис. 33, 14).

Таблица 3. Совстречаемость элементов обряда и инвентаря

Элементы обряда и инвентаря	Коминт	Бирск	Дюрсо	Кушнар	Турбас	Чаквар	Тактала	Новинк	Маняк	Подгор
Коминтерн	X	31	28	26	23	21	17	16	15	13
Бирск		X	25	27	22	20	16	15	13	12
Дюрсо			X	23	18	20	16	14	13	11
Кушнареново				X	22	19	16	15	14	11
Турбаслы					X	15	16	13	14	9
Чаквар						X	12	12	10	10
Такталачук							X	13	13	8
Новинки								X	11	8
Маняк									X	7
Подгоры										X

*Таблица составлена по материалам таблицы 1. Не включены данные датирования.

Важно отметить, что комплекс № 410 могильника Дюрсо, содержал очень близкий по форме кубок из стекла (рис. 10, 9), находившийся в могиле справа от черепа погребенного. Примерно так же располагался и кубок (рис. 10, 10) из комплекса № 43 Коминтерновского могильника. Показательно, что и там, и там в головах находились кости жертвенного животного.

Бусы (пастовые, стеклянные, каменные, глиняные) встречены на всех могильниках, представленных в таблице 1. Более чем на половине памятников найдены крупные бусы из янтаря. Анализ бус по опубликованным монохромным изображениям априори некорректен. Однако, по поводу наличия в комплексах (некоторые из которых – Дюрсо, Чаквар – исследователями однозначно рассматриваются как готские) янтарных ожерелий, рискну предположить, что возможно это некий символ, олицетворяющий далекую Прибалтийскую прародину германцев. «Находки янтарных бус и подвесок отнюдь не редкость в черняховской культуре» (Щукин, 2005. С. 217).

Бусы на костях скелета находились в районе шейных позвонков и в районе грудной клетки. Но известны случаи помещения их и в качестве дара (Бирск).

Ансамбль шейных украшений нередко включал металлические гривны (круглодротовые, витые, плоские и ромбические в сечении). Однако, если бусы встречены практически повсеместно, то гривны в большей степени характерны для Прикамья.

Одной из наиболее частых находок, сопровождающих погребения с полиэдрическими серьгами, являются пояса, представленные или одной пряжкой, или целым поясным набором (пряжка, накладки, наконечник пояса). В таблице 1 признак «пояс» по факту наличия различных разновидностей пряжек был разбит на три группы (трехсоставные, предгеральдические и геральдические пряжки). Однако эти три группы пряжек не более чем хронологический маркер для могильников и отдельных комплексов. В данном исследовательском контексте важен сам факт присутствия в комплексе собственно самого пояса.

Отдельные пряжки из погребений нашей выборки, судя по их местоположению, в погребении являются деталями обуви. «Судя по материалу из женского захоронения 43, население носило кожаную обувь типа поршней, которая стягивалась ремешком на щиколотках с помощью серебряных пряжек. Сами ремешки украшались серебряными накладками» (Казаков, 1998. С. 106).

Широко распространенные браслеты (круглые в сечении, изготовленные из цветных металлов, имеющие различное оформление концов) не встречены лишь на могильниках кушнаренковской культуры (Маняк, Такталачук).

На этих же двух памятниках, а также в материалах Новинковского могильника, не найдены ни застежки-фибулы, ни застежки-сюльгамы.

Один из авторитетнейших знатоков раннесредневековых древностей А.К.Амброз, отмечал: «В литературе иногда встречается мнение, что фибулы – легко переносимый предмет и потому в отличие, например, от керамики, они не могут служить этнографическим признаком культур. Сопоставление ареалов фибул с ареалами археологических культур опровергает это необоснованное утверждение. За распространением фибул, как и других предметов, всегда скрываются отношения людей» (Амброз, 1966. С. 9).

В материалах многих, представленных в таблице 1, могильников, именно фибулы являются составной (если не сказать – системообразующей) частью убора. В большинстве погребений, где застежки были найдены *in situ*, и фибулы, и сюльгамы размещались попарно-симметрично относительно оси позвоночника в районе грудной клетки. Причем, если на юго-западе (Чаквар, Дюрсо) фибулы находились, как правило, в районе ключиц погребенного, то на северо-востоке (Коминтерн, Бирск) – парные фибулы и сюльгамы были найдены и в районе ключиц и в пространстве между грудной клеткой и костями таза. В районе пояса иногда находились непарные фибулы (Бирск).

Именно к фибулам прикреплялись цепочки и пронизи на концах которых находились разного рода подвески (Казаков, 1998. С. 105). Известен случай (Бирск погр. 125), когда «между застежками, на поясничных позвонках – две круглые бронзовые бляхи, состоящие из двух пластинок, скрепленных между собою пятью шплинтами. Под одной бляхой круглая бронзовая подвеска. Аналогичная подвеска – справа от поясничных позвонков. С левой стороны

поясничных позвонков – три пластинчатые подвески, бронзовая серьга-калачик, две маленькие и одна большая подвески с выпуклинами. К большой подвеске привязан ремешок, на который одета длинная бронзовая спираль. Две другие (маленькие) подвески привязаны тонким ремешком к четвертой подвеске (зооморфной?). Тут же лежали обломки тонких бронзовых спиралей с остатками ремешка внутри и железный нож» (Мажитов, 1968. С. 102). Это описание подчеркивает определяющую роль парных застежек в комплексе костюма.

Интересно то, что в нашей выборке полиэдрические серьги совстречались с другими разновидностями серег – серьгами-лунницами, серьгами-калачиками, а иногда и со специфическими сугубо местными разновидностями этого типа украшений – серьгами харинского типа. Серьги-калачики нами изучались специально (Богачев, 1996). Они были достаточно широко распространены в VI в. в среде кочевников «гуннского» круга (Богачев, 2010). Однако, представляется интересным замечание по поводу серег в виде калачика, высказанное М.Б. Щукиным: «обнаружены они и в тех местах, куда гунны не доходили, например, в Португалии. Так что подобные сережки могли носить не только гуннские и другие мужчины тюркского происхождения, но и ираноязычные аланы» (Щукин, 2005. С. 359).

Одними из наиболее встречающихся элементов костюма и на «юго-западе» и на «северо-востоке» являются разного рода пронизки (трубчатые, спиралевидные), а так же цепочки с закрепленными на них подвесками.

Причем, такая разновидность последних, как кольцевые подвески с выпуклинами, встречаются в комплексах с полиэдрическими серьгами лишь в Прикамье (Коминтерн, Бирск), хотя диапазон их распространения в середине I тыс. н.э. достаточно широк (рис. 16) и чаще всего связан с сармато-аланскими и именьковскими материалами (Богачев, 1998).

Это же можно сказать и в отношении, представленных в нашей выборке, антропоморфных фигурок-амулетов (Богачев, 2011) (рис. 17, 18). Если говорить об этнической среде, в которой сформировалась эта разновидность изделий, то «высказанная В.Ф. Гайдукевичем мысль о сармато-аланской принадлежности амулетов, разделяемая и некоторыми другими исследователями, представляется более плодотворной, чем приписывание этих памятников гуннам. В пользу такой этнической принадлежности амулетов говорят и ареал, и многовековое развитие этого сюжета в аланских древностях Северного Кавказа» (Шелов, 1984. С.243).

Глиняные пряслица и железные ножи – наиболее часто встречающиеся типы изделий.

Нередко в могилы клались бронзовые зеркала.

Разного рода бронзовые круглые в сечении булавки (посоховидные, с восьмеркообразной петлей) встречены исключительно на памятниках Волго-Камья.

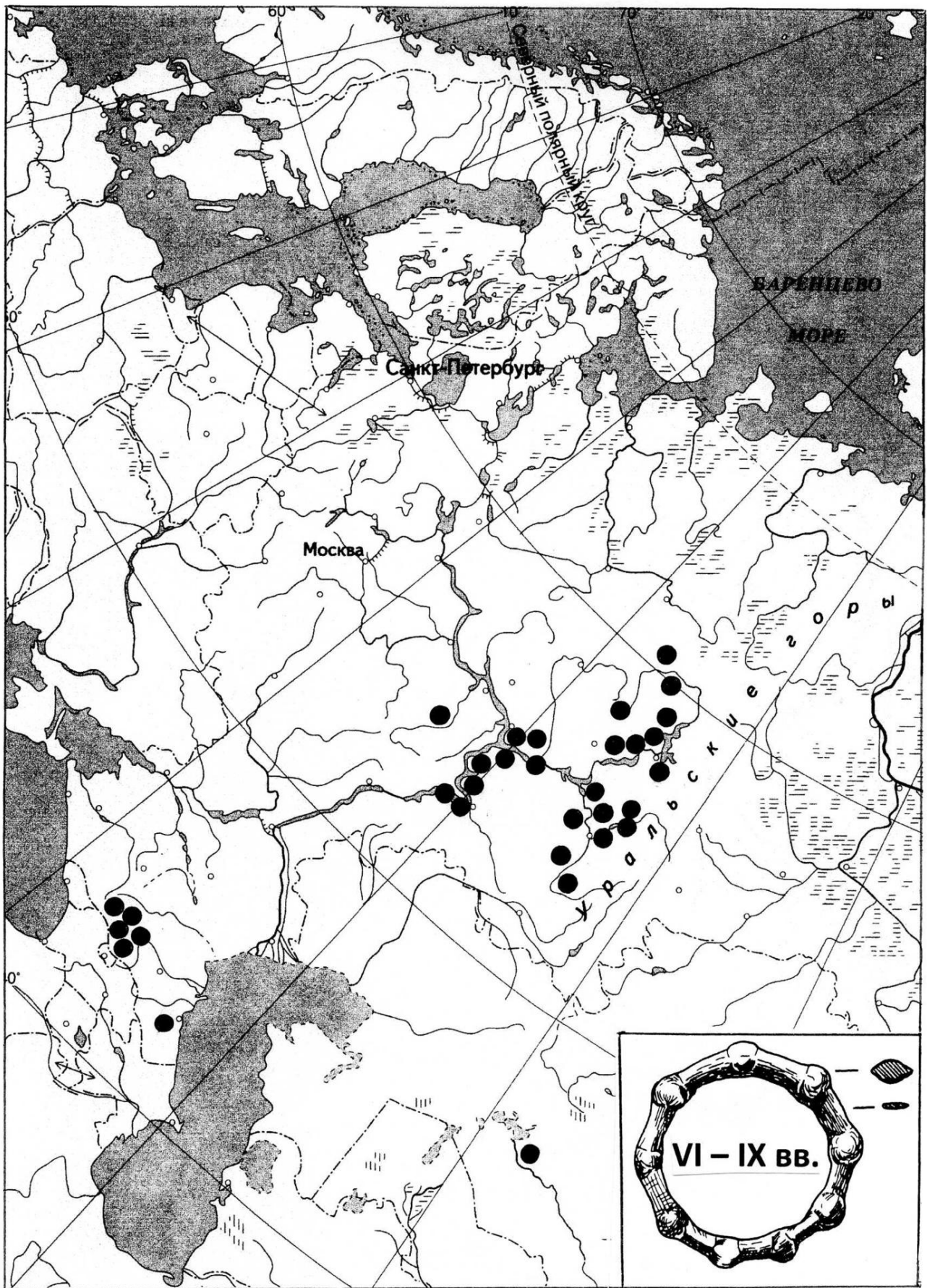

Рис. 16. Карта-схема распространения кольцевых подвесок с выпуклинами в VI – IX вв.

Костяные гребни известны в материалах могильников Чаквар и Коминтерн II. Несмотря на малочисленность (если не сказать – уникальность) этих находок, их значение трудно переоценить, поскольку именно такого рода изделия являются одним из главных культуромаркирующих признаков черняховской культуры. Интересно то, что гребень из погребения 43 Коминтерновского II могильника (рис. 10, 1) был найден (вместе с бронзовым язычком от пряжки) в бронзовой коробочке (рис. 10, 3). Подобная коробочка была найдена и в погребении 8 этого же могильника (рис. 10, 7). «Овальные в плане, изготовленные из листовой бронзы, они имели длину 7 – 8 см и высоту 3,3 см. Верхняя и нижняя часть изделий скреплялась с помощью узких ободков. Боковые стороны одного изделия украшены насечками в виде парного зигзага» (Казаков 1998. С. 109). Коробочки были найдены с правой стороны от костей грудной клетки.

В погребении 148 Бирского могильника найдена подобная коробочка (рис. 10, 6). «Между лучевыми костями и бедренной костью правых конечностей – большое количество тонких железных колец, нанизанных на железный стержень. В нижнем конце этого стержня, на правой руке – бронзовая подвеска (колт), состоящая из двух круглых баночек высотой 1,8 см и с выпуклыми основаниями» (Мажитов, 1968. С. 106-107). Внутри баночки находилась железная иголка (рис. 10, 4) и кусок тонкой материи (рис. 10, 5) (Мажитов, 1968. С. 35).

В погребении 420 могильника Дюрсо «на локте левой руки найдена бронзовая посеребренная дисковидная коробочка с проволочной петелькой сверху и вставкой из розового стекла на одной из сторон (рис. 10, 8). Вставка заключена в гнездо из тонкой узкой пластинки и обрамлена рифленным колечком» (Дмитриев, 1982. С. 90).

Из грабительских раскопок, произведенных черными копателями на Кармалинском городище происходят две коробочки, каждая из которых состоит из двух круглых бронзовых баночек с выпуклыми основаниями (форма практически повторяет колт из Бирска). В баночках имелись небольшие круглые отверстия (для подвешивания?). Внутри каждой из коробочек находились артефакты.

В коробочке № 1 лежали две серебряные полиэдрические серьги; три бронзовые спиралевидные пронизки; золотая серьга-калачик с гроздевидным напаяем в середине; кусочек смолы (янтарь?), небольшая бронзовая застежка сьюльгамного типа; бронзовый трехлопастной бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой (савромато-сарматского типа); бронзовая серьга-кольцо, один конец которой расплюсчен и закручен, другой – заострен; бронзовая монета (или подражание монете).

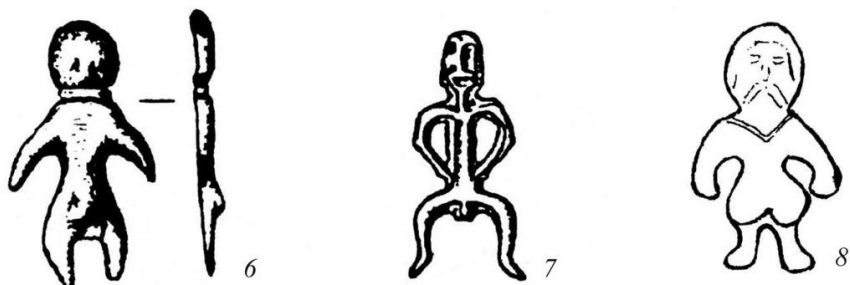
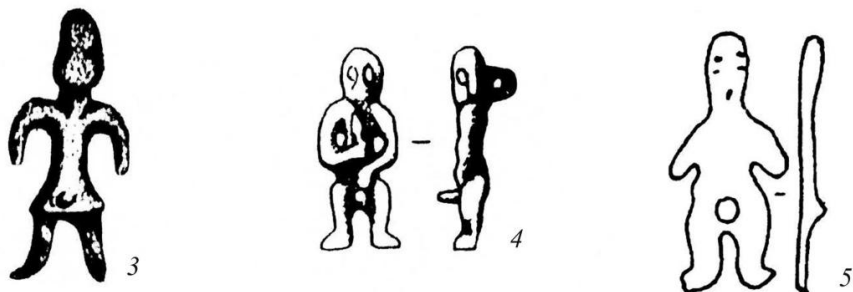
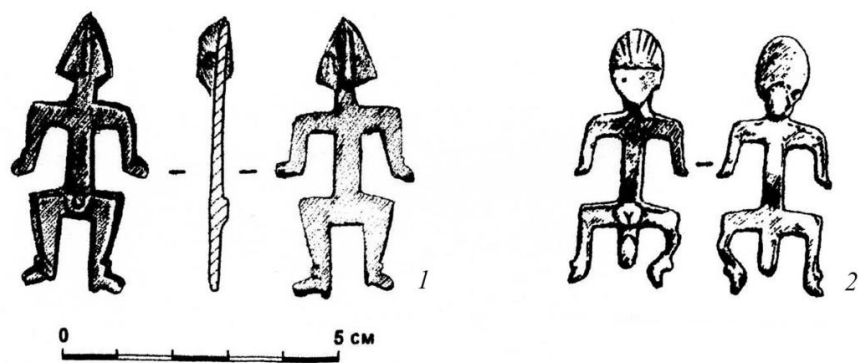

Рис. 17. Антропоморфные амулеты из памятников Среднего Поволжья и Предуралья:
 1 – окрестности городища Лбище, 2 – территория села Шелехметь,
 3 – селище Ош-Пандо-Нерь II, 4 – селище Романовка, 5 – могильник Коминтерн II,
 6 – Бахмутинский могильник, 7 – Кушнаренковский могильник,
 8 – Ново-Турбаслинский могильник.

В коробочке № 2 находились бусина темно-синего стекла; бронзовое, круглое в сечении и утолщенное в одной части кольцо; бронзовая подвеска-пирамидка (как в погребении 43 могильника Коминтерн II); два небольших кусочка серебра; плоский кружок с отверстием в центре (камень, железо?); четыре круглые серебряные накладки со скошенными краями и внутренним шпеньком; поясная X-образная накладка (геральдическая) со скошенными краями и двумя отверстиями в широкой части. Аналогичные накладки известны, в частности, в материалах бартымской стадии (конец VI – VII вв.) неволинской культуры Приуралья (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LXVII, 82), а также комплексах зинovieвского этапа (вторая половина VI – VII в.) эволюции поясных принадлежностей Среднего Поволжья (Богачев, 1992. Рис. 28).

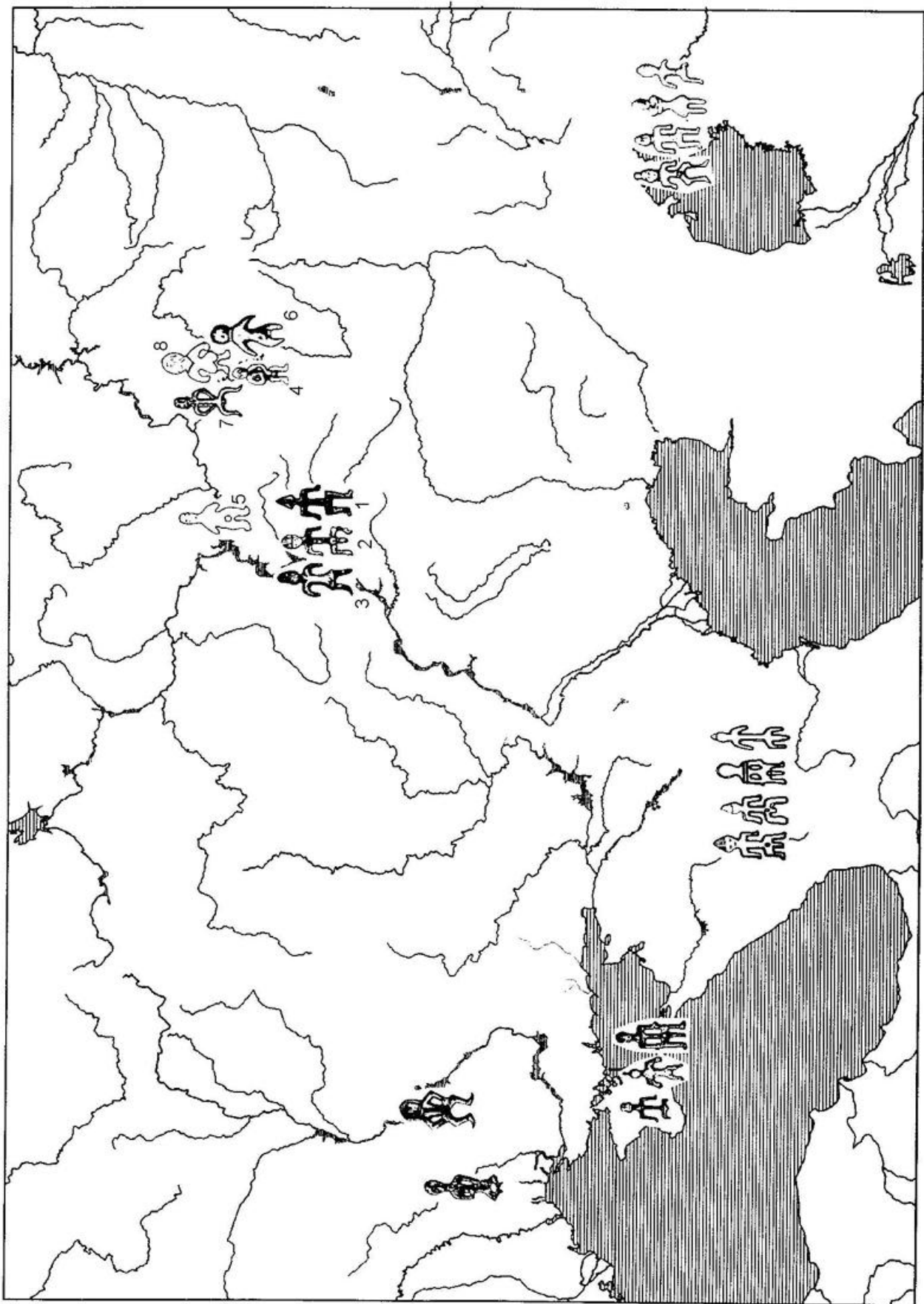

Рис. 18. Карта-схема распространения антропоморфных амулетов во 2-3 четвертях I тыс.
Пронумерованные находки см. рис. 17.

Такого рода металлические коробочки (колты) крайне редки. В материалах верх-саинской стадии (VI в.) неволинской культуры Прикамья найдена овальная в плане коробочка (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LXVI, 51). В Северной Осетии в аланском катакомбном могильнике Верхний Сидон середины I тыс. найдена круглая в плане баночка-подвеска (Сокровища Алании, 2011. С. 192. № 249).

Одними из наиболее показательных и редких артефактов нашей выборки являются кресты и кресты-свастики, найденные на могильниках Коминтерн II, Бирск и Дюрсо.

В могильнике Дюрсо (погребения 420, 517) кресты были изображены на доньях керамических блюд (Дмитриев, 1982. Рис. 8, 35А; 10, 7А) (рис. 11, 25, 26).

На могильнике Коминтерн II кресты были на стеклянном кубке (см. выше), а бронзовые кресты-свастики (погребения 26, 43) (рис. 11, 1-9) входили в состав поясных наборов (Казаков, 1998. Рис. 25, 27; 32,33). Практически такая же поясная накладка (рис. 11, 10-14) происходит из женского погребения 18 Бирского могильника (Мажитов, 1968. Рис. 12, 2). Внешняя поверхность всех накладок украшена полушарными выпуклинами.

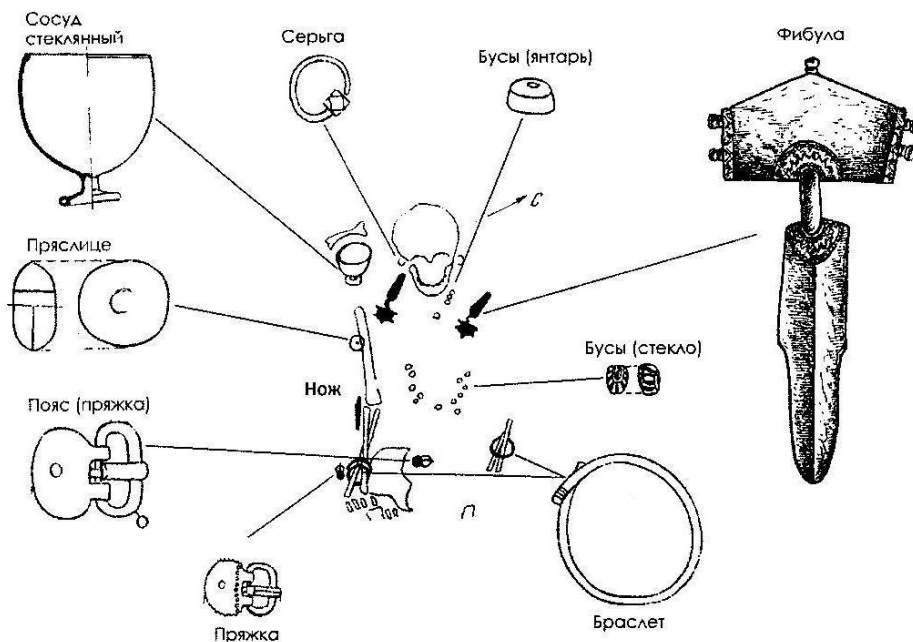
Очень близкая по форме накладка-свастика происходит из захоронения в Бурже (474 – 507 гг.) в Центральной Галлии (рис. 11, 20) на территории Визиготского королевства, материал из которого отражает «сосуществование и постепенное слияние двух варварских группировок – варварской и римской» (Казанский, Перен, 2014. С. 278).

С.В. Воротнянов и Д.А. Мачинский в работе, посвященной анализу сарматских тамг на германских копьях (рис. 11, 21-24) писали: «можно констатировать, что в германском мире и, в частности, в пшеворской культуре, свастика была куда более распространенным изображением, чем в иранском» (Воротнянов, Мачинский, 2010. С. 63) (рис. 11, 15-19). Хотя и на сарматских изделиях (рис. 12, 4, 5) изображения свастики также известны (Каминский, Берлизов, 1993. Рис. 2, 1; Березин и др. 2012. Рис. 94, 6). Известны свастические изображения и кресты на мисках из постзарубинецких памятников Прихоперья (Хреков, 2012. Рис. 5. 1) (рис. 12, 3), на керамике черняховской культуры (рис. 12, 1-2), а также на посуде (рис. 12, 6) густовской группы памятников, связываемой исследователями с готами I в. н.э. (Щукин, 2005. Рис. 7, 15; 75).

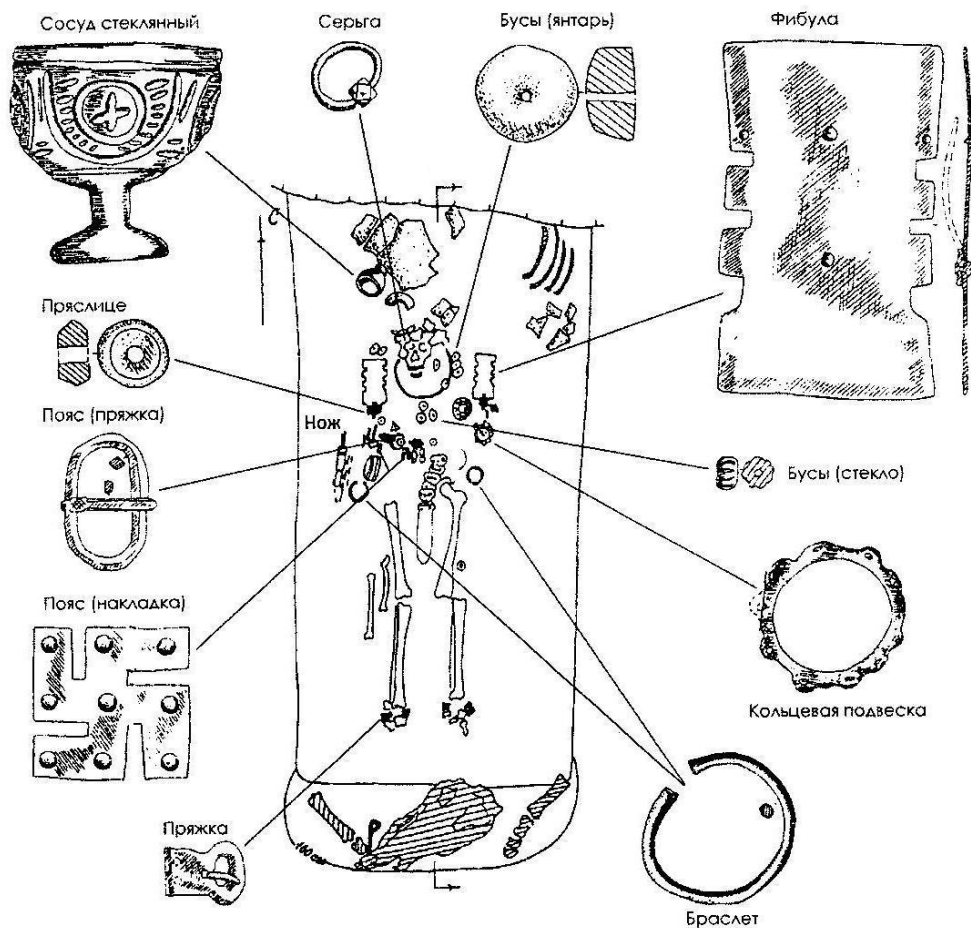
Исследователи отмечают «заметное присутствие христианской символики на пряжках – крестов» (Фурасьев, 2009. С. 229), происходящих из готских могильников (рис. 12, 7-8) Юго-Западного Крыма VI – начала VII вв. (Айбабин, 2003. Табл. 19. Рис. 6, 15, 16, 38).

Сравнительный анализ материалов отражает достаточно сильные внутрорегиональные и, что самое главное, интеррегиональные связи комплексов с полиэдрическими серьгами (табл. 3).

Достаточно наглядную картину дает сопоставление материалов двух захоронений, находящихся за тысячи километров друг от друга: готского погребения № 410 из могильника Дюрсо близ города Новороссийска и захоронения № 43 из Коминтерновского могильника из районов Нижнего Прикамья (рис. 19).

Могильник Дюрсо, погребение № 410

Могильник Коминтерн II, погребение № 43

Рис. 19. Схема расположения вещей в погр. № 410 могильника Дюрсо и в погр. № 43 могильника Коминтерн II

Два эти комплекса схожи вплоть до деталей: скелеты лежат вытянуто на спине, головой на север (северо-запад), присутствует ритуальная напутственная пища в виде костей животных, имеются керамические грузики-пряслица. Справа от черепа находится стеклянная рюмочка на ножке; у правой руки – нож. Если говорить об элементах костюма, то они в значительной степени идентичны: парные пластинчатые фибулы на плечах, браслеты на руках, пояса, серьги с многогранником, пронизки и цепочки, бусы из стекла и янтаря.

Вместе с тем, в вышеупомянутом погребении из Коминтерновского могильника присутствуют детали погребального обряда (подбой в южной стенке могилы, череп и конечности коня) и инвентарь (кольцевые подвески с выпуклинами, детали конской упряжи) не характерные для германских захоронений. Однако для сармато-алан той эпохи все эти признаки характерны (Богачев, 1998; 2011).

Таким образом, мы можем с достаточно высокой вероятностью говорить о погребениях с полиэдрическими серьгами и на западе (в Подунавье, в Причерноморье) и на востоке (в Волго-Камье) как о захоронениях выходцев из готской, сармато-аланской или гото-аланской этнической среды.

Однако, история взаимодействия германогворящих готов и ираноязычных сармато-аланов началась задолго до того, как появились серьги с многогранником.

М.Б. Щукин писал: «Два импульса – скандинавский, готский, и центральноазиатский, сарматский, – вызвали целый цикл каких-то передвижений и смещений населения не только в Центральной Европе и в Поднестровье, но и в лесной зоне Восточной Европы. Период от начала I в. до начала II в. был, по всей вероятности, повсеместно достаточно бурным. В ходе разворачивавшихся в этом периоде событий имели место и первые сармато-германские контакты, подготовившие, возможно, почву для переселения готов в Причерноморье» (Щукин, 2005. С. 71). Г. Добржаньская полагает, что во II – III вв. небольшие группы сарматов могли жить в германской этнической среде на территории пшеворской культуры и подвергнуться культурной ассимиляции (Dobrzanska, 2001. P. 112). И.П. Русанова писала «о сложном этническом составе населения, оставившего пшеворскую культуру, и о периодическом проникновении на ее территорию разноэтничных племен» (Русанова, 1990. С. 120). С.В. Воротнянов и Д.А. Мачинский полагают, что контакт готов с сармато-аланами – спалами Плиния «происходил не в причерноморской степи, которая, вероятно, в рассказе Иордана и была крайней частью Скифии близ Понта, а где-то в лесостепи или на северной границе степной зоны» (Воротнянов, Мачинский, 2010. С. 67).

Один из наиболее ярких эпизодов взаимодействия готов и алан дан Аммианом Марцеллином в описании Адрианопольской битвы, состоявшейся в

августе 378 г., между римлянами и варварами: «А готская конница между тем вернулась с Алатеем и Сафраком во главе вместе с отрядом аланов. Как молния появилась она с крутых гор и понеслась в смертельной атаке, сметая все на своем пути» (Аммиан Марцеллин, 2005. XXXI, 12).

Как уже было отмечено, на территории Венгрии исследованы могильники, отражающие процесс заселения региона готами и аланами Алатея и Сафрака в конце IV века (Шаламон, Баркоци, 1982. С. 42).

Венгерские могильники (типа Чаквар) на век-полтора древнее Волго-Камских погребений из нашей выборки. Именно это обстоятельство объясняет более слабые их связи нежели, скажем, с Причерноморским могильником Дюрсо (табл. 3). Но в данном случае, важно, что эти связи (проявившиеся и в погребальном обряде, и в инвентаре), есть в принципе.

Подводя определенные итоги, необходимо отметить следующие принципиальные моменты.

Полиэдрические серьги найдены в Европе в материалах, этнокультурная идентификация которых связывается исследователями с готами, аланами и гото-аланами.

Основное время их бытования – V – VII вв. Наиболее ранние единичные экземпляры происходят с территории Северного Кавказа, из погребений датированных первой половиной IV в.

На территории Среднего Поволжья и Предуралья серьги известны в комплексах второй половины V–VII вв. Их находки локализованы в бассейне Средней и Нижней Белой (Уфа II, Ново-Турбаслы, Кушнареново, Бирск, Такталачук, Маняк), на Самарской Луке (Кармалы, Ош-Пандо-Нерь-II, Подгоры-V, Новинки-II), в устье Камы (Коминтерн-II). Территориально это пограничье именьковской и синхронных ей культур (бахмутинской, турбаслинской, кушнареновской, азелинской).

Судя по особенностям погребального обряда и инвентаря, вышеназванные могильники оставлены смешанным населением. Исследователи (Н.А. Мажитов, Е.П. Казаков) отмечали пришлый («с юга», «из Приаралья») характер отдельных этнических групп, оставивших эти памятники.

В своеобразный материальный комплекс «пришельцев» входили и серьги с 14-гранником на конце, каковых до V в. в Волго-Камье не было. Не известны они и в материалах ранней стадии именьковской культуры (славкинский, лбищенский типы).

Сопоставление Волго-Камских комплексов, содержащих полиэдрические серьги с комплексами готских (гото-аланских) могильников Причерноморья и Подунавья показало их сходство по целому ряду позиций. Особенно сильные связи фиксируются между Коминтерновским-II и Бирским могильниками – с

одной стороны, и могильником Дюрсо – с другой. Именно в их материалах представлены погребения с классическим готским костюмом, включающим парные застежки-фибулы, браслеты, бусы, поясные пряжки и полиэдрические серьги. «Все это типично для женского костюма восточных германцев в римское время и эпоху Великого переселения народов» (Мастыкова, 2008. С. 369). Более того, по мнению А.В. Мастыковой «за пределами восточногерманского мира, например, в северной Галлии или степной Украине, такой костюм (именно костюм, а не отдельные фибулы) появляется в исключительных случаях, всегда свидетельствующих о физическом присутствии каких-то групп или отдельных лиц восточногерманского происхождения» (Мастыкова, 2009. С. 150).

Тема готского присутствия в Волго-Камском регионе также уже обозначалась исследователями (Богачев, 1991; 2011; Голдина, Бернц, 2010. С. 150).

Большие (длинные) дома, исследованные в Среднем Поволжье на Старомайнском городище, аналогичны постройкам, найденным на поселениях пшеворской и вельбарской культур (Богачев, 2011. С. 154 – 159). И.П. Русанова отмечала, что «именно в германских землях находятся параллели для удлиненных пшеворских домов» (Русанова, 1990. С. 132).

В этом контексте особое значение приобретает находка на могильнике Подгоры-V урнового захоронения (сооружение № 51). Урновые захоронения в именьковской культуре не известны, но являются характерным признаком для германских захоронений пшеворской культуры. Да и в целом, как отмечали авторы раскопок, этот памятник «отличается от других могильников именьковской культуры» (Матвеева, Мышкин, 2012. С. 90).

Еще раз отметим: в Волго-Камье в грунтовых погребениях с германским костюмом имеется ряд признаков обряда, а также инвентарь не характерный для готских захоронений, но характерный для сармато-аланских.

Если говорить о подкурганных захоронениях с полиэдрическими серьгами, представленными в нашей выборке (Маняк, Такталачук, Новотурбаслы, Новинки), то в них, при наличии парных браслетов, бус, поясных пряжек, отсутствуют парные фибулы. Нам представляется, что на этих, различных в культурном отношении памятниках в немногочисленных погребениях с полиэдрическими серьгами, захоронены аланы, которые «практически никогда не действуют самостоятельно, а всегда в союзе с кем-нибудь, всегда сравнительно небольшими, но весьма боеспособными отрядами конников» (Щукин, 2005. С. 357).

Важно, что из этого ряда ни типологически, ни хронологически не «вываливается» комплекс из погребения 2 кургана 4 Новинковского могильника. Кроме того, становится понятным факт наличия в насыпях курганов №№ 4, 23, 24 Новинковского могильника вещей VI века (кольцевая подвеска с выпуклинами, поясной наконечник-коробочка, трехсоставная пряжка

с утолщенным спереди кольцом, круглая подвеска с полуовальными выступами (Матвеева, 1997. Рис. 20, 1; Рис. 107, 2, 4, 7)), которые резко контрастируют со всем вещевым комплексом этого могильника конца VII–первой половины VIII века. В этой связи, еще большую актуальность приобретает утверждение Г.И. Матвеевой о том, что «проникновение отдельных групп кочевников в Среднее Поволжье началось во второй половине VI века, а массовое переселение болгар и других этнических групп с юга происходило во второй половине VII века» (Матвеева, 1997. С. 89). Судя по всему, эти «отдельные группы кочевников» были аланами (возможно, алано-болгарами), что подтверждается, в том числе, и находкой в Шиловском могильнике (курган 1, погребение 2) Ульяновской области могилы-катакомбы VII века (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 81-83). Интересно, «что в Шиловке мы видим символы христианства – кресты на монетах и крест на вставке из горного хрусталя» (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 81-83).

Важно и то, что у погребенных на Ново-Турбаслинском и Такталачукском могильниках, отмечена искусственная деформация черепа. Это еще один аргумент в пользу того, что эти захоронения оставлены сармато-аланами.

Сармато-аланское присутствие в Волго-Камье в середине I тыс. уже отмечалось исследователями. В частности, Е.П. Казаков говоря о населении, оставившем Коминтерновский II могильник полагает, что «данное население, скорее всего, связано с поздними сарматами» (Казаков, 2004. С. 283-284).

Автор раскопок Ново-Турбаслинского могильника Н.А. Мажитов, публикуя его материалы, писал: «Ново-Турбаслинский могильник относится к числу типичных памятников аланских племен на территории Башкирии и Приуралья и имеет близкое сходство с памятниками аланских племен Поволжья и Северного Кавказа» (Мажитов, 1959. С. 143).

В сравнительно недавно опубликованной статье, биритуализм погребального обряда племен именьковской культуры (кремации + ингумации) мы объяснили смешанным характером населения (венеды/анты + сарматы), мигрировавшем на Среднюю Волгу из районов Поднестровья в IV в. н.э. (Богачев, 2013).

Таким образом, у нас есть основания говорить, что в середине I тыс. н.э. на окраинах «именьковского мира» проживали выходцы из гото-аланской этнической среды.

Примерно такая же ситуация зафиксирована в Центральной Европе. «В Паннонии с остготами и аланами Алатея и Сафрака связывают... могильники «типа Чаквар», но местные, провинциально-римские элементы в обряде погребения и в инвентаре столь сильны, что остается предположить: если готы здесь и были, то жили они совместно с местным населением, возможно на

правах постоя, собственных поселений и могильников, собственной культуры они создать или не сумели, или не успели» (Щукин, 2005. С. 393).

Ввиду того, что и готы, и аланы в разных регионах Европы зачастую выступали в качестве воинов-наемников, мы не исключаем, что и в Волго-Камье, нанятые «именьковцами» или, скажем, «бахмутинцами», они выполняли какие-то подобные функции (пограничной стражи, например).

Воинственность германских племен описана Корнелием Тацитом: *«Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться...»* (Тацит, 1993. С. 359).

В приведенном отрывке хочется обратить внимание на слова «множество... юношей». То есть из родного племени на поиски доблести и славы уходили не отдельные удальцы, а целые отряды воинственно настроенной молодежи.

Вместе с тем, материалы Старо-Майнского городища, находящегося далеко не на периферии именьковского мира, позволяют говорить о том, что картина взаимодействия славян, германцев и сармато-алан в регионе в середине I тыс. н.э. была значительно более сложной. Поскольку германские длинные дома на Старой Майне перемежаются со славянскими подквадратными полуземлянками, постольку есть основания говорить об интеграции двух этих этносов, по крайней мере, в этом районе. Если обратиться к материалам могильников, то, скажем, на Коминтерновском «захоронения с ингумацией и кремацией перемежаются между собой» (Казаков, 1998. С. 98).

И.П. Русанова, ссылаясь на западноевропейские письменные и археологические источники, подняла вопрос о характере взаимопроникновения различных племен той эпохи на примере Галлии, «где пришедшие туда франки и бургунды занимали часть уже обжитой территории рядом с поселениями местных жителей. При этом смешение населения происходило крайне медленно, и в течение двухсот лет сохранялось двуязычие. При таком расселении, если процесс смешения жителей еще не зашел слишком далеко, разноэтничные памятники и отдельные комплексы на поселениях и могильниках могли располагаться чересполосно, что было прослежено на ряде могильников северной Франции» (Русанова, 1990. С. 120 – 121).

Нам представляется, что нечто подобное в середине I тыс. происходило и в Волго-Камье, где традиции пришлых готы-аланов и аланов со временем переплелись с культурой населения, которое в этом регионе уже проживало (именьковская, бахмутинская, турбаслинская, кушнаренковская культуры).

Литература

Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеимперского периода // СА. 1984. № 1.

Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII века / Отв. Редактор Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003.

Амброс А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М., 1966.

Аммиан Марцеллин. Римская империя / Пер. с латинского Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. М., 2005.

Атаев Д.М. Височные подвески с четырнадцатигранником // СА. 1963. № 3.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Багаутдинов Р.С., Никитина А.В. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке в 1994 г. (по материалам раскопок Г.И. Матвеевой) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области): Научно-популярное издание / Отв. редактор А.В. Богачев. Самара, 2013.

Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников нового типа Татарка-Вербовка. М., 2012.

Богачев А.В. Отчет об охранных раскопках Старо-Майнского городища в Ульяновской области и разведке в Волжском районе Куйбышевской области в 1987 году по открытым листам №№ 401 и 133. Куйбышев. 1988 / Архив Института археологии РАН.

Богачев А.В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов Среднего Поволжья V – VIII вв.). Самара, 1992.

Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. Саарбрюкен, 2011.

Богачев А.В. К истокам биритуализма погребальной обрядности племен именьковской культуры // Вестник СМиУ. № 4. 2013.

Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по

материалам археологических памятников Самарской области): Научно-популярное издание / Отв. редактор А.В. Богачев. Самара, 2013.

Воротнянов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // *Germania – Sarmatia II* : сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы посвященный памяти М.Б. Щукина. Калининград; Курск, 2010.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.

Гавритухин И.О. Днепровские ингумации второй половины V – VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2004.

Гавритухин И.О. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени // *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 9)*. М., 2007.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Самара, 1998.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Древности V – VII веков // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII века* / Отв. Редактор Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003.

Генинг В.Ф. Удмуртский могильник VIII – IX вв. // *ВАУ*. 1962. Вып. 3.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // *Исследования по археологии Южного Урала*. Уфа, 1977.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск, 2010.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // *Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков*. М., 1982.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V – IX веков // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII века* / Отв. редактор Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003.

Засецкая И.П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.

Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // *Археологический сборник*. 38 выпуск: материалы и исследования по археологии

Евразии. Памяти Я.В. Доманского посвящается / Государственный Эрмитаж. СПб., 2010.

Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.

Казаков Е.П. Коминтерновский Могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Казаков Е.П. Новые материалы к проблеме интерпретации именниковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004.

Казанский М.М., Перен П. «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // КСИА. 2014. Вып. 234.

Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Катакомбы сарматского времени из Восточного Закубанья // Понтийско-Кавказские исследования. Т. I. Краснодар, 1993.

Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III – V вв. н.э. Махачкала. 2015.

Мастыкова А.В. О костюме с пальчатыми фибулами в Восточной Европе // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.

Мажитов Н.А. Ново-Турбаслинский курганный могильник // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М., 1981.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Т. III. Уфа, 2009.

Матвеева Г.И., Морозов В.Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

Матвеева Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV– VII вв.: Именьковская культура. Самара, 2004.

Матвеева Г.И., Мышкин В.Н. Культовое место и могильник у с. Подгоры на Самарской Луке // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 3. Спецвыпуск к 50-летию А.В. Богачева. Самара, 2012.

Мышкин В.Н. Могильник эпохи раннего средневековья у с. Подгоры на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области): Научно-популярное издание / Отв. Редактор А.В. Богачев. Самара, 2013.

Обломский А.М. Лесное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 9). М., 2007.

Обломский А.М. Лепная керамика из погребений Верхнего Подонья середины I тыс.н.э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: Сб. статей. Тула, 2012.

Русанова И.П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990.

Скарбовенко В.А. Отчет об охранно-спасательных раскопках селища Ош-Пандо-Нерь у с. Шелехметь Волжского района Самарской области. Самара, 1995 // Архив археологической лаборатории СамГУ.

Сокровища Алании. М., 2011.

Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Старостин П.Н. Богородицкий могильник // СА. 1983. № 1.

Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 7). М., 2005.

Сунгатов Ф.А. К вопросу о датировке Варнинского и Тольенского могильников // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том. 1. М., 1993.

Фурасьев А.Г. Этнокультурные особенности населения Южного Крыма в VI – начале VII в. н.э. (по материалам женского костюма) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009.

Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995.

Хреков А.А. Некоторые итоги и проблемы изучения постзарубинецких памятников Прихоперья // Археология восточноевропейской степи. Саратов, 2012.

Шаги К. Остроготы (остготы) в окрестностях оз. Балатон // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. М., 1982.

Шаламон А., Баркоци Л. Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376-476 гг.) // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. М., 1982.

Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М, 1984.

Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.

Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V-VIII вв. Каталог выставки. Мюнхен, 2007.

Эрдели И. Новый могильник V в. в Кестхей-Фенекпесте // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. М., 1982.

Dobrzanska H. Contacts between Sarmatians and Przeworsk Culture community // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin the 1 – 5 centuries A.D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszod – Nyiregyhaza. Aszod; Nyiregyhaza, 2001.

Jorgensen L. AD. 568 – F Chronological Analysis of Lombard Graves in Italy // Chronological studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden. Copenhagen, 1992.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАУКЕ 1950-Х – 2000-Х ГОДОВ

В статье рассматривается проблема этнической атрибуции носителей именьковской культуры в исторической науке 1950-х – 2000-х гг.

Ключевые слова: именьковская культура, историография, Среднее Поволжье.

Первый этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с начала археологического изучения Среднего Поволжья, которое, первоначально бессистемно, началось в XVIII-XIX вв., до середины 50-х гг., когда эта культура была выделена и названа «именьковской». Впервые памятники, которые впоследствии отнесут к именьковской культуре, выделила в своих работах В.В. Гольмстен, которая, однако, не отделяла их от мордовских древностей и датировала IX-X вв. На основании анализа арабских источников, которые помещают в Поволжье народ буртасов, В.В. Гольмстен именно с ними связывала эти памятники (Гольмстен, 1946). В дальнейшем гипотеза о буртасской их принадлежности ещё не раз повторялась в науке, в частности, её отстаивал в те годы Н.Ф. Калинин, опять-таки, смешивая в одно целое именьковские и мордовские древности. Он же впервые высказал мысль о значительном именьковском воздействии на генезис культуры Волжской Болгарии, которая впоследствии найдёт поддержку целого ряда учёных (Калинин, 1951. С. 60-62; Калинин, Халиков, 1954. С. 59-62).

В 1956 г. В.Ф. Генинг впервые ввёл в историографию термин «именьковская культура», которую он предложил датировать III-IX вв., после чего она переросла в болгарскую культуру. Сначала учёный считал «именьковцев» финнами (Генинг, 1959. С. 208), а потом высказал гипотезу об их тюркском происхождении и приходе из Сибири (Генинг, 1961. С. 334-336 и последующие работы).

До последнего отрицал существование именьковской культуры как археологического феномена А.П. Смирнов, который датировал соответствующие памятники IV-V вв. и считал их финно-угорскими, рассматривая в качестве позднего этапа городецкой культуры. При этом учёный относил Рождественский могильник к более позднему времени (VI-VIII вв.) и ошибочно считал его независимым по отношению к именьковской культуре памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с Левобережья Днепра, обратив внимание на его разительное сходство со славянским Волынцевским могильником (Смирнов, 1951; 1962; Краснов, Смирнов, 1969). Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не

вызывает сомнений, равно как и то, что Рождественский могильник предшествовал Волынцевскому, но не наоборот. Эти наблюдения А.П. Смирнова служат важным аргументом в пользу славянской этнической атрибуции «именьковцев».

Второй этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с середины 50-х до начала 80-х гг. В это время были проведены масштабные полевые исследования культуры, существенно уточнены её ареал, хронология и характерные особенности, а также высказан ряд гипотез относительно её происхождения и этнической атрибуции. В 1964 г. П.Д. Степанов высказал гипотезу о венгерской этнической принадлежности «именьковцев» (Степанов, 1964. С. 144-147), не нашедшую поддержки у других археологов.

В 1967 г. вышла монография П.Н. Старостина, которая суммировала все собранные к тому времени археологические данные об именьковской культуре. П.Н. Старостин обосновал её датировку III/IV-VII вв. и высказал гипотезу о становлении культуры в условиях смешения местного финно-угорского и пришлого тюркского населения (Старостин, 1967. С. 30-31). В дальнейшем П.Н. Старостин показал отсутствие связей между городецкими и именьковскими древностями и скорректировал свой вывод: роль финно-угорского населения в становлении именьковской культуры была незначительной и его основу составили пришедшие в Среднее Поволжье тюрки (Старостин, 1971). Впоследствии, после новых открытий, П.Н. Старостин отказался от идеи поисков восточных истоков именьковской культуры (Старостин, 1986. С. 100) и признал убедительность гипотезы Г.И. Матвеевой о её славянской этнической атрибуции (Старостин, Кляшторный, 2002). В те же годы идею о тюркской атрибуции «именьковцев» отстаивал в своих работах и А.Х. Халиков (Халиков, 1971).

Третий этап археологического изучения именьковской культуры охватывает период с начала 80-х до середины 2000-х гг. В 1981 г. самарский археолог Г.И. Матвеева опубликовала статью, в которой произвела переворот в этнической атрибуции «именьковцев», показав западные истоки их культуры, связанные с кругом культур полей погребений, а конкретно с зарубинецкой культурой (Матвеева, 1981). В дальнейшем в ряде работ исследовательница уточнила этот вывод, установив, что именьковские древности имеют не только зарубинецкие, но и пшеворские аналогии (преимущественно с теми памятниками полиэтничной пшеворской культуры, которые В.В. Седов, И.П. Русанова, Д.Н. Козак и другие специалисты интерпретируют как славянские), а возможно и черняховские (Матвеева, 1986; 1997; 2004. С. 65-74).

Вывод Г.И. Матвеевой о том, что истоки именьковской культуры следует искать в древностях круга «полей погребений» был принят подавляющим большинством исследователей. Единственным принципиальным противником

этой позиции ныне является Е.П. Казаков, который считает именьковскую культуру родственной турбаслинской и видит в носителях этих двух культур хионитов (Казаков, 1998. С. 110-111). Ученый опирается на исследованные им памятники, отразившие взаимодействие и смешение двух культур, трактуя их как свидетельство родственности между ними. Однако ситуация смешения с турбаслинской культурой характерна лишь для одного из именьковских регионов и скорее отражает процесс взаимной ассимиляции их носителей, продвинувшихся в один и тот же район Закамья (Галкина, 2006. С. 343-344; Жих, 2011. С. 32-33).

Новое определение археологических истоков именьковского населения позволило по-новому поставить вопрос и о его этнической атрибуции. Сама Г.И. Матвеева в 1988 г. высказала и в ряде последующих работ отстаивала тезис о славянской принадлежности именьковской культуры (Матвеева, 1988; 1997; 2004. С. 74-78). Эта идея была поддержана ведущим археологом-славистом, автором фундаментальной общей концепции славянского этногенеза, В.В. Седовым (Седов, 1994. С. 49-66; 1994а. С. 309-315; 1995. С. 193-197; 2002. С. 245-255), авторитет которого закрепил её в науке. С той поры и по сей день большинство археологов придерживается гипотезы о славянстве «именьковцев» или, как минимум, о значительном славянском вкладе в становление этой культуры (В.Д. Баран, А.В. Богачев, Т.И. Останина, Р.Д. Голдина и т.д.).

В то же время установление факта западного происхождения именьковской культуры дало основу и предположению о его возможной балтской атрибуции, которую стал отстаивать А.Х. Халиков, опираясь на балтские заимствования в языках финно-угров и предположительно балтские гидронимы в именьковском ареале (Халиков, 1988). В.В. Седовым эти построения А.Х. Халикова были подвергнуты убедительной критике: во-первых учёный, профессионально занимавшийся ономастикой, показал полную несостоятельность балтских этимологий гидронимов именьковского ареала, предложенную А.Х. Халиковым, а во-вторых, указал на то, что предки мордвы, марийцев и чувашей общались с балтами, жившими на Оке и в Волго-Окском междуречье и предполагать, что балтские заимствования в их языках связаны с именьковской культурой оснований нет (Седов, 1994. С. 58-59). Не смотря на эту убедительную критику, балтская гипотеза этнической атрибуции «именьковцев» имеет отдельных сторонников и ныне, так В.В. Приходько предпринял попытку собрать в её пользу новые гидронимические доказательства (Приходько, 2011).

Особое место в работах Г.И. Матвеевой и В.В. Седова заняла проблема судеб именьковского населения. Оба исследователя, как и П.Н. Старостин, не сомневаются в том, что после того как в конце VII в. именьковская культура прекратила своё существование и большинство её носителей покинуло Среднее

Поволжье, часть «именьковцев» осталась на месте, влившись в состав населения Волжской Болгарии и оказав значительное влияние на развитие её экономики и культуры, в частности, на распространение земледелия (Старостин, 1967. С. 31-32; Матвеева, 2004. С. 77-79; Седов, 1995. С. 195-197; 2001; 2002. С. 254-255). Г.И. Матвеева отметила, что территория Волжской Болгарии соответствует ареалу имениковской культуры (Матвеева, 2004. С. 79). Эти выводы принимаются ныне рядом археологов (Ю.А. Семькин, А.В. Богачев и т.д.).

Опираясь на вывод А.П. Смирнова о родственности населения, оставившего Рождественский и Волынцевский могильники, В.В. Седов как бы «развернул» его выводы и заключил, что большая часть «именьковцев» ушла на юго-запад, где стала основой носителей волынцевской культуры. В доказательство этого тезиса В.В. Седов привёл следующие аргументы: хронологический стык между культурами (в конце VII в. исчезает одна, а в начале VIII в. появляется другая), близость погребального обряда, экономической жизни, хозяйства, керамических форм, домостроительства и т.д. (Седов, 1994. С. 59-63; 1994а. С. 315; 1995. С. 193-194; 2002. С. 253-255). Часть археологов приняла вывод В.В. Седова (Г.И. Матвеева, О.М. Приходнюк, В.В. Приймак и т.д.), часть не согласилась с ним и ищет иные истоки волынцевского населения: автохтонные (О.В. Сухобоков), луки-райковецкие (И.О. Гавритухин и А.М. Обломский) или дунайские (А.В. Григорьев, О.А. Щеглова). Ныне вопрос о генезисе волынцевской культуры и её связях с культурой имениковской остаётся до конца нерешённым.

Гипотеза Гавритухина-Обломского о правобережных истоках волынцевской культуры (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 133, 144-147) была подвергнута В.В. Седовым справедливой критике: он указал на то, что опирается она на единственный аргумент – сходство печей, чего совершенно недостаточно для глобальных выводов о генезисе культуры в целом, а также на то, что сходные с волынцевскими печи днепровского правобережья находятся именно в тех правобережных районах, куда проникла волынцевская культура, то есть распространялись они в обратном направлении (Седов, 1999. С. 84. Примеч. 72). От себя добавим, что для волынцевской культуры были характерны исключительно бескурганые могильники, в то время как на Правобережье Днепра уже с VI-VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала. Таким образом, бескурганный погребальный обряд «волынцевцев» никак не мог быть принесён с правобережья, зато он находит очевидную параллель в имениковской обрядности, что служит дополнительным доказательством гипотезы В.В. Седова, которая, на наш взгляд, на данный момент является наиболее убедительной.

Четвёртый этап археологического изучения именьковской культуры начался примерно с середины 2000-х гг. Он характеризуется более пристальным вниманием к социальным структурам именьковского общества и поиском новых ответов на старые вопросы. Д.А. Сташенков высказал идею о неоднородности этнического состава именьковской культуры, о разных направлениях этнокультурных контактов её носителей в разных регионах и в разные периоды её истории. По его мнению, в становлении именьковской культуры сыграли свою роль мигранты из ареала культур полей погребений, местное население, какие-то позднескифские группы и т.д. (Сташенков, 2005; 2006).

Л.А. Вязов в своей работе, посвящённой социально-экономической истории «именьковцев», не касаясь прямо вопроса об их этнической атрибуции, сделал вывод, согласно которому, хозяйственная система именьковского населения имеет свои истоки в зарубинецких, киевских, позднедьяковских и мощинских традициях, что указывает на сложный многокомпонентный характер населения, оставившего именьковскую культуру (Вязов, 2011. С. 19-20). Дальнейшая разработка гипотезы о полиэтничном характере именьковской культуры, если она окажется верной, вероятно, позволит в будущем выделить в её составе конкретные памятники, связанные как со славянским населением (можно полагать, что одним из таких памятников является Рождественский могильник, возможно, именно в этой группе памятников, а не в именьковской культуре в целом, лежат истоки волынцевских древностей), так и с другими этническими группами.

А.В. Богачев высказал интересную гипотезу, согласно которой «именьковцы» представляли собой одну из ветвей антов (Богачев, 2011. С. 72-137).

В последнее время к вопросу этнической атрибуции именьковской культуры активно подключились историки. Уже давно исследователями восточных источников было замечено, что они помещают какую-то группу *ас-сакалиба*-славян в Среднем Поволжье. Опираясь на то, что Ибн Фадлан именует Волжскую Болгарию «страной славян», а её правителя «государем славян», ещё А.Я. Гаркави считал, что славяне составляли значительную часть населения этой страны (Гаркави, 1870).

В 1964 г. С.Г. Кляшторный ввёл в СССР в научный оборот известие ал-Куфи о столкновении арабского полководца Марвана со славянами в 737 г. на берегах «Славянской реки» и пришёл к однозначному выводу, что описываемые события происходили в Поволжье (Кляшторный, 1964). Есть и другие арабские и хазарские известия, помещающие славян в VIII-X вв. в Поволжье. Эти данные позволили С.Г. Кляшторному связать тех славян, которых знают арабы в Поволжье с «именьковцами» и их потомками (Кляшторный, 2005), что было поддержано П.Н. Старостиным, Г.И. Матвеевой и В.В. Седовым. При этом данные известия полностью подтверждают то, что часть «именьковцев» осталась в Поволжье после конца VII в. и влилась в состав болгарского населения.

Ныне арабским и хазарским известиям о славянах в Поволжье и проблеме их соотношения с именьковской культурой посвятил ряд работ М.И. Жих (Жих, 2011; 2013; 2015), который подтвердил и развил наблюдения и выводы С.Г. Кляшторного, предположив, опираясь на этнонимы *С.в.р*, *С.л.виюн*, носителей которых письмо хазарского царя Иосифа локализует в Поволжье, что какие-то группы «именьковцев» могли именоваться *словенами* и *северянами* – этнонимами, хорошо известными в славянском мире (Жих, 2015). При этом важно, что носители роменской культуры, восходящей к волынцевской, также именовались *северянами*. Это может служить ещё одним подтверждением гипотезы В.В. Седова о генетической связи между данными культурами.

Е.С. Галкина пришла к выводу, что термин «ас-сакалиба»-славяне, применяемый Ибн Фадланом к населению Волжской Болгарии бытовал в данном регионе в X в. как демоним, т.е. обозначение жителей определенной территории, вне зависимости от их этнокультурной принадлежности. Его происхождение связано с этносом носителей именьковской культуры, которую с VIII в. сменяют тюркские и финно-угорские культуры. Путем от этнонима к демониму могли стать ассимиляционные процессы, происходившие в Среднем Поволжье (Галкина, 2014).

Важное значение имеют работы В.В. Напольских о предположительных «именьковских» заимствованиях в финно-угорские языки, которые, по его мнению, имеют протославянский или балто-славянский характер (Напольских, 1996; 2006). Выводы В.В. Напольских о соответствующих заимствованиях убедительны, однако их интерпретация вызывает вопросы. Во-первых, учёный жёстко придерживается гипотезы о балто-славянской языковой общности, и поэтому настойчиво именуется «именьковский язык» «балто-славянским» (Напольских, 2006. С. 3-4). Между тем, это гипотеза далеко не всеми лингвистами принимается (в частности, убедительной критике подверг её в последнее время О.Н. Трубочёв) и вне её рамок выводы В.В. Напольских могут звучать и иначе. Во-вторых, недоказанным остаётся главное: то, что выделенные В.В. Напольских в языках волго-камских финно-угров славянские и балтские языковые заимствования синхронны, а уж тем более – восходят к одному языку. Логичнее говорить как о балтских, так и о славянских языковых заимствованиях местных финно-угров, которые, скорее всего, независимы друг от друга (Жих, 2011. С. 21-25).

Новое направление в «именьковской» историографии открыл в своих работах казанский исследователь А.В. Овчинников, который показал, что на сугубо научную проблему этнической атрибуции «именьковцев» активное воздействие оказывают вненаучные факторы, в первую очередь, политические. В Татарстане негативно относятся к гипотезе о славянском происхождении «именьковцев» или их части, чинят препятствия исследователям,

отстаивающим данную точку зрения (Овчинников, 2009; 2009а). Так, например, П.Н. Старостин длительное время не мог в печати высказать соответствующие взгляды, хотя пришёл к ним давно. Последнее подтвердил в интервью С.Г. Кляшторный, с которым П.Н. Старостин совместно написал главу о славянах Среднего Поволжья для многотомной обобщающей «Истории татар» (Кляшторный, 2013. С. 69-70). Эти печальные факты, надеюсь, не станут помехой на пути дальнейшего прояснения сложных вопросов этнокультурной истории носителей именьковской археологической культуры учёными разных специальностей.

Литература

Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.: Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Вязов Л.А. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Казань, 2011.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Галкина Е.С. К интерпретации термина *сакалиба* в отчёте Ибн Фадлана // Восток (Oriens). 2014. № 6.

Галкина Е.С. Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1959. Вып. 2.

Гольмстен В.В. Буртасы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII.

Жих М.И. Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М., 2013.

Жих М.И. Заметки о раннеславянской этнонимии (славяне в Среднем Поволжье в I тыс. н.э.) // Исторический формат. 2015. № 4.

Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань, 2011.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1998.

Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии // История Татарской АССР. Казань, 1951. Т. I.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Казань, 1954.

Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М., 1964.

Кляшторный С.Г. О славянах Среднего Поволжья и о коллегах-славистах // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара, 2013.

Кляшторный С.Г. Праславяне в Поволжье // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кляшторный С.Г., Старостин П.Н. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.

Краснов Ю.А., Смирнов А.П. Рецензия на книгу: Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967 // Советская археология. 1969. № 2.

Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов). М., 1988.

Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. М., 1997.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004.

Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // Славяноведение. 2006. № 2.

Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. Данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996.

Овчинников А.В. Дешёвая историография // Звезда Поволжья. 2009а. №№ 26, 27, 28, 29, 30, 31, 37, 38, 39, 40.

- Овчинников А.В. Славянское присутствие // Звезда Поволжья. 2009. № 19.
- Приходько В.В. К вопросу об этноязыковой атрибуции именьковской археологической культуры // Симбирский научный вестник. 2011. № 2 (4).
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2.
- Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994.
- Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994а.
- Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Смирнов А.П. Волжские болгары // Труды Государственного исторического музея. Вып. XIX. М., 1951.
- Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967.
- Старостин П.Н. Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Сташенков Д.А. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2.
- Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. М., 2005.
- Степанов П.Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племён в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. I.
- Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Халиков А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань, 1988.

**ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОСУРЬЯ
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

*Исследование проведено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 14-11-63008 а(р)*

В статье рассматриваются археологические материалы памятников эпохи Великого переселения народов Среднего Посурья. По материалам как давно известных и раскопанных еще П.Д. Степановым в 1940-1960-е гг. памятников (городища «Ош-Пандо», «Ашна-Панда» и др.), так и новых поселений, открытых и исследованных авторами в 2000-е гг., выделяется четыре разновременных группы древностей региона, отличающихся в культурном отношении. Основой для выделения служат в первую очередь керамические комплексы описанных памятников, дополнительными признаками выступают топография их расположения и особенности оборонительных сооружений. Предложенные датировки базируются на анализе основных хроноиндикаторов, а в одном случае – на данных радиоуглеродного датирования. В статье приводятся наиболее близкие аналогии рассматриваемым комплексам, намечается общая схема развития древностей региона в течение I-VII вв. н.э., которая может стать основой для дальнейших исследований культурной динамики Среднего Посурья.

Ключевые слова: *Среднее Посурье, Великое переселение народов, именьковская культура, памятники типа «Новая Беденьга», керамические комплексы.*

Территория Среднего Посурья была одним из первых регионов Среднего Поволжья, где начались планомерные исследования памятников эпохи Великого переселения народов. Уже к началу 1950-х гг. благодаря исследованиям П.Д. Степанова была составлена достаточно подробная археологическая карта региона и произведены широкомасштабные раскопки на ряде памятников. Всего в долине р. Суры было известно 24 поселения, содержащих слои I тыс. н.э.: 13 городищ и 11 селищ. В 1946-1949 гг. было полностью раскопано Сайнинское городище «Ош-Пандо», в 1949 г. произведены раскопки на городище «Ашна-Панда» (Степанов, 1951). В 1963 и 1967 гг. П.Д. Степанов также провел исследования на Моргинском городище «Ош-Пандо» и Моргинском I селище, в 1969-70 гг. – на селище Лопатина III (Степанов, 1971), оставшиеся неопубликованными и малоизвестными специалистам. В 1969-73 гг. серия небольших разведок в Ульяновском Посурье была предпринята Г.М.

Буровым (Буров, 1985). В 1973 г. небольшие раскопки на селище Лопатина III были проведены В.И. Вихляевым (Вихляев, Зеленева, Зеленцова, 2008).

С середины 1970-х гг. масштабы археологических работ в Среднем Посурье постепенно начинают сокращаться. Некоторое время исследования памятников эпохи Великого переселения в Алатырском Посурье продолжались силами ученых и краеведов Чувашии. Ряд новых поселений был выявлен в 1974–1977 гг. археологическими экспедициями В.Ф. Каховского. Краеведы Ю.Б. Новиков (первый директор Алатырского краеведческого музея) и А.А. Макеев в 1970–1980-х гг. собрали большую археологическую коллекцию и оставили дневниковые записи, в которых указаны ряд городищ и селищ.

С середины 1980-х гг. на протяжении более 20 лет археологические исследования в регионе не проводились. Это было обусловлено в значительной степени удаленностью региона от основных научных центров, его расположением на стыке трех административных регионов – Мордовии, Чувашии и Ульяновской области.

По результатам разведок 1940-х гг. П.Д. Степанов отнес исследованные им памятники Среднего Посурья к древнемордовской культуре. После выделения в конце 1950-х гг. именковской культуры и появления серии посвященных ей публикаций П.Д. Степанов связал памятники сурской группы с этой культурой (Степанов, 1967. С. 76). Вслед за ним в качестве именковских рассматривал поселения I тыс. н.э. в Среднем Посурье Г.М. Буров (Буров, 1985), а впоследствии эту интерпретацию поддержала и Г.И. Матвеева (Матвеева, 2004. С. 104-123).

Изучение памятников рассматриваемого региона возобновилось в начале 2000-х гг. В 2000 г. В.В. Гришаковым был заложен небольшой раскоп (25 кв. м) на Явлейском I городище. В 2000-2002 гг. несколько памятников было открыто экспедицией под руководством Н.С. Березиной. В 2006 г. именковская керамика обнаружена при раскопках многослойного поселения Утюж I. С 2009 г. ежегодные разведочные исследования в Алатырском районе Чувашии проводятся Н.С. Мясниковым и Л.А. Вязовым. Одновременно с этим авторами настоящей статьи была начата обработка и подготовка к публикации коллекций из раскопок П.Д. Степанова и сборов Ю.Б. Новикова. В результате проведенной работы были получены новые данные, характеризующие этнокультурные процессы в регионе в I тыс. н.э.

Группа памятников эпохи Великого переселения народов в среднем течении р. Суры по современным данным насчитывает 19 городищ и 38 неукрепленных поселений (рис. 1).

Как и в других регионах Среднего Поволжья, поселения эпохи миграций в Среднем Посурье расположены группами, состоящими из одного-двух городищ и прилегающих к ним селищ. В рассматриваемом регионе практически все группы памятников за редким исключением приурочены к долинам небольших речек и

ручьев, относительно крутым склонам южной экспозиции. Большая часть селищ расположена на краю или у подножия верхней террасы.

Городища занимают мысообразные выступы коренной террасы, образованные отрогами оврагов. Подавляющее большинство городищ укреплены шишкообразным валом и опоясывающим его с напольной стороны дугообразным рвом. Три городища имеют отличную систему укреплений. Городище «Ашна-Панда», расположенное у села Гулюшево, защищено тремя линиями валов и рвов. Моргинское городище «Ош-Пандо» имеет сложную оборонительную систему, состоящую из кольцевого вала и рва, окружающего площадку со всех сторон и имеющего несколько проездов, внешнего дополнительного вала, прикрывающего главный вход на площадку, и внутреннего вала, делящего площадку городища на две части. Наконец, городище «Иваньковская Стрелка» защищено двойным невысоким дуговидным валом и неглубоким рвом.

В результате работ последних лет были получены новые данные, характеризующие хронологическую и культурную принадлежность ряда памятников. Это позволяет на настоящем этапе исследований в самых общих чертах наметить схему культурно-хронологического развития региона на протяжении эпохи Великого переселения народов. В настоящей работе сделана попытка выделить в материалах памятников Среднего Посурья несколько керамических комплексов и определить их культурно-хронологическую позицию. Для решения этой задачи авторы опирались как на материалы исследований 1940-70-х гг., так и на результаты собственных полевых работ последних лет. В результате был намечен круг памятников, материалы которых представляются наиболее перспективными для дальнейшего изучения культурной динамики в регионе.

Иваньково-Ленинское I городище «Иваньковская стрелка». Городище расположено на мысу высокого коренного левого берега Суры, на северо-западной окраине с. Иваньково-Ленино Алатырского района Чувашской республики. Площадка мыса ровная, вытянутая с востока на запад, с небольшим уклоном (рис. 2, А). Северный и южный склоны мыса очень крутые, их высота до 15 м. С восточной стороны мыс постепенно сужается и тянется приблизительно на 130 м, ширина площадки около 30 м в середине. С западной напольной стороны мыс отделен двумя невысокими валами 0,3 и 1,2 м высотой.

В 1970-1980-е гг. сотрудником Алатырского краеведческого музея А.А. Макеевым на северо-восточной окраине с. Иваньково-Ленино, у глубокого оврага «Ванючка», было отмечено городище. В 2002 г. памятник был описан отрядом экспедиции ЧГИГН под руководством Н.С. Березиной. В 2015 г. Н.С. Мясниковым и Л.А. Вязовым была проведена зачистка обрушающегося склона памятника.

По системе оборонительных укреплений данное городище резко отличается от именьковских памятников и гораздо ближе к укрепленным поселениям лесной зоны раннего железного века (ананьинская, городецкая культуры).

С памятника происходит найденная в 2015 г. плоская гладкая бронзовая бляшка накладка ($d = 1,8-2$ см) с зеркальной поверхностью с отверстием в центре (рис. 2, Б: 2). Видимо бляшка представляет собой пример вторичного использования плоских зеркал, широко распространенных в средне- и позднесарматской культуре (Красноперов, 2006; там литература). Подобные украшения широко применялись в женском костюме лесной полосы Поволжья и Прикамья: в пьяноборской (Агеев, 1992. Табл. 5: 7,8; Генинг, 1970. Рис. 35-38) и кара-абызской (Пшеничнюк, 1968. Рис. 9: 1-6) культурах, в Андреевском кургане (Гришаков, Зубов, 2009. Рис. 15: 5) и Кошибеевском могильнике (Шитов, 1988. С. 33, 36. Табл. III: 16; VI: 9). Более крупные бляхи подобного типа использовались также в качестве украшения ножен мечей и кинжалов в Андреевском кургане (п. 25/1, 50) (Гришаков, Зубов, 2009. Рис. 11-12; 21: 1, 4-6) и Кипчаковском I могильнике (п. 11, р. I) (Зубов, 2007. С. 85. Рис. 10: 1). Бытовали в регионе с I до сер. III в. н.э. (Красноперов, 2006. С. 144, 147; Лещинская, 2014. Табл. 82: 18).

В 2015 г. при зачистке обрыва было обнаружено небольшое усеченно-биконическое пряслице ($d = 2,5$ см, $h = 1,2$ см) с такой же «мажущейся» заглаженной поверхностью как и у керамики, с прочерченной вдоль ребра линией (рис. 2, Б:1). Пряслица такой же формы с такими же размерами известны на городище «Ножа Вар», причем на двух пряслицах в коллекции есть прочерченные линии. Есть основания считать, что биконические пряслица в регионе появляются не ранее второй половины II в. (на городище «Пичке Сарче» I-II вв. их еще нет).

Керамический материал городища (рис. 2, Б: 3-7) представлен фрагментами днищ, стенок и венчиков лепных сосудов. Несколько черепков с примесью крупного шамота. Поверхность сосудов грубо заглажена, «мажущаяся». Цвет керамики чаще красновато-желтый, светлого оттенка, встречаются и серые фрагменты, либо красно-желтые снаружи и серые с внутренней стороны сосуда. Придонные части сосудов утолщаются к плоскому днищу (до 2-3 см) с прямыми закраинами, образующими прямой угол с плоскостью днища. Несколько фрагментов венчиков (4 шт.) с насечками по краям, один фрагмент с ямкой, проделанной насквозь. Один венчик низкий, со слабо отогнутым краем, три других более высокие, отогнуты наружу так, что образуется ребро на внутренней поверхности, вероятно от горшковидных слабопрофилированных сосудов. Описанная посуда отличается от посуды именьковских памятников по характеру обработки поверхности, формам сосудов, отсутствием в комплексе дисков-лепешечниц. Гораздо ближе она к

нижнесурским древностям древнемордовского облика типа городища «Ножа Вар». Среди коллекции последнего значительная доля посуды с насечками по венчику и близкими формами венчиков. Таким образом, пока еще незначительный керамический материал городища «Иваньковская стрелка» ближе к памятникам типа городища «Ножа Вар» древнемордовского облика и может быть отнесен ко II – первой пол. III в.

Городище и селище Алатырское I «Каменная гора». Памятник расположен на мысу высокого коренного левого берега Суры, на юго-восточной окраине г. Алатырь. Северный и южный склоны мыса крутые, восточный – более пологий. С западной стороны мыс отделен двумя сходящимися оврагами. Прослеживаются остатки земляного мостика, соединяющего напольную сторону и городище. Площадка мыса небольшая, ровная, вытянутая с В на З, ее размеры 45x30 м. С восточной напольной стороны наблюдается вал высотой 2 м, на котором просматриваются 7 округлых и овальных западин.

В 1925 г. городище впервые отмечено В.Н. Поливановым в добавлении к «Археологической карте Симбирской губернии». В 1930 г. памятник был обследован СВЭ ГАИМК (П.Н. Третьяков). Было отмечено городище возле Алатыря (по П.Н. Третьякову – Каменная гора), ошибочно отнесенное им к XV в. В 1972-1976 гг. осматривалось директором АКМ Ю.Б. Новиковым. В 1976 г. отрядом ЧАЭ (В.Ф. Каховский) было отмечено городище в Сурской роще (по В.Ф. Каховскому – Алатырское), отнесенное им к городецкой культуре раннего железного века. В 2001 г. городище было обследовано разведочной экспедицией ЧГИГН (Н.С. Березина).

С западной напольной стороны городища отмечено селище. Ю.Б. Новиковым здесь на распахиваемой поверхности были обнаружены фрагменты лепной посуды с шероховатой поверхностью, аналогичной керамике городища, бронзовая сьюльгама (рис. 3: 9) биконической формы пряслица, железные серпы (рис. 3: 3, 4), железные наконечник копья (рис. 3: 1), нож (рис. 3: 2), удила (рис. 3: 7), фрагменты бус стеклянной (рис. 3: 6) и керамической, грузило для ткацкого станка (рис. 3: 5).

Серпы, происходящие с поселения, имеют типичную для средневожских памятников первой половины-середины I тыс. н.э. форму, характеризующуюся слабоизогнутым лезвием с наибольшим расширением дуги, расположенном в ближней к рукояти части клинка и наличием шипа-«пятки» для крепления рукояти, отогнутого перпендикулярно плоскости лезвия. Такие серпы имеют широкое распространение в лесостепной зоне Восточной Европы с конца I тыс. до н.э. Истоки традиции их изготовления, по всей видимости, лежат в милоградской культуре скифской эпохи. Наиболее ранние экземпляры фиксируются в Среднем Поволжье на городищах Ножа Вар (Трубникова, 1964) и Лбище (хранится в археологических фондах Самарского госуниверситета), а их

наибольшее распространение связано с именьковской культурой. Именьковские серпы (за исключением Самарской Луки) имеют относительно более крупные размеры и более выраженную асимметрию, чем серпы второй четверти I тыс. н.э. Особенно ярко это прослеживается на памятниках Западного Закамья. Форма и размеры серпов из Алатырского краеведческого музея позволяет отнести их ко второй четверти I тыс. н.э.

Наконечники копий типа с длинными древком и коротким двушипным пером бытуют в Волго-Камье с нач. I тыс. н.э. по XI-XII вв. (Матвеев, 2013. Рис. 17: тип VI. С. 82-83).

Кольчатые удила и железный нож с уступом при переходе от спинки клинка к черешку относятся к типам широко распространенным в Восточной Европе в I тыс. н.э.

Сюльгама бронзовая с рамкой круглого сечения с четырьмя зонами длинных насечек на лицевой поверхности, расположенных поперек кольца, с концами, завернутыми в трубицы, слегка выходящими за ширину рамки. Подобные сюльгамы найдены в комплексах V-VIII вв. (Вихляев, 1972. С. 191), традиционно датируются в пределах VI-VII вв. (Вихляев и др., 2008. С. 44; Белоцерковская, 2008. С. 198).

Фрагмент (половинка) стеклянной бусины ($d=1,4$ см, d отверстия = 0,5 см, $h=1,5$ см) с четырьмя продольными черными прерывающимися линиями на красной основе (ирридирована). Аналогии неизвестны.

Фрагмент (половинка) керамической бусины ($d=1,8$ см, d отверстия = 0,2 см, $h=2$ см). Подобные бусы были широко распространены в лесных культурах Восточной Европы.

Пирамидальные грузики для ткацких станков известны в материалах раскопок Сайнинского городища «Ош-Пандо», где они были отнесены П.Д. Степановым к слою I тыс. до н.э. (Степанов, 1967. С. 72). Для памятников именьковской культуры эта категория артефактов абсолютно не характерна. Подобные предметы известны в первой пол. I тыс. н.э. на так называемых «позднегородецких» городищах Чувашии, городецких памятниках Верхнего Подонья (Разуваев, 2011. Рис. 3: 19), на Андреевском селище на Средней Суре (Гришаков, Зубов, 2009. С. 60. Рис. 37: 1-3), на киевских памятниках (Максимов, Терпиловский, 1993. Табл. XLII: 47-48), на саратовских городищах типа Чардымского II – Алексеевского (Хреков, 2006. Рис. 2: 22-23; 3: 15).

Биконические пряслица широко распространены на памятниках I тыс. н.э. Значительно менее распространенной является цилиндрическая форма. В материалах именьковской культуры такая форма не встречена ни разу. Цилиндрические пряслица известны в материалах селища Новая Беденьга I, однако остается неясным, относятся ли они ко второй или к последней четверти I тыс. (Вязов, Багаутдинов, Нерушин, Семькин, 2010. С. 94, рис. 16: 23). Известны

такие пряслиц, правда, несколько меньшего размера, в памятниках черемшанской группы (типа Сиделькино-Тимяшево), в частности, на Новокиреметском II селище (материалы раскопок 2014 г.).

Керамический материал селища представлен фрагментами лепных сосудов, изготовленных из формовочной массы с примесью шамота. Поверхность сосудов бугристая или заглаженная, «мажущаяся», фрагменты относительно толстостенные, рыхлые. Цвет поверхности коричневый. Основная масса фрагментов происходит от слабопрофилированных горшков с плавным переходом от тулова к шейке, встречаются также диски-лепешечницы с небольшим бортиком. Керамический комплекс памятника резко отличается от именьковского по фактуре поверхности сосудов, а от посуды древнемордовского облика его отличает присутствие дисков-лепешечниц. Описываемая керамика ближе к материалам селища Новая Беденьга, относящимся к эпохе Великого переселения народов. Представляется, что можно предварительно датировать основную часть материалов памятника в пределах второй четверти-середины I тыс. н.э.

В 0,3 км к С от описанного памятника находится *Алатырское городище II и селище* с аналогичным керамическим материалом (рис. 4).

Моргинское городище «Ош-Пандо». Городище расположено на широком пологом мысу треугольной формы, вытянутом в направлении с северо-востока на юго-запад и образованном двумя отрогами оврага, по дну которых текут ручьи. Площадка городища имеет форму трапеции с сильно закругленными углами (обращенной широким основанием к напольной северо-восточной стороне, а узким – к стрелке мыса) размером 115x70-100 м, она защищена сложной системой оборонительных сооружений. Основная оборонительная линия представлена кольцевым валом (высотой от 1,5 до 3 м) и кольцевым рвом (глубиной до 2 м), через которые сделаны проезды в пяти местах: два в юго-западной части городища, два – в северо-западной и один – в юго-восточной. Таким образом, оборонительные сооружения защищают площадку городища не только с напольной стороны, но и со стороны склонов оврагов, причем, если с юго-восточной и юго-западной стороны основная оборонительная линия вплотную к склону оврага, то с северо-западной стороны она отступает от края, оставляя участок треугольной формы (тем самым сохраняется правильная трапециевидная в плане форма памятника). В этой части оборонительные сооружения дополнительно усилены внешней линией укреплений, состоящей из двух валов и рва между ними. Здесь же находятся два наиболее широких (и, вероятно, основных) проезда на городище. С северной стороны треугольный участок, образованный краем оврага и основной оборонительной линией городища защищен отдельной линией укреплений из вала и рва, снабженных проездом. Наконец, на городище есть еще одна, внутренняя линия укреплений, представленная валом (до 1,5 м в северо-западной и юго-восточной частях) и

рвом (до 1,5 м), отделяющими юго-западную часть площадки размером 70x45 м. В центральной части площадки вал понижается, в двух местах имеется проезд через вал (проезд через ров имеется только в восточной части), ров не прерывается на всем протяжении. Следует отметить, что на участках вала основной оборонительной линии, расположенных на скругленных углах трапеции, имеются небольшие выступы-контрфорсы.

Городище было открыто П.Д. Степановым в 1945 г., раскапывалось им же в 1963 г. (Степанов, Отчет... 1963 года). В 2013-14 гг. памятник был осмотрен Л.А. Вязовым. В ходе исследований 1963 г. П.Д. Степанов заложил на городище 11 раскопов общей площадью 238 кв. м.

Находки на памятнике были представлены фрагментами керамики, пряслицем усечено-биконической формы, бронзовой пластинкой неопределенной формы, каменной зернотеркой и остеологическим материалом. Один из раскопов разрезал вал памятника, в результате чего было выяснено, что в основании вала находятся крупные камни, со стороны городища дополненные сгоревшими деревянными плахами, лежавшими вдоль вала памятника.

Конструкция оборонительных сооружений городища выделяется на фоне других памятников Среднего Поволжья. Подобные системы укреплений известны в именьковской культуре, но они очень немногочисленны: к ним можно отнести городища Урнякское и, возможно, Березогривское в Западном Закамье, Кармалинское и, возможно, Стенькин Городок на Самарской Луке (Богачев, Вязов и др., 2013). С именьковскими памятниками Моргинское городище «Ош-Пандо» сближает относительно небольшая площадь, наличие кольцевой системы оборонительных сооружений, включающей в себя рвы, вырытые на эскарпированных склонах мыса; наличие оборонительных сооружений, делящих городище на две части. Ряд черт оборонительной системы сближают Моргинское городище с Переволокским и Лбищем на Самарской Луке. В первую очередь это большая протяженность оборонительных сооружений, во вторых – наличие многочисленных проездов в оборонительных линиях, в третьих – симметричная относительно осевой линии городища структура укреплений. Таким образом, с точки зрения устройства оборонительной системы Моргинское городище занимает промежуточное место между Лбищем и городищами именьковской культуры, сочетая в себе элементы, характерные для обеих традиций (табл. 2).

Особенности оборонительной системы Моргинского городища могут объясняться его хронологической позицией. Учитывая невыразительность материалов памятника, для ее определения в лаборатории Цюрихского политехнического института была получена радиоуглеродная калиброванная дата фрагмента дубового угля, происходящего из ямы в восточной части вала – 316-398 г. н.э. (табл. 1). Таким образом, сооружение укреплений городища относится ко времени не позднее начала V в. н.э.

Культурная принадлежность памятника с большой вероятностью может быть определена как именьковская. Несмотря на то, что поиски коллекции из раскопок П.Д. Степанова не увенчались успехом, в пользу этого говорят результаты исследования прилегающего к городищу Моргинского I селища.

Моргинское I селище. В 1963 г. и в 1967 г. П.Д. Степанов предпринял раскопки на селище в окрестностях Моргинского городища «Ош-Пандо». Селище расположено на левом берегу р. Качерма, на высоком плато коренного берега (Степанов, Отчет... 1963 года; Отчет... 1967 года).

За два года раскопок на селище было вскрыто около 200 кв. м. В результате раскопок были исследованы две полуземлянки квадратной формы (рис. 6), с центральным столбом. Размеры полуземлянки 1 составляли 6,5х6,5 м, глубина – около 1 м; полуземлянки 2 – примерно такие же. Постройки обогревались открытыми очагами; в постройке 1 очаг располагался в центральной части, в постройке 2 – в южном углу. Квадратные полуземлянки больших размеров и с центральным столбом находят многочисленные аналогии на памятниках именьковской культуры. В Посурье они изучены на Сайнинском городище «Ош-Пандо» (Степанов, 1967. С. 95), на Самарской Луке – на селище Ош-Пандо-Нерь, в Заволжье – на Старомайнском и Маклашеевском II городищах, в Предкамье – на Рождественском IV селище и др. (Матвеева, 2004. С. 25-26).

Находки с Моргинского I селища невыразительны: они представлены фрагментами усеченно-биконических пряслиц, несколькими фрагментами железных ножей и пинцета, костяными проколками и гладилками (рис. 5, А), фрагментом жернова.

Керамический материал памятника (рис. 5, Б) представлен фрагментами грубых лепных сосудов с примесью шамота в составе формовочной массы. П.Д. Степанов отмечает, что в составе керамики значительный процент составляют фрагменты дисков-лепешечниц. Коллекция из раскопок, видимо, сохранилась не в полном объеме, та часть, с которой удалось ознакомиться, представлена фрагментами стенок сосудов именьковской культуры.

Селища Сара I-IV. Селища расположены на краю высокой надпойменной террасы, возвышающейся на 5-7 м над поймой р. Сура, недалеко от оврагов, расположенных перпендикулярно к пойме.

Впервые памятники были отмечены в дневниках Ю.Б. Новикова, затем описаны отрядом ЧГИГН (Н.С. Мясников) в 2009 г. В коллекции Алатырского краеведческого музея хранится небольшая коллекция материалов, собранных с обрущающегося склона памятника директором музея А.В. Коноваленко. В ее состав входят фрагменты черепа человека, скелет собаки без головы и кости коровы, а также развал лепного сосуда (рис. 8). В 2011 г. Н.С. Мясниковым на селище Сара-1 был заложен шурф площадью 2х4 м, был выявлен культурный слой мощностью до 1,2 м, обнаружено большое количество фрагментов

керамики, в том числе один развал сосуда (рис. 9: 1), кости, фрагменты известкового туфа, маленький железный нож и бронзовая сьюльгама (рис. 9: 2).

Сьюльгама бронзовая с уплощенной рамкой, с концами, завернутыми в трубицы, не выходящими за ширину рамки, с точечным орнаментом, образующим зигзагообразные линии на лицевой поверхности. Близкие застежки, по мнению В.В. Гришакова, появляются в «древнемордовских» погребениях с IV в. н.э. (Гришаков, 2008. С. 101, 109), согласно В.И. Вихляеву сьюльгамы с невыступающими за пределы кольца концами характерны для IV-V вв. н.э. (Вихляев, 1972. С. 197).

Керамика, происходящая с селищ, характеризуется относительно толстыми стенками, в составе формовочных масс крупный шамот; поверхность бугристая, серого цвета, обжиг хороший. Лощеная керамика отсутствует. Из материалов с селища Сара I реконструировано два сосуда. Первый сосуд округлобокий, сильно профилированный, с максимальным расширением в верхней части, плавным переходом от тулова к короткой, прямой шейке. Второй сосуд с выраженным ребром-перегибом в центральной части тулова в месте наибольшего расширения, с плавным переходом к короткому, отогнутому наружу венчику, с широкой горловиной. В целом, керамический комплекс памятника существенно отличается от материалов Сайнинского городища «Ош-Пандо» и Ивановско-Ленинского II городища «Шолм», в первую очередь – наличием сосудов со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова и отсутствием лощеных сосудов. Вероятнее всего, эти различия носят хронологический характер и обусловлены более ранней датой селища Сара I.

Городище Явлейское I. Явлейское I городище расположено на высоком мысовидном отроге северного высокого коренного берега р. Лаша, сложенного меловыми породами. Городище было впервые исследовано П.Д. Степановым в 1945 г. и отнесено к группе «древнемордовских» памятников в бассейне р. Суры, впоследствии интерпретированных им как именьковские. Площадка городища имеет размеры 70x30 м и защищена с напольной стороны валом шишкообразной формы высотой около 3 м и рвом.

В 2000 г. В.В. Гришаков заложил на городище раскоп площадью 20 кв. м. В результате работ был выявлен очаг, сложенный из мелового камня. находки с памятника представлены усечено-биконическим пряслицем и небольшой коллекцией керамики.

Керамический материал (рис. 21) городища представлен фрагментами небольших тонкостенных (0,5-0,7 см) слабопрофилированных сосудов, изготовленных из сильно запесоченной глины с примесью дробленого известняка и, возможно, шамота. До получения полного профиля удалось восстановить только один сосуд – плоску небольших размеров с уплощенным дном (рис. 21:2). Остальные сосуды, судя по фрагментам дниц и придонных

частей, были плоскодонные. Форма тулова округлобокая, в одном случае фиксируется небольшое ребро при переходе от тулова к плечу сосуда (рис. 21:5). Верхние части, имеющиеся в коллекции, происходят, вероятнее всего, от двух сосудов. Один из них имеет слабопрофилированное тулово и плавный переход к короткой отогнутой шейке, край венчика украшен торцевыми точечными вдавлениями (рис. 21:1). Второй сосуд представлен несколькими фрагментами с короткой прямой раструбообразно расширяющейся шейкой, переход от тулова к шейке оформлен в виде ребра на внутренней поверхности сосуда. Край венчика имеет утолщение в виде небольшого воротничка по верхнему краю (рис. 21: 3, 6-8).

Материалы Явлейского городища резко отличаются от всех остальных известных авторам групп керамики Среднего Посурья и не могут быть отнесены ни к одной из известных культур региона. Хронологическая позиция их также не ясна. На основании общего облика керамики, а также учитывая находку пряслица, можно предположительно отнести их к I тыс. н.э.

Сайнинское городище «Ош-Пандо». Наиболее исследованным памятником эпохи Великого переселения народов Среднесурского региона является, безусловно, Сайнинское городище «Ош-Пандо», практически полностью раскопанное П.Д. Степановым в 1946-48 гг. В материалах городища присутствуют находки позднего бронзового и раннего железного веков, однако основной материал относится к именьковскому времени.

К настоящему времени большая часть коллекции Сайнинского городища «Ош-Пандо» утрачена, и может быть охарактеризована только на основании архивных данных. Основная масса находок может быть датирована по современным представлениям в рамках VI-VII вв. н.э. Сюда относятся:

- 1) лировидная бронзовая пряжка без щитка, найденная в кв. 7Л, шт. 2 (рис. 10: 1). Сама пряжка в коллекции не сохранилась, но судя по имеющимся фоторафиям и прорисовке, она очень близка по форме пряжке из п. 3 Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977. Рис. 7:1).
- 2) золотая серьга с выступом в виде грозди из литых шариков, найденная в верхней части заполнения соор. 7 (кв. 11К, шт. 3) (рис. 11, Б: 3). Распространение подобных серег А.В. Богачев относит к последнему этапу распространения литых калачиковидных серег, датирующемуся концом VI-VII вв. н.э. (Богачев, 1996. С. 104);
- 3) розетковидная четырехлепестковая накладка, выполненная в геральдическом стиле, найденная в кв. 5Л, шт. 1 (рис. 11, А: 2), находит ближайшие аналогии в пп. 42, 46 Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998. С. 142, рис. 30: 2; с. 148, рис. 36: 7-8, 10-12), а также в пп. 2, 17 Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977. Рис. 3: 9-12; рис. 7: 25-28), и на других памятниках Среднего Поволжья (Гавритухин, 1999. С. 105-

110). По мнению А.В. Богачева, такие накладки входят в состав «предгеральдических» гарнитур, датирующихся VI в. (Богачев, 2010. С. 158). По И.О. Гавритухину, такие накладки относятся ко первому и второму периодам развития геральдических стилей поясов Поволжья (Гавритухин, 1999. С. 124-125).

- 4) разделитель ремней, выполненный в геральдическом стиле, найденный в кв. 4Г, шт. 2 (рис. 11, А: 1), очень близок по форме найденному в п. 2 Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977. Рис. 3: 3-6).
- 5) фрагмент кольцевой подвески с частыми наплывами, найден в кв. 2Л, шт. 3 (рис. 11, Б: 2). Аналогичные подвески выявлены в Комаровском грунтовом могильнике в Ульяновской области. Там они обнаружены в том числе в погребении 1 раскопа 1 вместе с наконечником пояса в геральдическом стиле (материалы готовятся к публикации).

Таким образом, практически весь набор предметов с Сайнинского городища «Ош-Пандо», имеющих хронологическое значение, относится к началу периода распространения ремennых гарнитур геральдического стиля в Среднем Поволжье и может быть датирован второй половиной VI – первой половиной VII вв. н.э.

Остальной вещевой материал, опознаваемый по имеющимся источникам или сохранившийся в коллекции, имеет широкие рамки бытования и не может быть использован для получения более узкой датировки. Находок, однозначно датирующихся временем не ранее VI в., на памятнике нет.

Между тем, отдельные предметы выбиваются из этого хронологического диапазона. Прежде всего, это относится к фрагменту перекладчатой фибулы круга восточноевропейских выемчатых эмалей (рис. 11, Б: 1). Сама находка не сохранилась и известна только по фотографии в монографическом издании памятника (Степанов, 1967. С. 109, рис. 54), причем в дневниковых записях и в монографии, и в тексте отчета отсутствуют сведения о конкретном месте находки. Судя по фотографии, изделие было представлено сильно поврежденным фрагментом ножки (или головки?) с треугольным гнездом для эмали. Судя по наличию гнезда, находка относится к первой или второй стадии развития стиля (Обломский, Терпиловский, 2010. С. 116, 120) и может быть датирована в пределах III в. н.э.

Большая часть коллекции керамики с городища Ош-Пандо утрачена, что не дает возможности представить количественные соотношения различных групп сосудов. Сохранившаяся часть коллекции в целом соответствует характеристике материала, данной П.Д. Степановым в публикации памятника (Степанов, 1967. С. 208-209). В керамическом комплексе преобладают сосуды, типичные для памятников именьковской культуры V – VII вв. (рис. 13-14). В составе сохранившейся части коллекции имеются фрагменты горшков и дисков-лепешечниц. Собственно мисок среди керамики нет, однако довольно

многочисленны сосуды гибридных форм (горшки широких пропорций). Среди горшков заметную группу составляют сосуды с относительно небольшим дном, сильнопрофилированным округлобоким туловом и высокой прямой шейкой, цилиндрической или расширяющейся кверху. Встречаются фрагменты лощеных сосудов, как горшков с высокой прямой шейкой, так и сосудов гибридных форм. Диски-лепешечницы немногочисленны (в отчетах об исследовании и публикации памятника имеются упоминания об их обнаружении при раскопках, однако в сохранившейся части коллекции удалось выявить всего два фрагмента).

Толщина стенок горшков относительно небольшая, цвет стенок серый или серо-коричневый, поверхность бугристая из-за крупных зерен шамота. В целом, эта группа сосудов может быть уверенно соотнесена с подавляющим большинством вещевых находок на памятнике и датирована в рамках V – VII вв. н.э.

Осмотр сохранившейся части коллекции Сайнинского городища «Ош-Пандо», проведенный авторами, показал, что в составе керамического материала есть группа фрагментов сосудов, заметно отличающихся от основной массы именьковской керамики (рис. 12). Они более толстостенные, хуже обожжены (имеют «мажущуюся» поверхность), поверхность обработана грубее, черепки более рыхлые, имеют, как правило, красновато-коричневый цвет. Наибольшее расширение тулова иногда оформлено в виде сглаженного ребра, верхние части сосудов слабо профилированы, переход от тулова к шейке плавный. Подобная керамика характерна для одной из групп населения, оставившего памятника типа Новая Беденьга в Ульяновском Предволжье (Вязов, Салугина, Семькин, 2014. С. 350-355). Истоки этой керамической традиции, вероятно, следует видеть в материалах киевской культуры. Таким образом, представляется возможным выделить на Сайнинском городище «Ош-Пандо» горизонт древностей, предшествующих по времени именьковскому слою. Возможно, с этим горизонтом связана и находка фрагмента фибулы круга эмалей, хотя подтверждений этому в имеющемся материале недостаточно.

Городище Ашна-Панда. Городище Ашна-Панда расположено на сложенной мелом гряде, составляющей левый коренной берег ручья Ашна (левого притока Суры), в 0,8 км от русла (3,9 км к юго-востоку от с. Гулюшево). Памятник занимает урочище «Кладовая Гора» – узкий и длинный мыс, более резко, чем соседние, вдающийся в долину и имеющий более крутые склоны. С южной стороны мыса протекает ручей – левый приток ручья Ашна. Оборонительные сооружения городища состоят трех валов и рвов. К городищу примыкают несколько неукрепленных поселений. Городище упоминается в археологической карте В.Н. Поливанова (Поливанов, 1900). В 1963 г. оно обследовалось А.С. Воскресенским, а в 1970 г. – Г.М. Буровым (Буров, 1977. С. 21-22). В 1949 г. П.Д. Степанов вскрыл на городище 387 кв. м (Степанов, 1951). Его раскоп располагался в восточной части памятника.

Материалы, полученные П.Д. Степановым в результате раскопок памятника, относятся к трем периодам: эпохе бронзы, раннему железному веку и эпохе переселения народов. Последняя группа древностей существенно превосходит по количеству материалы предшествующих эпох. Вещевой комплекс представлен украшениями и деталями костюма (гривной, браслетами, подвесками, предметами поясной гарнитуры, подковообразными застегками), орудиями труда (железными серпами и косой-горбушей, многочисленными пряслицами, ножами, точильными камнями) и предметами конского снаряжения (железные удила с Г-образными псалиями), литейной формой и т.д. Материалы раскопок были кратко опубликованы П.Д. Степановым (Степанов, 1967. С. 108, рис. 53: 51-59) и Г.М. Буровым (Буров, 1985. С. 127, рис. 2).

Наиболее важными для определения времени функционирования памятника представляются следующие соображения:

- 1) Из раскопок П.Д. Степанова происходят три гладких круглых в сечении браслета без декора (два целых и один фрагментированный) (рис. 15: 4, 5, 17). Один браслет изготовлен из оловянистого сплава, два – из сплава цветных металлов на основе меди. Оба этих браслета имеют подквадратные в сечении концы. По классификации В.И. Вихляева, круглые в сечении браслеты с подквадратными концами относятся к типу 1А2, который отсутствует в погребениях VI – VII вв. и вновь возвращается в обращение только в конце VII столетия (Вихляев и др., 2008. С. 140). Такая форма браслетов на территории Среднего Поволжья известна в материалах могильников новинковского типа (Матвеева, 1997. С. 219, рис. 124: 19-23) и не встречается в материалах именьковских памятников, для которых характерны круглые в сечении браслеты с утолщенными концами.
- 2) Литейная форма (рис. 16: 202), найденная на городище Ашна-Панда, использовалась для отливки круглых бляшек с мелким рубчатым бордюром, которые также находят аналогии в новинковских комплексах (Матвеева, 1997. С. 30, рис. 4: 2, 3).
- 3) Фрагмент серповидной гривны (рис. 15: 12), найденный на городище Ашна-Панда, относится к типу 1К1 по классификации В.И. Вихляева, распространенному в могильниках Западного Поволжья также в конце VII-VIII вв. (Вихляев и др., 2008. С. 140). Впрочем, такие гривны известны в рязано-окских могильниках (Заречье, погр. 18), что позволяет предполагать их бытование и в первой половине VII в. н.э. Серповидные гривны в рязано-окских древностях относятся к 4 периоду развития женского костюма (VI – первая половина VII вв.) (Белоцерковская, 2008. С. 197. Рис. 6: 1-5; 7: 40-41).

Таким образом, датирующие находки с городища Ашна-Панда позволяют предполагать функционирование этого памятника в VII в. Учитывая, что в материалах памятника не встречены находки, однозначно датирующиеся не позднее VI в., можно отнести городище Ашна-Панда к памятникам позднего этапа именьковской культуры.

Керамический материал памятника (рис. 16-17) представлен фрагментами грубых лепных сосудов, изготовленных из формовочной массы с примесью шамота. Представлены только две категории сосудов: горшки и диски-лепешечницы. Процент последних относительно высок, диски имеют диаметр более 40 см. Сосуды хорошо обожжены. Толщина стенок относительно небольшая. Сосуды с лощеной поверхностью отсутствуют, не встречены также сосуды гибридных форм.

Горшки имеют относительно хорошо профилированное округлобокое тулово (сосуды со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова единичны) и относительно узкое дно. Преобладают формы с плавным переходом от тулова к шейке. Шейки сосудов короткие прямые или отогнутые наружу, количество сосудов с высокой прямой шейкой незначительно, раструбообразно расширяющиеся кверху шейки не встречаются.

Керамический комплекс памятника несомненно относится к именьковской культуре. Вместе с тем, можно отметить целый ряд черт, отличающих его от материалов Сайнинского городища «Ош-Пандо» и Иваньковского городища «Шолм». К ним относятся отсутствие лощеной керамики, немногочисленность форм с высокой прямой шейкой отсутствие горшков широких пропорций (сосудов гибридных форм), высокий процент дисков-лепешечниц, наличие единичных горшков с ребром в месте наибольшего расширения тулова. Близкий к ашна-пандинскому набор форм, однако, можно увидеть на некоторых других памятниках Посурья, в частности, на селище Болтаевка I, исследованном Г.М. Буровым (Буров, 1985. Рис. 7-8). Учитывая, что вещевой материал памятника предполагает его одновременность Сайнинскому городищу «Ош-Пандо» и Иваньковскому городищу «Шолм», можно предполагать, что на позднем этапе развития культуры на территории Посурья сосуществовали несколько групп именьковских памятников, обладающих культурными различиями.

Городище Иваньково-Ленинское II «Шолм». Городище расположено на мысу высокого коренного берега р. Сура на северной окраине с. Иваньково-Ленино. Городище занимает узкий мыс длиной 80 м по центральной оси и шириной от 1-2 м на стрелке, до 40 м у основания. Высота мыса со дна оврагов 12-13 м. С напольной стороны вырыт глубокий ров, глубиной до 6 м, а в самой широкой части, у основания мыса городище защищено высоким

шишкообразным овальным в плане земляным валом высотой до 3 м. С напольной части к городищу примыкает селище (рис. 18, А).

Данный археологический памятник был показан экспедиции 2013 г. краеведом и жителем с. Ивановско-Ленино А.А. Макеевым, на городище был заложен шурф 1x1 м. В 2015 г. на месте западины в северной части мыса был заложен раскоп площадью 64 кв. м. В результате раскопок выяснилось, что западина маркирует собой жилище именьковской культуры. В ходе исследований была вскрыта его значительная часть. Вещевой материал, представлен пряслицами и их фрагментами, железными изделиями и небольшой, но выразительной коллекцией украшений и деталей костюма. Не останавливаясь на подробной характеристике результатов исследований (они будут изложены позднее в специальной публикации), хотелось бы обратить внимание на некоторые из находок:

- 1) Коническая, свернутая из бронзовой пластины подвеска с пробитым отверстием в верхней части и тремя горизонтальными насечками, проходящими по периметру подвески в нижней части (рис. 18, Б: 5). Характерны для женского костюма культуры рязано-окских могильников со второй половины-конца V в. до VII в., где использовалась в составе височных украшений, затылочных кистей, украшений платьев, наконечников, (Белоцерковская, 2014. Рис. 1: 8; 3: 12, 28; 4: 42, 63; 5: 30, 49; 6: 24, 38, 41, 55; 7: 10). Известны также по материалам древнемордовских могильников, в частности в качестве привесок в составе наконечников (Рыков, 1930. Таб. II: 3; III: 4; XVII: 101) и на гривнах (Полесских, 1979. Рис. 10).
- 2) Литая бронзовая полая пирамидальная подвеска со сглаженными гранями с ушком для привешивания в верхней части и с выступами по углам в нижней (рис. 18, Б: 3). Подобные известны в качестве подвесок к наконечникам древнемордовских могильниках: Армиевском (Рыков, 1930. Рис. XVII: 100; Полесских, 1979. Рис. 14: 1), Абрамовском (п. 213) (в последнем случае в самых поздних захоронениях (не позднее середины VII в.)) (Ставицкий, 2014. Рис. 1: 14. С. 37-38), Ивановском (Раскопки Р.Ф. Ворониной, Фонды ИА РАН).
- 3) Накладка поясная (рис. 18, Б: 4). Относится к типу накладок с изображением птичьих головок, известны в кавказских материалах (Гавритухин, 1996. С. 264, рис. 82: 45). Найденный экземпляр сильно стилизован, изображения птиц схематичны. В древностях Среднего Поволжья аналогии накладке авторам не известны. И.О. Гавритухин относит такие изделия к VII в., исключая первую четверть (Гавритухин, 1996. С. 264, рис. 91).
- 4) Псевдопряжка литая с небольшой прорезью, без обоймы, с двумя отверстиями на граненной рамке, с псевдоязычком, выполненным как

рельефный выступ в передней части (рис. 18, Б: 2). Тип 1, варианту «в» по И.О. Гавритухину (Гавритухин, 1996. С. 33-34. Рис. 47: 16). Относится к третьей стадии развития геральдических ременных гарнитур Поволжья и Приуралья по И.О. Гавритухину (Гавритухин, 1996. С. 85).

5) Фрагмент «двурогой» накладки в «геральдическом» стиле (рис. 18, Б: 7). Относится к третьей стадии развития геральдических ременных гарнитур Поволжья и Приуралья по И.О. Гавритухину (Гавритухин, 1996. С. 85).

6) Ременной наконечник с выраженными боковыми фигурными выступами достаточно сильно профилированной прогнутой формы, с двумя округлыми вдавлениями на лицевой поверхности, со шпеньком для крепления на оборотной стороне (рис. 18, Б: 8). Относится к третьей стадии развития геральдических ременных гарнитур Поволжья и Приуралья по И.О. Гавритухину (Гавритухин, 1996. С. 85).

Таким образом, весь комплекс находок, имеющих относительно узкий диапазон существования и представленный предметами «геральдической» ременной гарнитуры (четыре последних позиции), может быть отнесен к последнему этапу развития геральдических гарнитур Среднего Поволжья и датирован второй половиной VII в. Эти находки определяют и период функционирования памятника. Городище является наиболее поздним известным на сегодняшний день памятником именьковской культуры.

Керамический комплекс городища характеризуется наличием фрагментов сосудов с грубой шероховатой поверхностью и лощеной посуды (3,1 %) (рис. 19). В материалах памятника представлены все три основные категории именьковской посуды: горшки, миски и диски-лепешечницы. Среди горшков отчетливо выделяются сосуды гибридной формы, составляющие основную массу лощеной керамики с памятника. Горшки высоких пропорций представлены сосудами с округлобким туловом, как слабо-, так и сильнопрофилированным. Относительно многочисленны горшки с высокой вертикальной шейкой. Миски представлены только одной формой – мисками-плошками, они составляют незначительный процент от всей массы керамики (менее 1%). Отдельными экземплярами представлены также диски-лепешечницы.

Наряду с основным комплексом находок, в материалах городища присутствуют отдельные фрагменты керамики, заметно отличающиеся от именьковской (рис. 20). Они характеризуются относительной толстенностью, заглаженной «мажущейся» поверхностью, красноватым цветом черепков. Общее их количество незначительно (около 1% от всей керамики памятника). Эта категория посуды (рис. 20: 4374, 4376, 4306, 4884, 4385) близка к найденной на Алатырских I и II городищах и селище Новая Беденьга I. Представляется, что находки этой керамики на городище свидетельствуют о наличии на нем слоя второй четверти-середины I тыс. н.э.

Таким образом, в результате полевых исследований 2000-2010-х гг. и аналитической обработки коллекций прошлых лет удалось скорректировать имеющиеся представления о культурно-исторической интерпретации памятников Посурья эпохи Великого переселения народов.

Имеющиеся материалы позволяют выделить несколько культурно-хронологических групп древностей I тыс. н.э. в регионе.

Наиболее ранние материалы зафиксированы на городище «Иваньковская Стрелка». Несмотря на немногочисленность выявленных древностей этого периода, очевидно, что они представлены не единичным памятником, а составляют определенный хронологический пласт в развитии региона. Аналогичная керамика была обнаружена также на Чуварлейском местонахождении, в том числе отогнутый наружу венчик с защипами по краю от горшковидного сосуда со слегка профилированным туловом. Наиболее близкие аналогии этим древностям можно усмотреть в нижнесурских древностях древнемордовского облика типа городища Ножа-Вар. Предварительно можно отнести памятники этого круга в Среднем Посурье ко II-первой половине III вв. н.э.

Ко второй культурно-хронологической группе относятся материалы Алатырских I и II городищ и прилегающего к ним селища. К этой же группе можно отнести часть материалов Сайнинского городища «Ош-Пандо», Иваньково-Ленинского II городища «Шолм» и отдельные находки с других памятников. В целом, для керамического комплекса этой культурно-хронологической группы характерны слабопрофилированные формы сосудов, иногда – со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова. Формовочные массы содержат шамот. Цвет фрагментов красноватый, красно-коричневый, желтовато-коричневый. Поверхность небрежно заглаженная, «мажущаяся». Наиболее близкие аналогии этим древностям обнаруживаются в материалах поселения Новая Беденьга I Ульяновской области. На основании имеющегося вещевого материала, а также учитывая хронологическую позицию этой аналогии, можно предварительно датировать материалы этой культурно-хронологической группы второй четвертью I тыс. н.э.

Вероятно, что к этой же группе относится поселение, выявленное в 1970-е гг. сотрудником Алатырского краеведческого музея А.А. Макеевым в долине р. Малая Сарка, к югу от с. Иваньково-Ленино. В состав коллекции, собранной на памятнике, входили фрагменты толстостенных слабопрофилированных сосудов с максимальным расширением тулова, оформленном в виде сглаженного ребра, с шамотом в составе формовочной массы, с характерной «мажущейся» поверхностью красноватого цвета, а также фрагменты черепа человека. Сама коллекция не сохранилась, но в архиве А.А. Макеева хранятся фотографии

наиболее выразительных фрагментов керамики (рис. 7). Поиски памятника, предпринятые в 2015 г., не принесли успеха.

К третьей группе относится небольшая коллекция керамики с Явлейского I городища из раскопок В.В. Гришакова. В состав комплекса входят фрагменты слабопрофилированных сосудов, орнаментированных вдавлениями по венчику; сосудов с резко отогнутой наружу шейкой и небольшим воротничком по краю венчика. Единственный реконструированный до получения полного профиля сосуд (плошка небольших размеров) имеет уплощенное дно. В составе формовочной массы присутствует значительное количества песка, шамот визуально не прослеживается. Керамика этой группы не находит аналогий среди других древностей региона.

Наконец, материалы именьковской культуры составляют наиболее многочисленную и хорошо исследованную культурно-хронологическую группу древностей эпохи переселения народов в Среднем Посурье. Наиболее исследованные именьковские памятники в регионе – городища Сайнинское «Ош-Пандо», Ашна-Панда, Моргинское I селище, ряд вновь выявленных в ходе работ последних лет поселений: селища Сара I-IV, городище Ивановско-Ленинское II «Шолм» с прилегающими селищами, селища «Макеевское», Стемасы V, VII и др.

Освоение региона именьковским населением происходит не позднее конца IV в. н.э. Об этом свидетельствует полученная радиоуглеродная дата из вала Моргинского городища Ош-Пандо (316-398 гг.).

К памятникам раннего этапа именьковской культуры в регионе относится селище Сара I. Особенности этой группы памятников являются приуроченность поселений к краю надпойменной террасы, отсутствие в составе керамического материала относительно тонкостенной керамики с высокими цилиндрическими шейками, отсутствие лощеной посуды, наличие сосудов, у которых наибольшее расширение тулова оформлено в виде сглаженного ребра.

Большинство подвергавшихся исследованиям именьковских памятников Среднего Посурья могут быть отнесены к позднему этапу развития именьковской культуры. Датирующие материалы этих памятников относятся к VI-VII вв. н.э. Видимо, именно в этот период происходит наиболее интенсивное освоение региона именьковским населением.

Имеющиеся данные свидетельствуют о прочной оседлости именьковского населения VI-VII вв. н.э. и выраженной роли пашенного земледелия в его хозяйстве. На Сайнинском городище Ош-Пандо найден весь комплекс земледельческих орудий (наральники, серпы, жернова) и зерна культурных растений, на Ашна-Пандинском городище – серпы и коса-горбуша, на

Иваньковском городище «Шолм» – фрагмент жернова. Археозоологические коллекции с двух последних городищ свидетельствуют о значительной роли охотничьей добычи (прежде всего лосей) в составе мясной пищи населения (до 50% кухонных остатков).

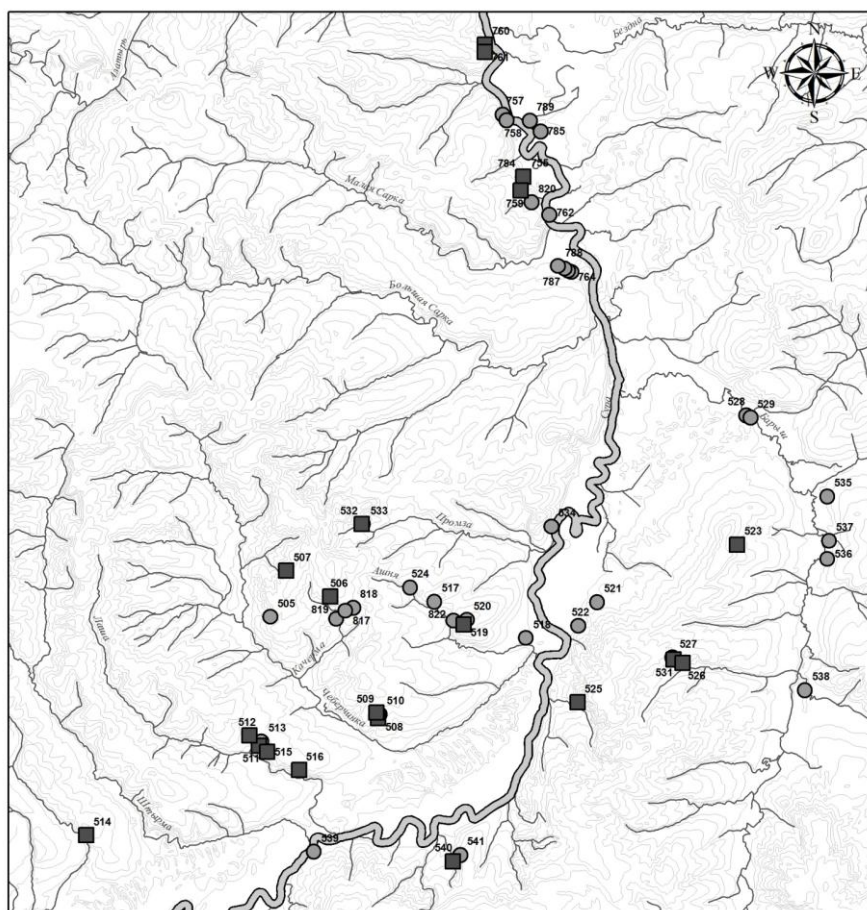
В керамическом комплексе именьковских памятников Среднего Посурья выделяются два варианта.

На городище Ашна-Панда абсолютно преобладают горшковидные формы, мисок и сосудов гибридных форм (обычно именуемых исследователями мисками высоких пропорций или горшками широких пропорций) практически не встречено. Преобладают слабопрофилированные горшки без выраженной шейки, сосуды с высокой цилиндрической шейкой немногочисленны. Лощеные сосуды не зафиксированы. Относительно многочисленны диски-лепешечницы большого диаметра.

На Сайнинском городище «Ош-Пандо» и Иваньково-Ленинском городище «Шолм» в составе керамического комплекса около 3% составляют фрагменты лощеных сосудов. Последние в большинстве случаев имеют гибридную форму. Остальные сосуды представлены горшками с бугристой поверхностью. Среди них относительно многочисленны сильнопрофилированные формы, а также формы с высокой цилиндрической шейкой. Диски-лепешечницы немногочисленны.

Возможно, что выявленные различия в керамических комплексах позднеименьковских памятников Посурья объясняются миграционными процессами, в которые было вовлечено именьковское население. Так, наличие значительного количества вещей «восточного» для территории Посурья происхождения в материалах Сайнинского городища «Ош-Пандо» (предметов поясной гарнитуры, изготовленных в «геральдическом» стиле, полиэдрической серьги и др.) в сочетании с типичным для именьковских памятников Закамья керамическим комплексом может свидетельствовать о перемещении в VI в. н.э. части именьковского населения в западную часть ареала, занятого культурой. Напротив, материалы городища Ашна-Панда демонстрируют скорее устойчивые связи с древнемордовской культурой в вещевом комплексе и самобытность – в керамических традициях.

Таким образом, материалы памятников Среднего Посурья свидетельствуют о значительно более сложной динамике этнокультурного развития, чем это представлялось ранее. Намеченная в статье структура этого процесса носит сугубо предварительный характер и нуждается в уточнении и дополнении в ходе дальнейших исследований.

Условные обозначения:

- Городища
- Селища
- ручьи и малые реки
- == р. Сура
- Изолинии (20 м)

0 2,5 5 10 15 20
Kilometers

Рис. 1. Памятники эпохи Великого переселения народов в среднем течении р. Суры.

Городища:

506 – Ош-Пандо (Моргинское); 507 – Ош-Пандо (Чиндяновское);
 508 – Блюдо I (Николаевское); 509 – Блюдо II (Николаевское); 511 – Енгалычевское I;
 512 – Енгалычевское II; 514 – Ош-Пандо (Симкинское); 515 – Явлейское I; 516 – Явлейское
 II; 519 – Ашна-Панда; 523 – Выползовское; 525 – Кадышевское; 531 – Малокандаратское II
 (Городкова поляна); 530 – Малокандаратское I (Лопатина Вторая);
 532 – Ош-Пандо (Сайнинское); 540 – Беловодское; 754 – Ивановско-Ленинское II "Шолм";
 759 – Ивановско-Ленинское I «Иваньковская стрелка»; 760 – Алатырское I (Красная
 Горка); 761 – Алатырское II.

Селища:

505 – Карлейское; 510 – Николаевское; 513 – Енгалычевское; 520 – Ашна-Пандо;
 521 – Белый Ключ; 522 – Болтаевское I; 524 – Гулюшевское I; 527 – Малокандаратское II;
 526 – Малая Кандарать I; 528 – Малобарышокское I; 529 – Малобарышокское II;
 533 – Ош-Пандо (Сайнинское); 534 – Сурское; 535 – Лебедкинское I; 536 – Никитинское I;
 537 – Никитинское II; 538 – Усть-Урень; 539 – Стрельниково; 541 – Беловодское;
 542 – Карсунское; 518 – Кирзять; 517 – Гулюшево III; 755 – Ивановско-Ленинское II
 "Ильинский родник"; 757 – Стемасы V; 758 – Стемасы VII; 762 – Макеевское; 764 – Сара I;
 820 – Ивановское «Шолм»; 784 – Ивановско-Ленинское I; 785 – Молебное озеро II;
 789 – Утюж I; 786 – Сарское II; 787 – Сарское III; 788 – Сарское IV; 822 – у подножья
 городища Ашна-Панда; 817 – Моргинское I; 818 – Моргинское II; 819 – Моргинское III.

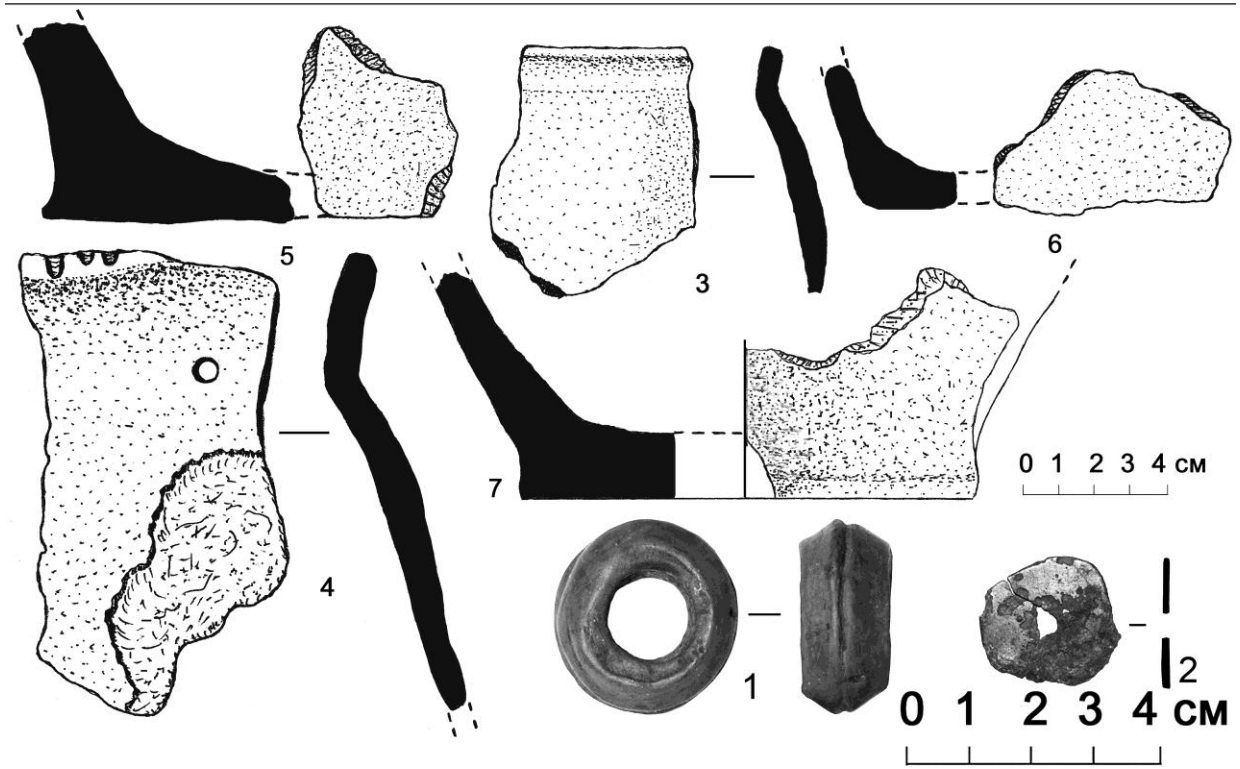
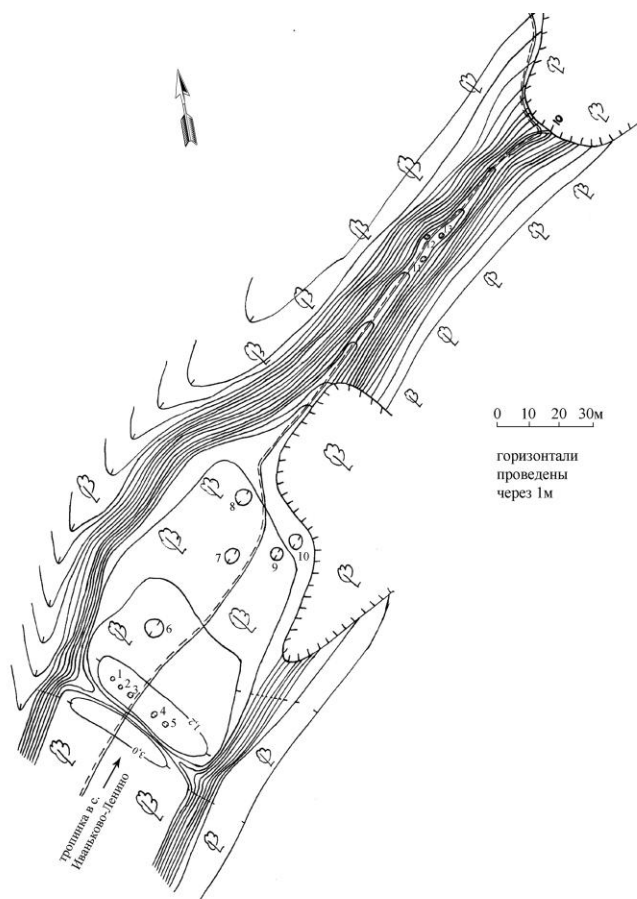

Рис. 2. Ивановско-Ленинское I городище «Ивановская стрелка».

А. Топографический план (по Н.С. Березиной, 2002).

Б. Находки на городище. 1 – пряслице, 2 – бляшка с зеркальной поверхностью, 3-7 – фрагменты лепных сосудов. 1, 3-7 – керамика, 2 – сплав цветных металлов.

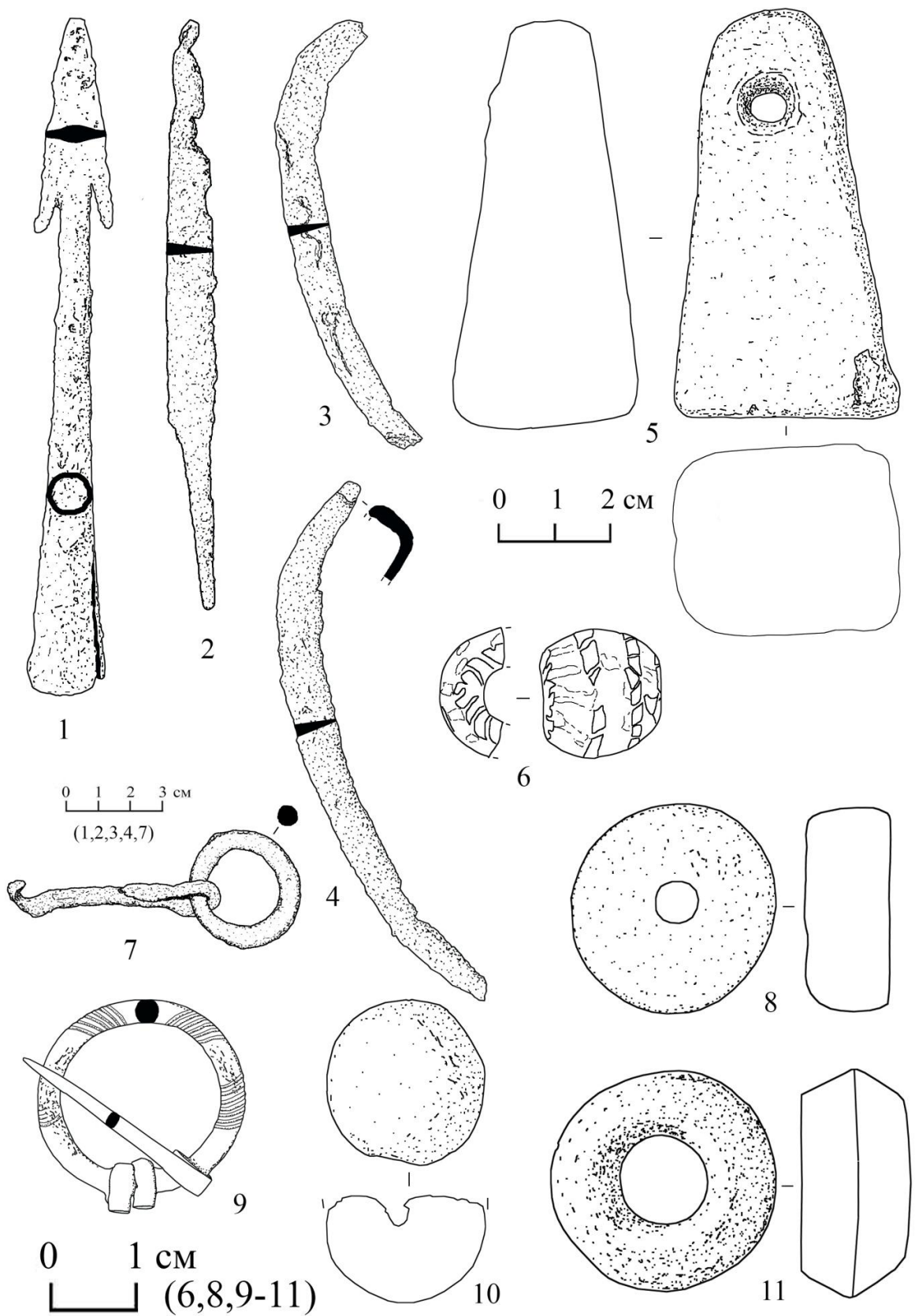

Рис. 3. Находки, собранные Ю.Б. Новиковым в 1972 г. на территории Алатырского селища (фонды Алатырского КМ).

1-4, 7 – железо; 5, 8, 10, 11 – керамика; 6 – стекло; 9 – бронза.

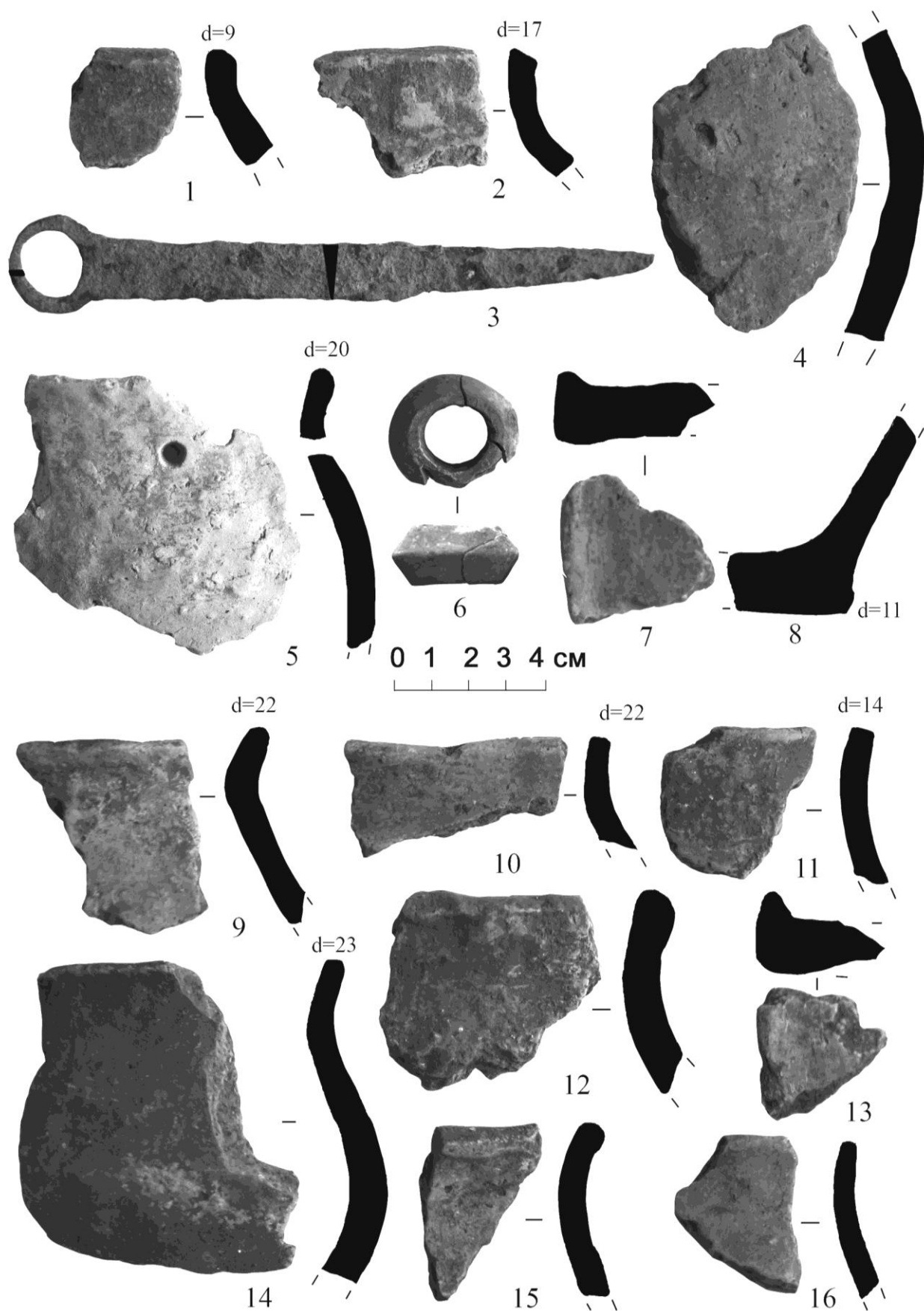

Рис. 4. Находки с территории Алатырского 1 городища и селища (1-8) и Алатырского 2 городища (9-16) (фонды Алатырского КМ).
3 – железо; остальное – керамика.

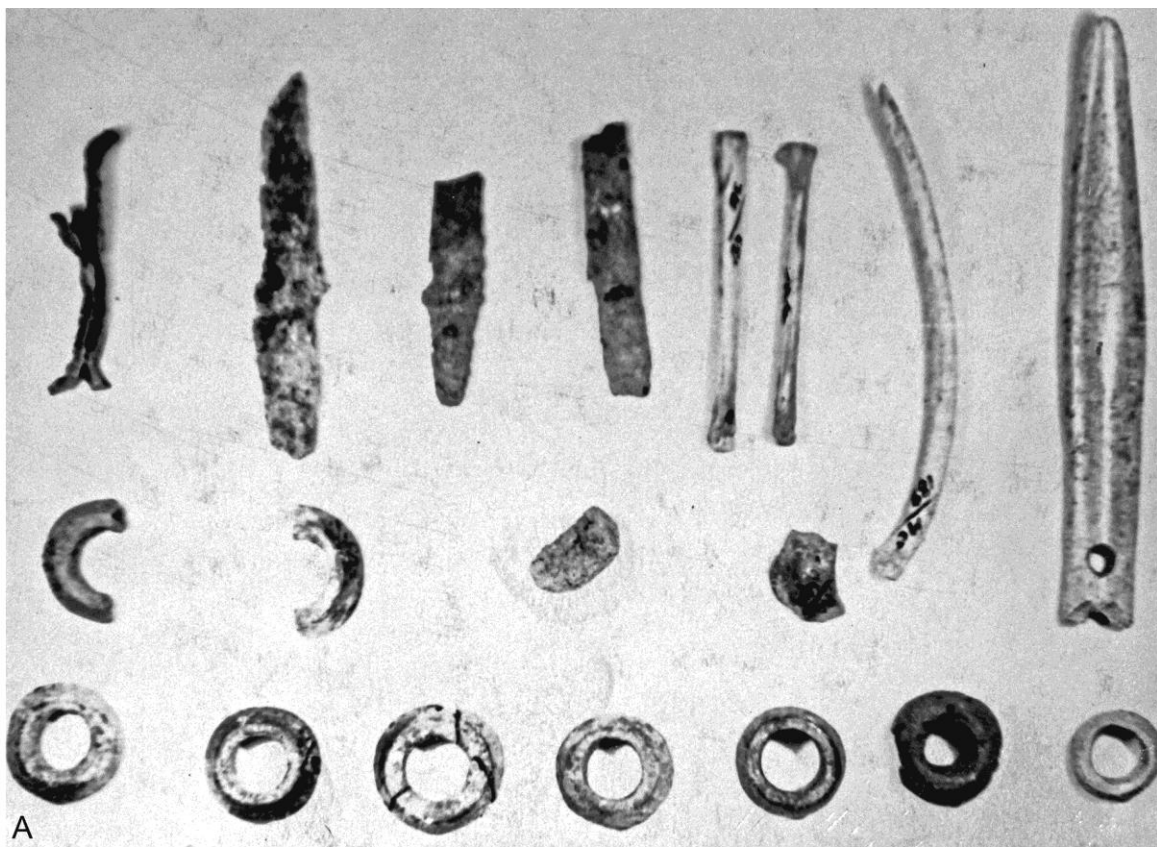

Рис. 5. Находки с Моргинского I селища (фото П.Д. Степанова из архива НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия).

А. Вещевой материал.

Б. Фрагменты венчиков сосудов.

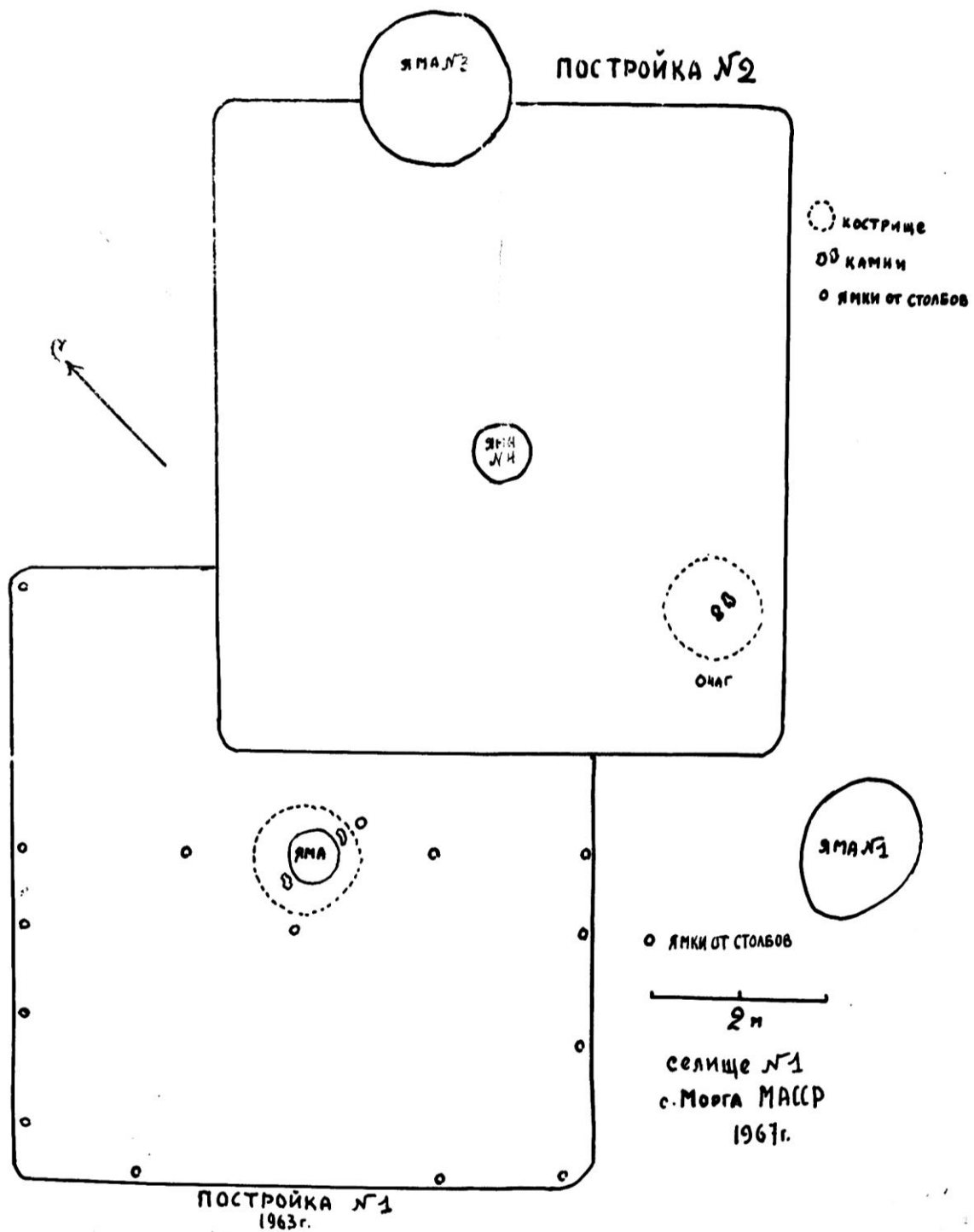

Рис. 6. Планы построек, исследованных П.Д. Степановым на Моргинском I селище в 1963 и 1967 гг. (из архива НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия).

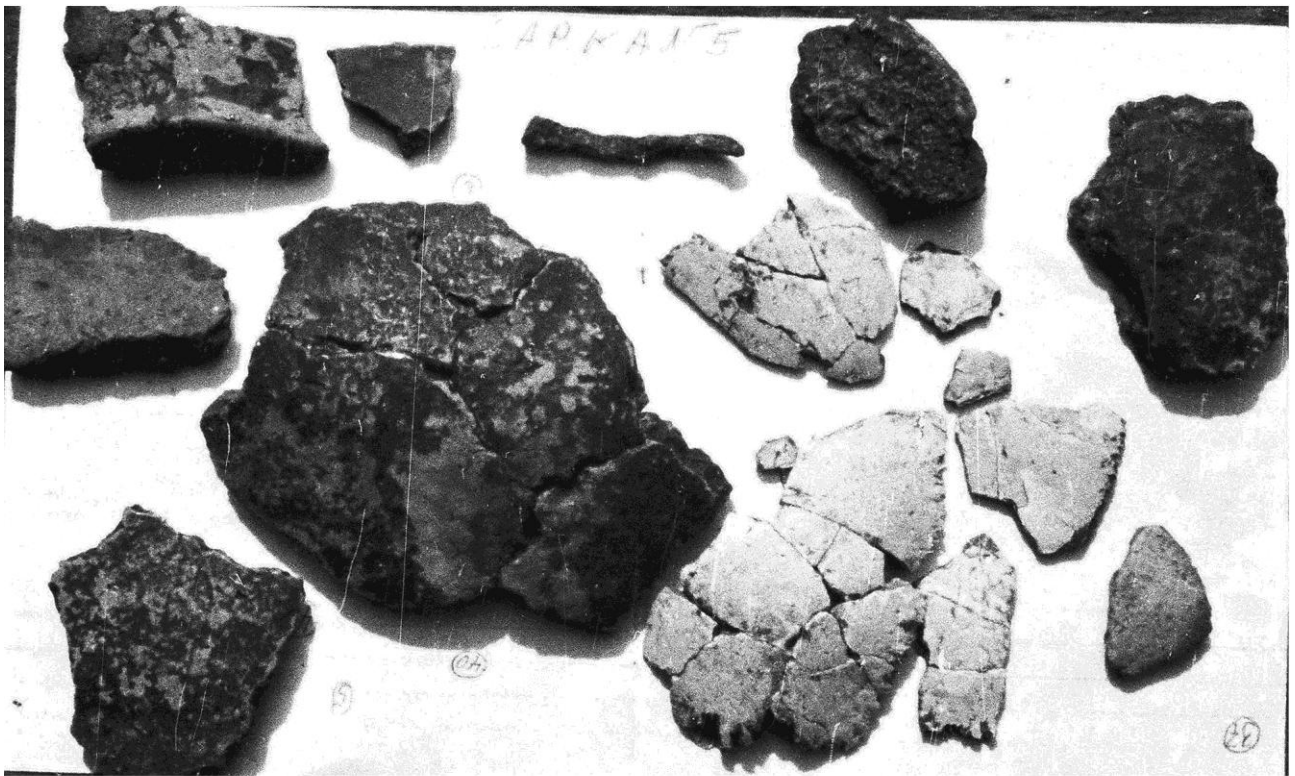

Рис. 7. Находки с поселения (?) «Сарка 5», сборы А.А. Макеева 1970-х гг.
(фото А.А. Макеева из личного архива автора).

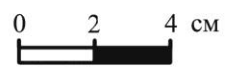
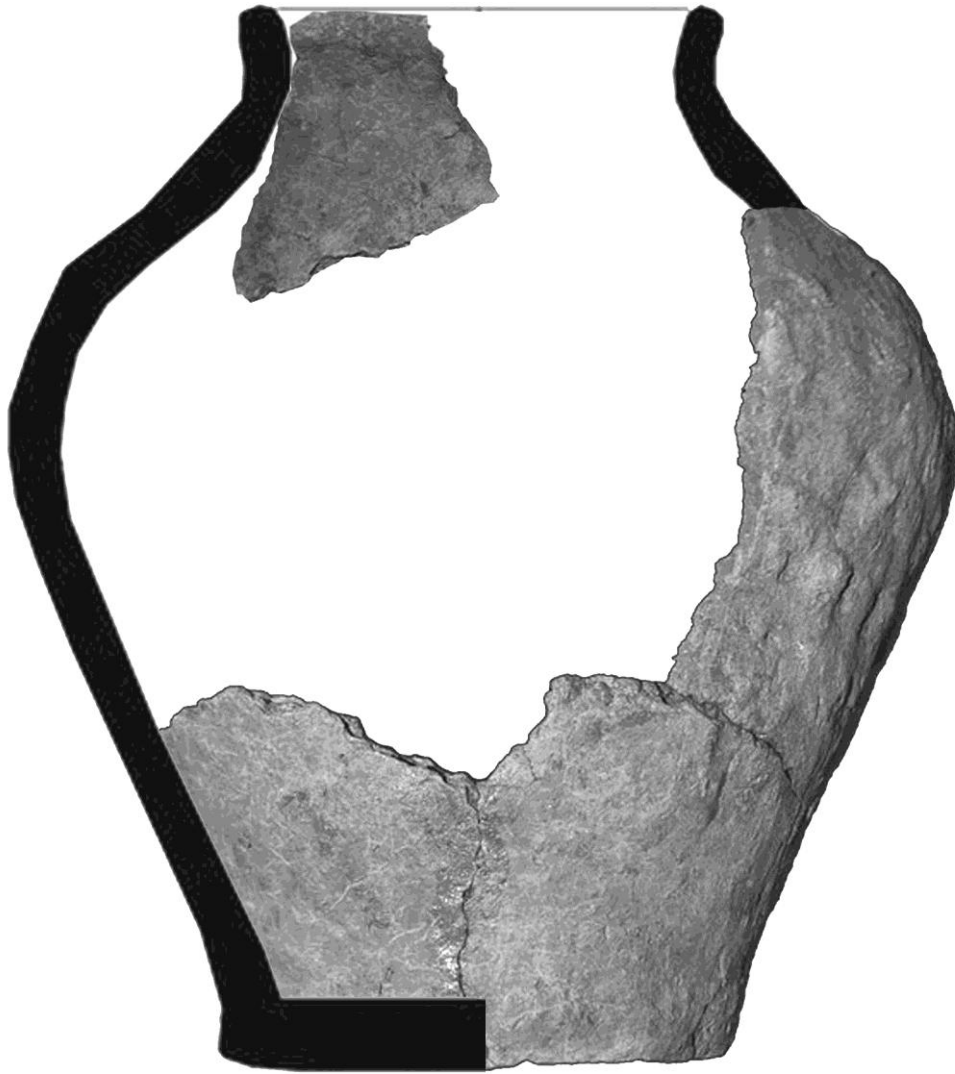

Рис. 8. Лепной сосуд из обнажения культурного слоя на поселении Сара I
(сборы А.В. Коноваленко).

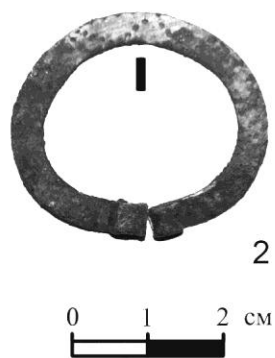
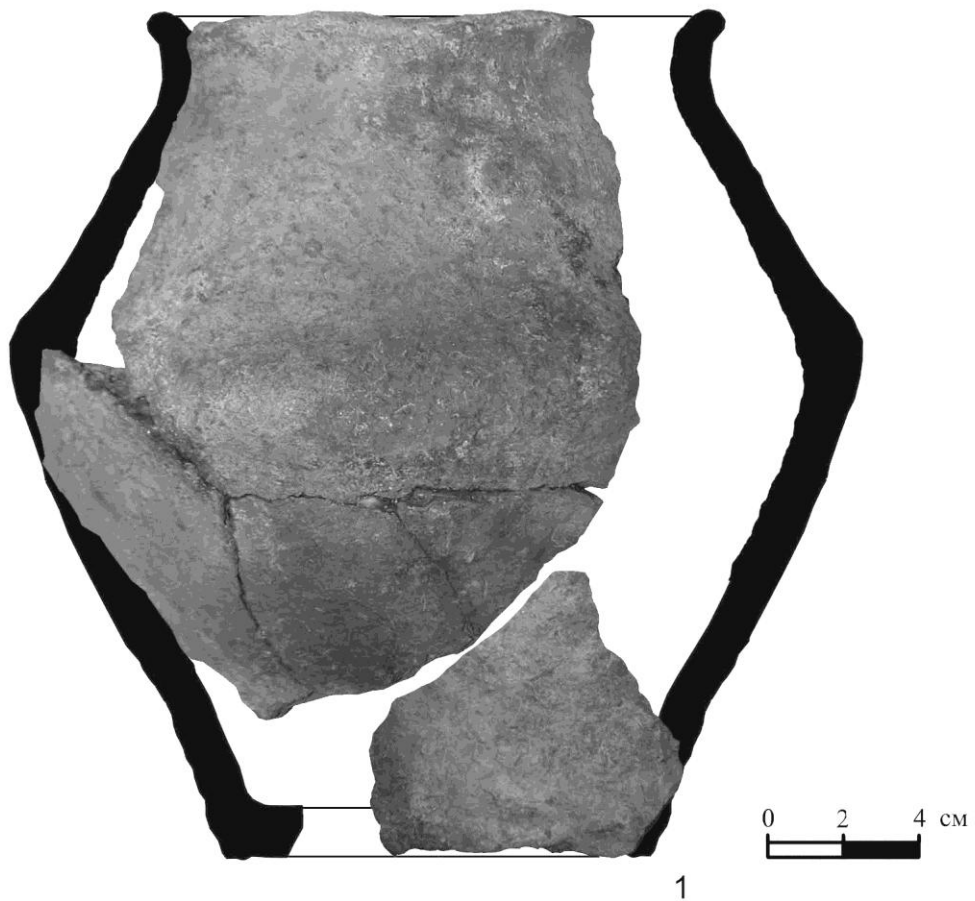

Рис. 9. Находки из шурфа Н.С. Мясникова 2011 г. на селище Сара I.

1 – фрагменты сосуда, 2 – сьюльгама.

1 – керамика, 2 – сплав цветных металлов на медной основе.

Рис. 10. Материалы раскопок П.Д. Степанова 1946-48 гг.
на Сайнинском городище Ош-Пандо.
*Находки из раскопа 1946 г. (фото П.Д. Степанова из архива НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия). 1 – пряжка лировидной формы, бронза.*

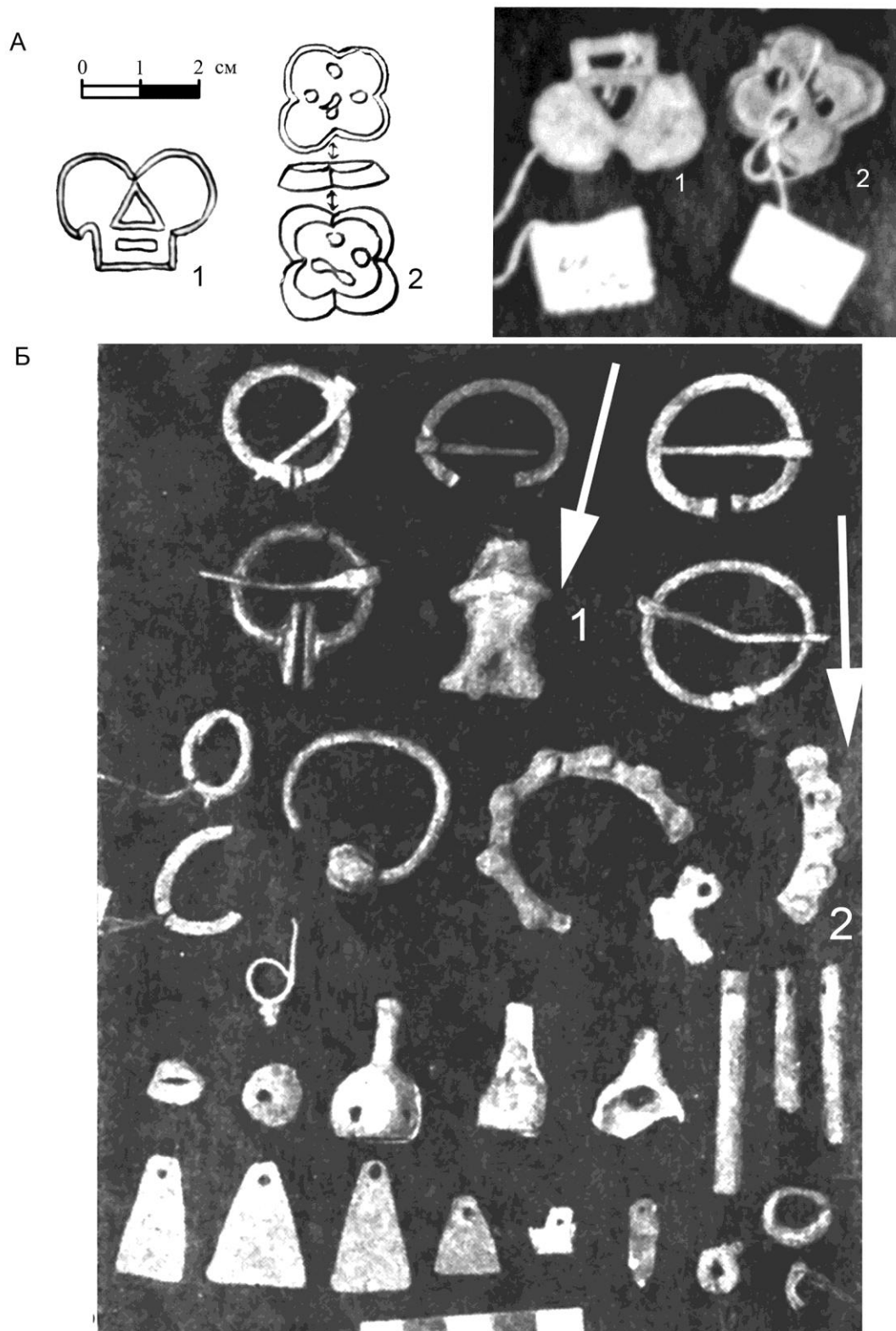

Рис.11. Материалы раскопок П.Д. Степанова 1946-48 гг.
на Сайнинском городище Ош-Пандо.

А. Некоторые находки из раскопа 1947 г. (риунок и фото П.Д. Степанова из архива НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия).

1 – разделитель ремня, 2 – поясная накладка. 1, 2 – бронза (?).

Б. Находки из раскопа 1948 г. (по: Степанов, 1967. Рис. 54). 1 – фрагмент фибулы круга эмалей, 2 – фрагмент кольцевидной подвески с частыми наплывами. 1, 2 – бронза (?).

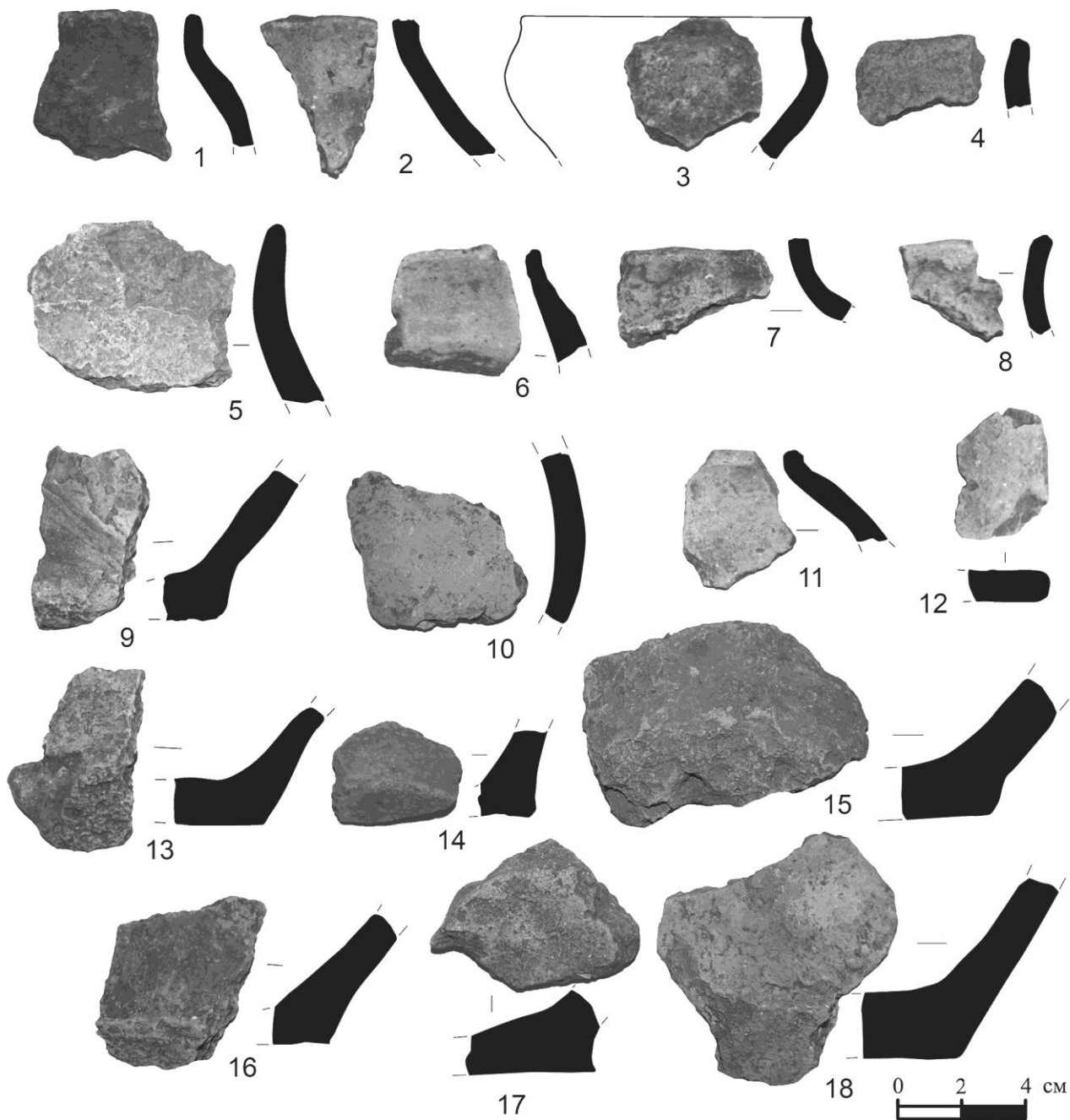

Рис. 12. Фрагменты сосудов второй четверти I тыс. н.э. с городища Ош-Пандо из коллекции Мордовского объединенного республиканского музея. Керамика.

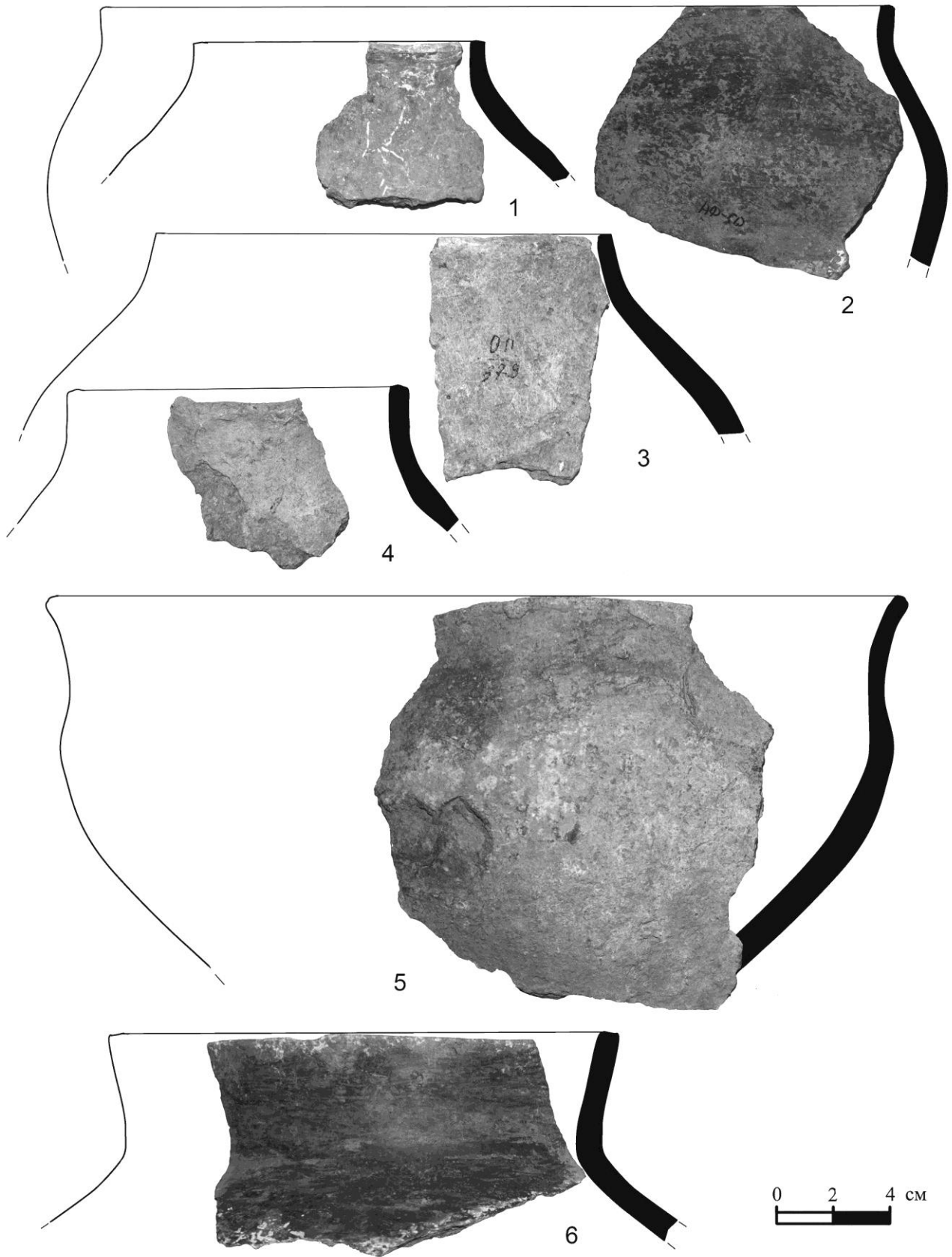

Рис. 13. Некоторые характерные фрагменты сосудов именьковской культуры с городища Ош-Пандо из коллекции Мордовского объединенного республиканского музея. Керамика.

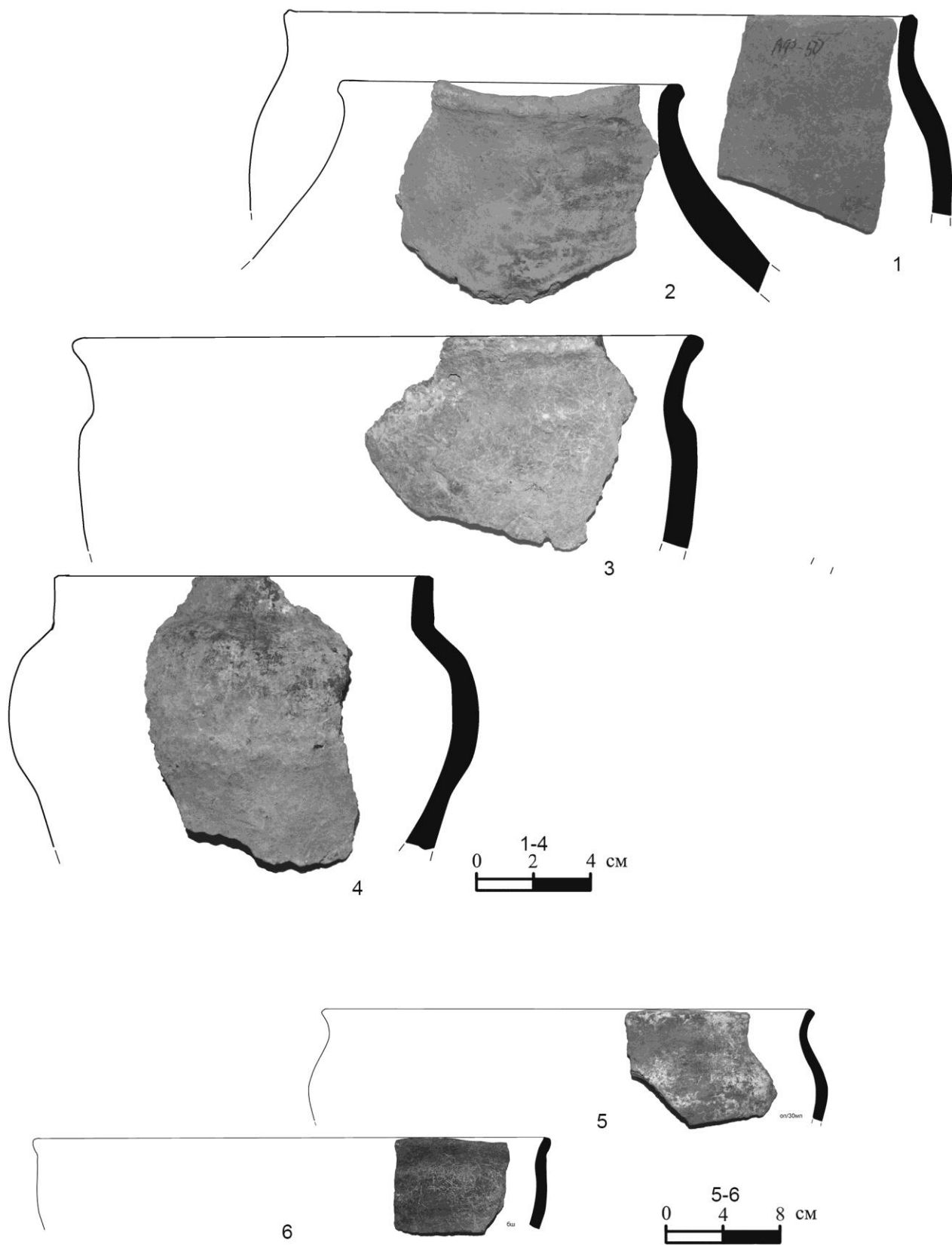

Рис. 14. Некоторые характерные фрагменты сосудов именковской культуры с городища Ош-Пандо из коллекции Мордовского объединенного республиканского музея. Керамика.

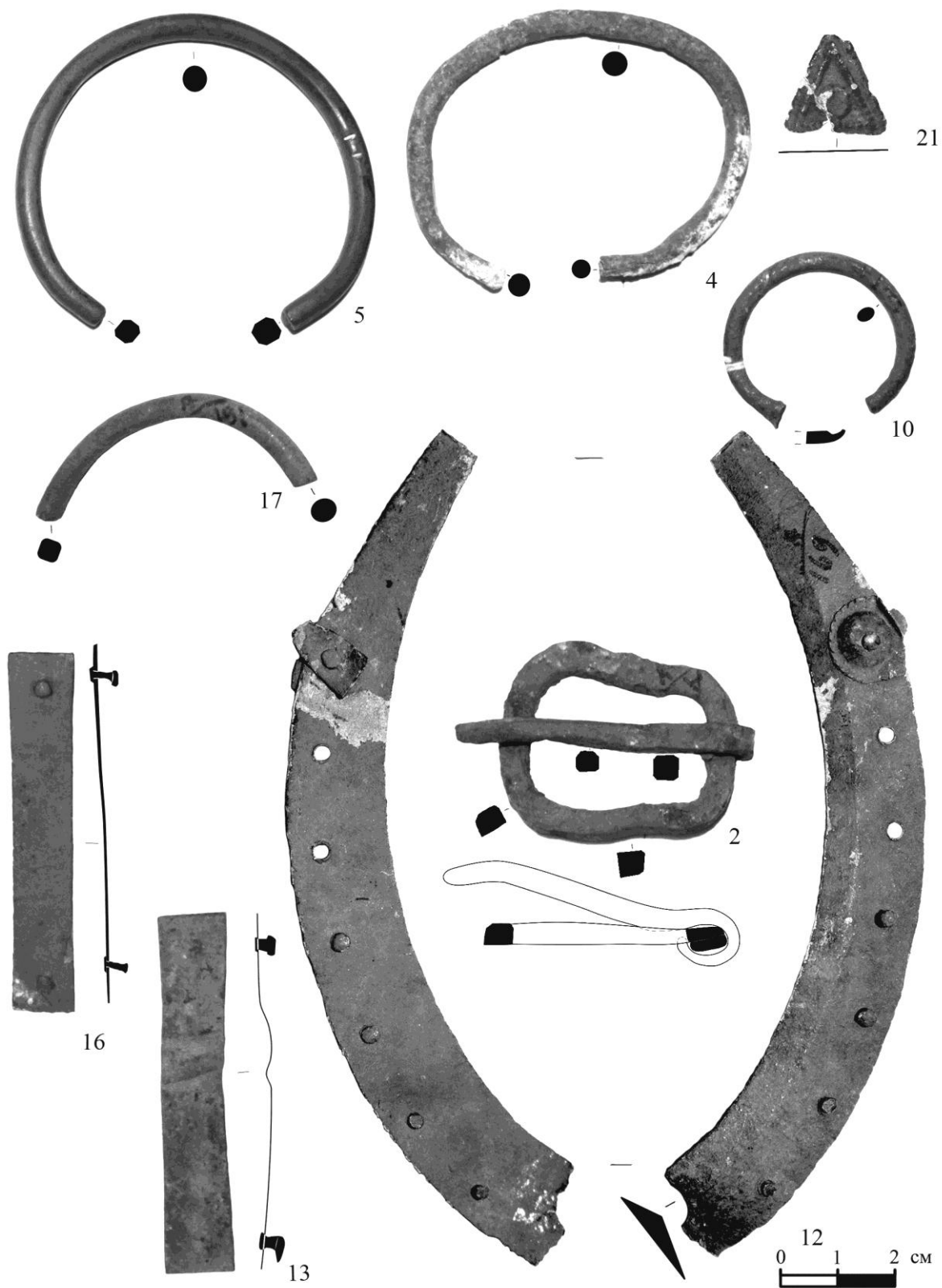

Рис. 15. Находки из раскопок П.Д. Степанова 1949 г. на городище Ашна-Панда (фонды УОКМ).

2 – пряжка, 4, 5, 17 – браслеты, 12 – фрагмент серповидной гривны с подвесками на умбовидных накладках, 10 – фрагмент сьюльгамы с концами, завернутыми в трубочки, выступающие за края рамки; 13, 16 – поясные накладки, 21 – подвеска. 2 – железо, 4 – оловянистый сплав, остальное – сплав цветных металлов на основе меди.

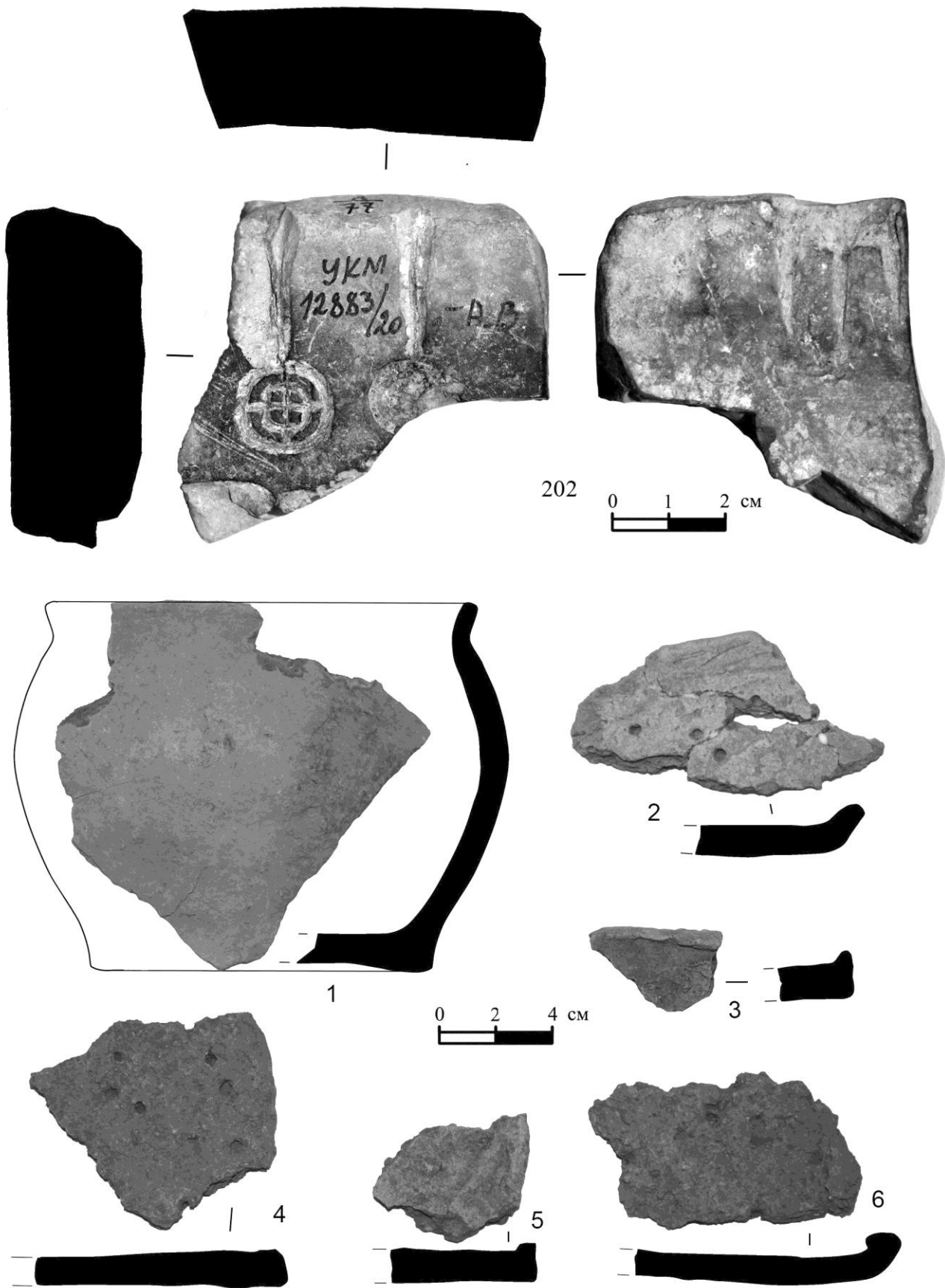

Рис. 16. Литейная форма и некоторые характерные фрагменты сосудов именковской культуры с городища Ашна-Панда (фонды УОКМ). 202 – камень, остальное – керамика.

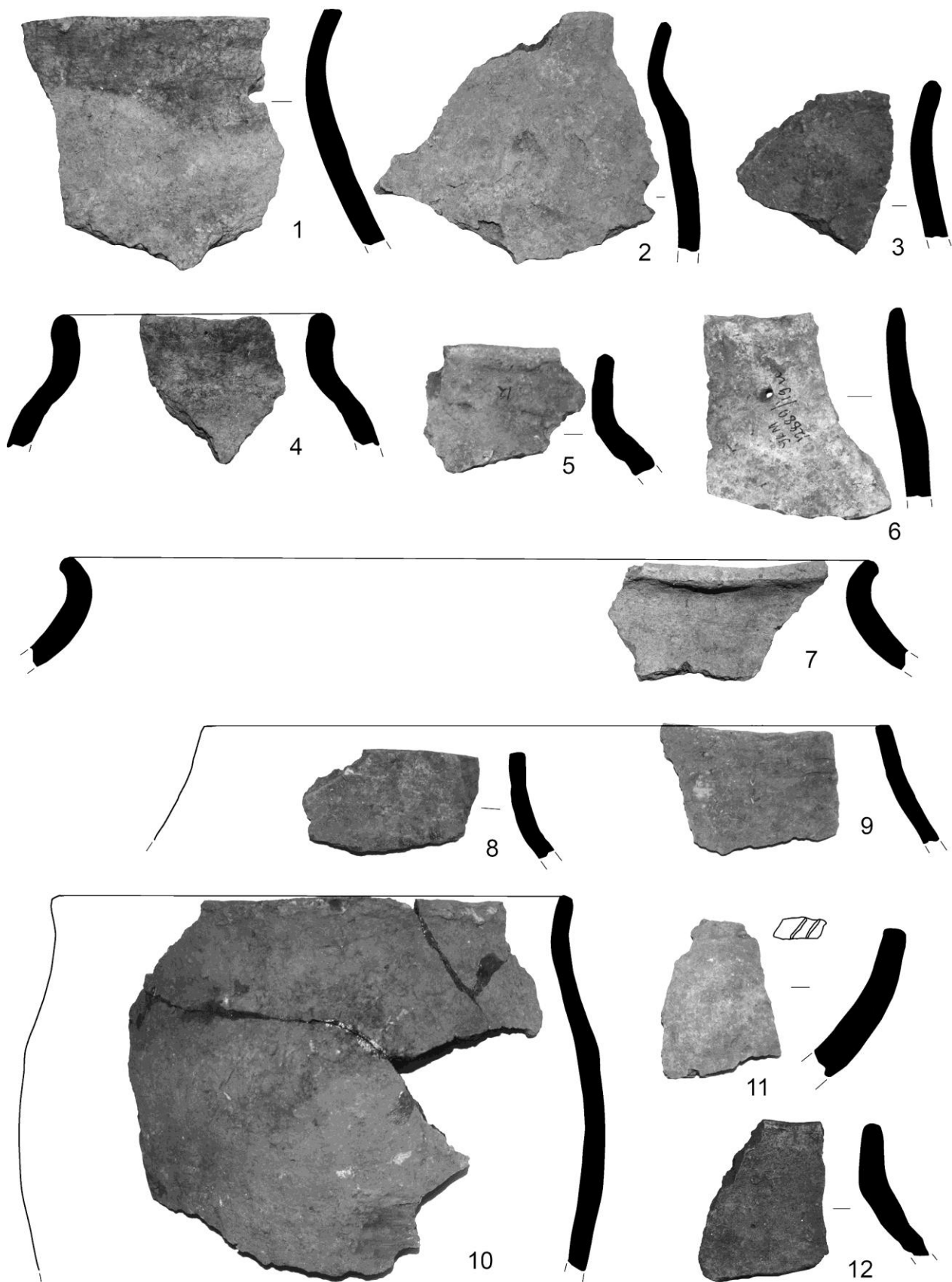

Рис. 17. Некоторые характерные фрагменты сосудов именковской культуры с городища Ашна-Панда (фонды УОКМ). Керамика.

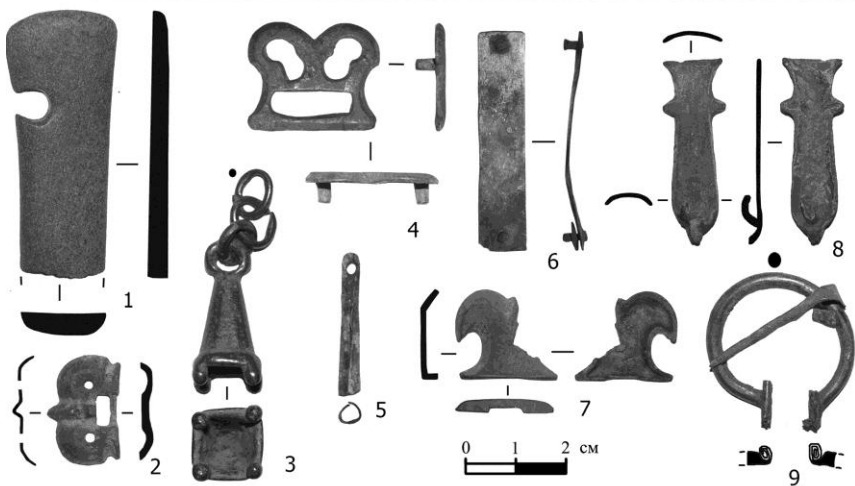
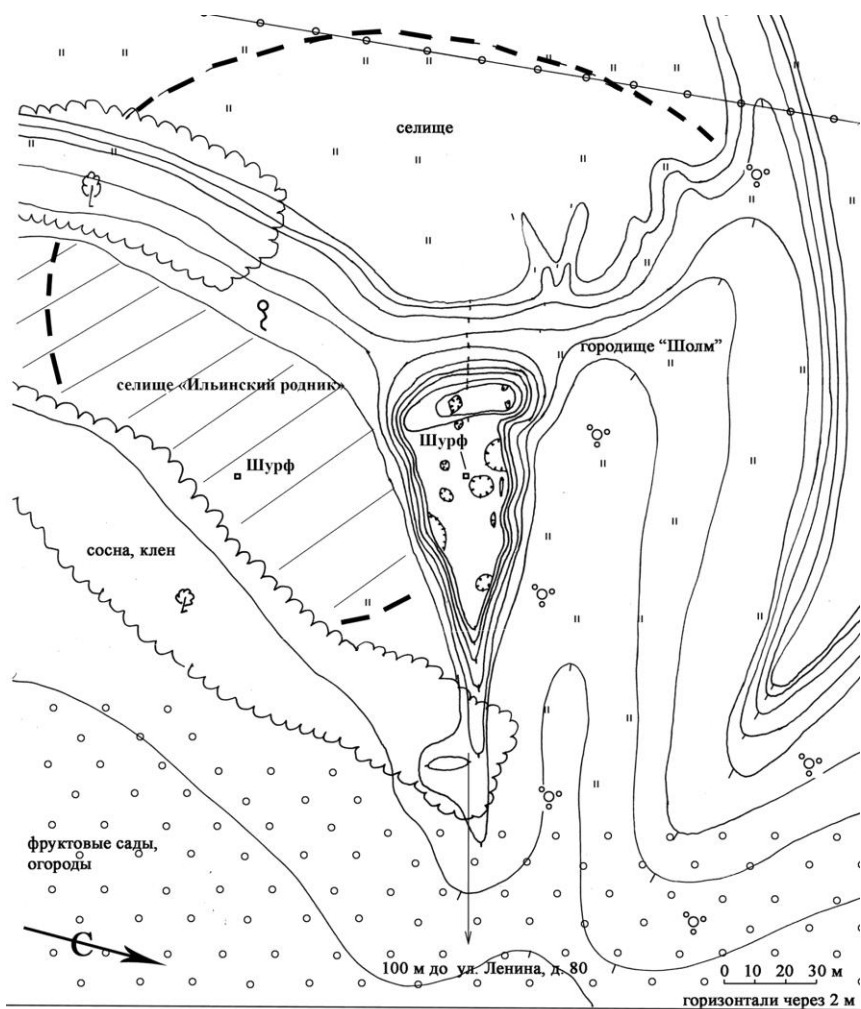

Рис. 18. Ивановско-Ленинское II городище «Шолм».

А. Топографический план Ивановско-Ленинского II городища «Шолм» и селищ «Шолм» и «Ильинский родник» (по Н.С. Мясникову, 2012).

Б. Некоторые находки из раскопок Н.С. Мясникова 2015 г. на Ивановско-Ленинском II городище «Шолм». 1- накладка на лук, 2 – псевдопряжка, 3 – трапецевидная подвеска, 4, 6, 7 – поясные накладки, 5 – привеска, 8 – наконечник ремня, 9 – сьюльгама с концами, завернутыми в трубочки, выступающие за края рамки. 1 – кость, остальное – сплав цветных металлов на основе меди.

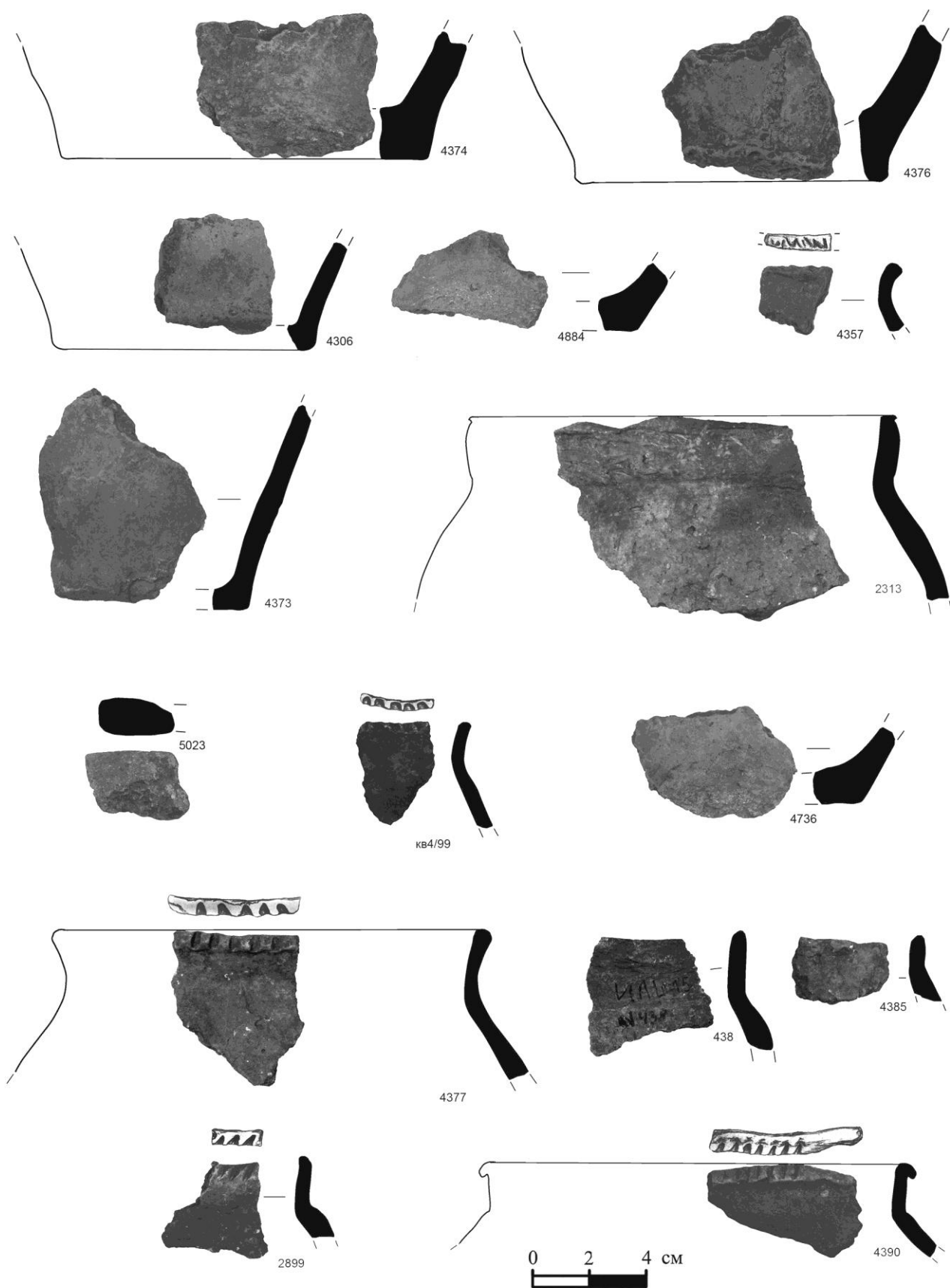

Рис. 19. Фрагменты сосудов, не характерных для именьковской культуры, из раскопок Н.С. Мясникова 2015 г. на Ивановско-Ленинском II городище «Шолм». Керамика.

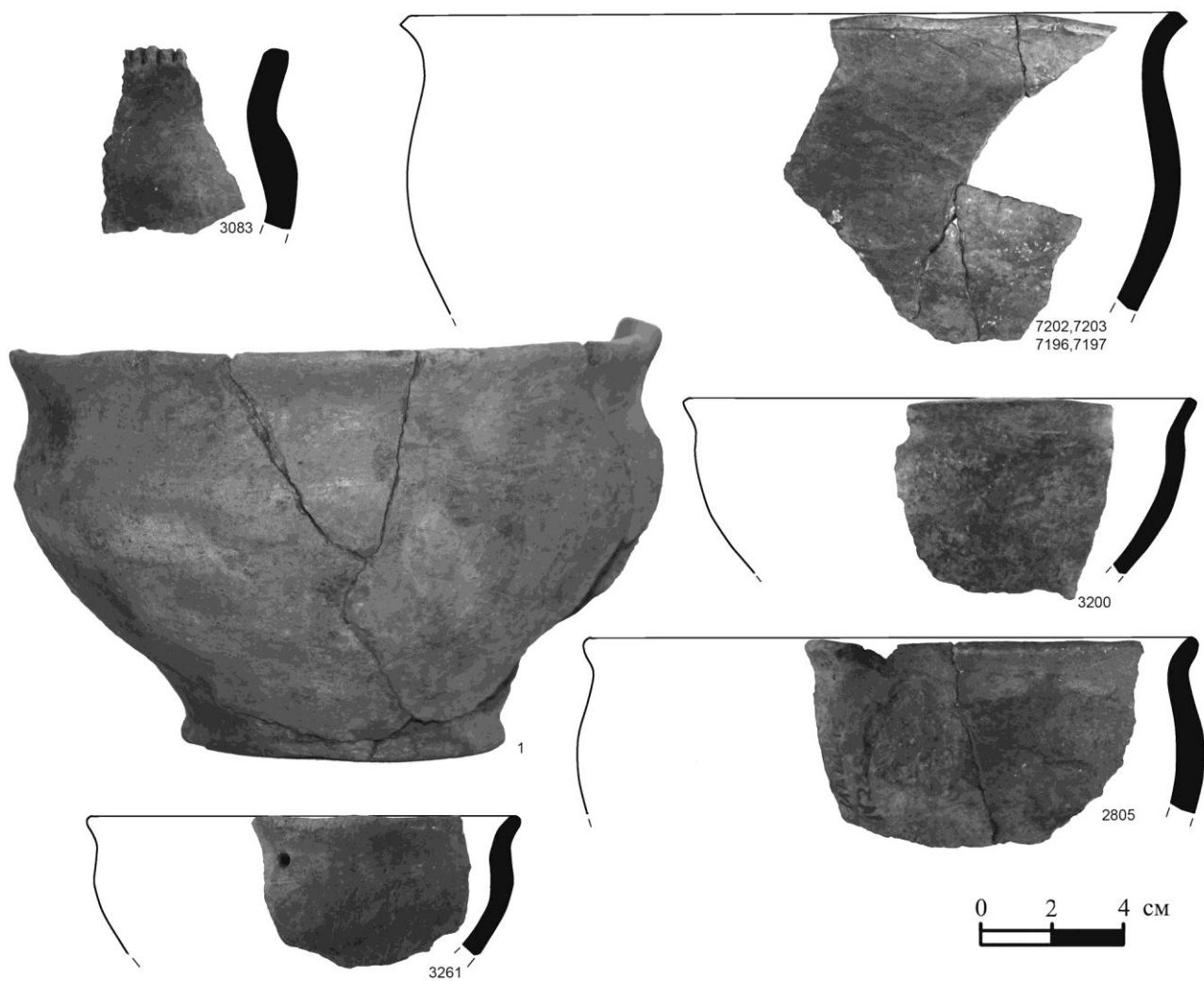

Рис. 20. Фрагменты некоторых лощеных сосудов именьковской культуры из раскопок Н.С. Мясникова 2015 г. на Ивановско-Ленинском II городище «Шолм». Керамика.

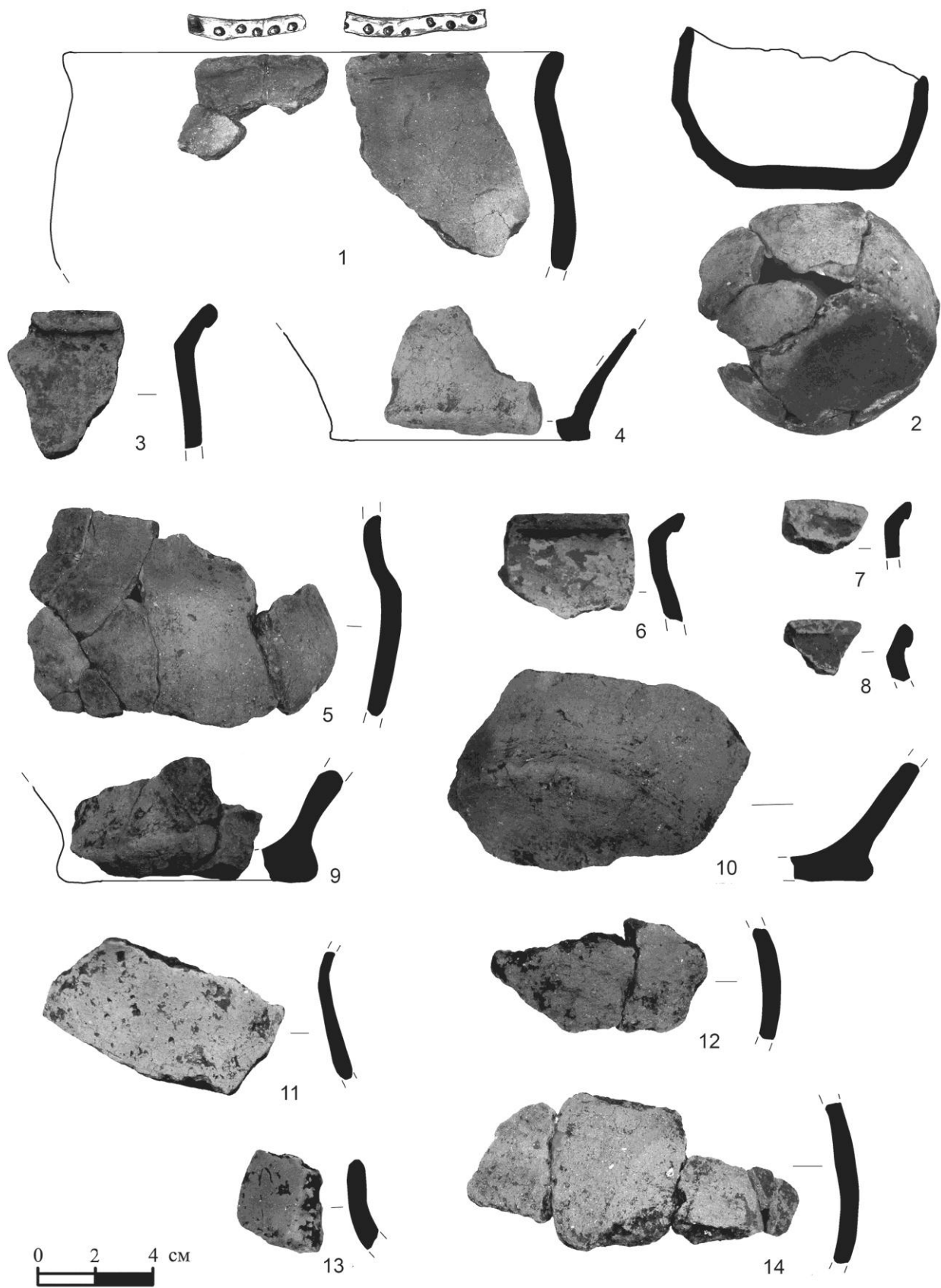

Рис. 21. Фрагменты сосудов из раскопок В.В. Гришакова 2000 г. на Явлейском I городище. Керамика.

Табл. 1. Результаты радиоуглеродного датирования фрагмента дубового угля из вала Моргинского городища «Ош-Пандо»

R_Date (1705,24)
68.2% probability
264AD (8.8%) 274AD
330AD (59.4%) 386AD
95.4% probability
255AD (24.0%) 302AD
316AD (71.4%) 398AD

Табл. 2. Некоторые характеристики оборонительных систем городищ Среднего Поволжья эпохи Великого переселения народов со сложными оборонительными сооружениями

	Протяженность оборонительных сооружений	Площадь памятника	Проезды в оборонительных линиях	Склоны	Расположение основной оборонительной линии	Конструкция основного вала по внешним признакам	Внутренняя конструкция вала	Площадка городища
Моргинское «Ош-Пандо»	530 м	1,7 га	6, в различных частях оборонительной системы, в расположении соблюдается симметрия	Эскарпированы с созданием дополнительного рва	Частично – по краю склона, частично – с отступом от края склона	Кольцевой, незначительно повышающийся с напольной стороны, с контрфорсами (?)	Крупные камни в основании, деревянные конструкции	Одна, площадку, разделена внутренним валом и рвом на две части, есть 2 проезда
Урнякское	340 м	0,8 га	1, фиктивный, в центре	Эскарпированы с созданием дополнительного рва	По краю склона	Кольцевой, кокошничкообразный, с резко выраженным возвышением в напольной части площадки	?	Одна
Березогривское	400 м	1,2 га	1, фиктивный, в центре	Эскарпированы с созданием дополнительного рва	По краю склона	Кольцевой, кокошничкообразный, с резко выраженным возвышением в напольной части площадки	?	Одна
Кармалинское	450 м	1,8 га	Внешняя площадка: 1, с правой стороны; внутренняя: 1, диагональный проезд через ров	Эскарпированы с созданием дополнительного рва	По краю склона	Кольцевой, кокошничкообразный, с резко выраженным возвышением в напольной части площадки	?	Две
Стенькин Городок	360 м	0,7 га	Внешняя площадка: 1, с правой стороны; внутренняя: 1, диагональный проезд через ров	Эскарпированы	По краю склона	Кольцевой, кокошничкообразный, с резко выраженным возвышением в напольной части площадки	Мелкие камни в основании	Две
Переволокское	250 м	2,2 га	?	?	?	Дуговидный, примерно одинаковой высоты на всем протяжении, с контрфорсами	Мелкие камни с внутренней стороны основания, прокаленная глина, дерево	Одна
Лбище	530 м	6 га	4, в различных частях оборонительной системы, в расположении соблюдается симметрия	Эскарпированы	С отступом от края склона	Дуговидный, примерно одинаковой высоты на всем протяжении, с контрфорсами	Мелкие камни с внутренней стороны основания	Одна, есть ров с внутренней стороны оборонительных сооружений, с 2 проездами

Литература

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.

Белоцерковская И.В. Женский костюм окских финнов V-VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 15. М., 2014. С.178-229.

Белоцерковская И.В. Женский костюм окских финнов V-VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 15. М., 2014. С.178-229.

Березина Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского, Чебоксарского и Цивильского районов Чувашской Республики в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26401.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Коноваленко А.В. Вклад краеведа Юрия Борисовича Новикова в изучение археологических памятников Присурья. Чебоксары, 2010. С. 31-67.

Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992.

Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег VI-VII вв. в Волго-Камье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 99-114.

Богачев А.В. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. Самара, 2010. С. 155-168.

Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В. Кармалинское городище // Раннее средневековье: эпоха Великого переселения народов. Самара, 2013. С. 119-163.

Буров Г.М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 111-130.

Буров Г.М. Археологическая карта Ульяновской области. Симферополь, 1977 // Архив Археологической лаборатории УлГПУ.

Вискалин А.В., Березина Н.С., Березин А.Ю., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В., Коноваленко А.В. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Материалы научно-практической конференции. Чебоксары, 19-20 декабря 2006 г. Кн. 2. Чебоксары, 2009. С. 54.

Вихляев В. И., Зеленева Ю. А., Зеленцова О. В. Новинковский памятник в Среднем Посурье // Фаизхановские чтения. № 5. Нижний Новгород, 2008.

Вихляев В.И. Сюльгамы из могильников селиксенского и армиевского типов // СА. 1972. № 3. С. 188-199.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск: б/и, 2008. – 352 с.

Вязов Л.А., Багаутдинов Р.С., Нерушин И.А., Семькин Ю.А. Исследования селища Новая Беденьга I в 2010 г. (новые материалы I тыс. н.э. с территории Ульяновского Поволжья) // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012. С. 54-101.

Вязов Л.А., Салугина Н.П., Семькин Ю.А., 2014. Городище и селище Новая Беденьга I // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 15. М., 2014. С.178-229.

Гавритухин И.О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI-VII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 115-133.

Гавритухин И.О. Детали ременной гарнитуры // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Глава 2.1. М., 1996. С. 22-36.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 99-159.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Ч. I. Вопросы археологии Урала. Вып. 10. Ижевск-Свердловск, 1970.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 90-136.

Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III-IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза, 2008. С. 82-137.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань, 2009.

Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 8. Уфа, 2007. С. 72-88.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17-20 ноября 1997 г. Самара, 1998. С. 97-150.

Каховский В.Ф. Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 80. Чебоксары, 1978. С. 3-18.

Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения: к 100-летию М.Е. Берс. Екатеринбург, 2006. С. 144-148.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I-V вв. н.э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014.

Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М., 1993. С. 106-122.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв. н.э.: именьковская культура. Самара, 2004.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Мясников Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2009 г. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2675. Инв. 9495.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). Раннеславянский мир. М., 2007. С. 113-141.

Полесских М.Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск, 1979. С. 5-56.

Поливанов, В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т.3. Уфа, 1968. С. 59-104.

Разуваев Ю.Д. Городецкие поселения лесостепного Подонья: некоторые итоги и перспективы исследования // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века: Материалы III Всероссийской научной конференции. Саранск, 2011. С. 45-51.

Рыков П. Культура древних финнов в районе р. Уза. Саратов, 1930.

Ставицкий В.В., Ставицкий А.В. Поздние погребения древнемордовского Абрамовского могильника // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 12-2 (44). С. 36-40.

Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА. № 111. Труды КАЭ. Т. 4. М., 1962. С. 221-272.

Степанов П.Д. Отчет о работе археологической экспедиции летом 1963 года в пределах Мордовской АССР под руководством кандидата исторических наук П.Д. Степанова. На 80 лист. Приложение альбом с 67 фотоснимков // Архив НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. № И-619.

Степанов П.Д. Отчет о работе археологической экспедиции летом 1967 года. Селище № 1. Морга (Дубенский район). Курган № 1 Старое Ардатово (Ардатовский р-н, МАССР // Архив НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. № И-697.

Степанов П.Д. Ош Пандо. Саранск, 1967.

Степанов П.Д. Памятники I тысячелетия н.э. в Восточной части Мордовской АССР // КСИИМК. Вып. XIX. М.-Л., 1948. С. 38-42.

Степанов П. Д. Селище у с. М. Кандарать Ульяновской области // АО 1970 г. М., 1971.

Степанов П.Д. Итоги раскопок древнемордовских памятников // КСИИМК. – М.-Л., 1951. Вып. 38. С. 136-139.

Третьяков П.Н. Средневековые городища ЧАССР // СГАИМК. № 5-6. Л., 1932. С. 62-66.

Трубникова Н.В. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958-1959 годах // Ученые записки НИИЯЛИЭ. Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. Саранск, 1964. Вып. 25. С. 117-162.

Хреков А.А. Этнокультурная ситуация в правобережных районах Саратовского Поволжья в первой половине I тыс.н.э.// Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 150-157.

Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н.э. – Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск, 1988. С. 4-43.

МАССОВЫЕ НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ЧЕРЕЗ ПОНЯТИЕ ТОЛПЫ

В статье анализируется проблема массового проявления общественного недовольства в Великобритании последней четверти XVIII в. На примере Лондонского бунта 1780 г. и Бристольского бунта 1793 г. рассматривается социальный состав участников и проводится их сопоставление с принятыми в исторической науке концепциями понятия «толпа».

Ключевые слова: *Великобритания, Лондонский бунт 1780 г., Бристольский бунт 1793 г., народные волнения, гражданские беспорядки, социальный протест.*

Британская история XVIII в. богата примерами проявления народного недовольства в условиях крупного города, происходившими на фоне обострения религиозных противоречий, начала промышленного переворота, неоднозначного внешнеполитического курса и противостояния ведущих политических партий и внепарламентских объединений. Исходя из того, что каждый акт гражданского неповиновения представлял собой сложное и неоднозначное явление, он требует всестороннего и тщательного изучения, в том числе через сопоставление бунта с другими кризисными ситуациями. Для удобства исследования мы выделим два знаковых проявления народного недовольства в последней четверти XVIII в.: Лондонский бунт 1780 г. и Бристольский бунт 1793 г.

Лондонский бунт 2-9 июня 1780 г. был связан с религиозно-политической борьбой Протестантской ассоциацией за отмену законодательных послаблений в отношении английских католиков. Отсутствие контроля над демонстрантами и неспособность столичной администрации обеспечить безопасность во время массовых акций привели к вооруженному мятежу, который стал наглядным примером того, насколько опасными могут быть последствия пренебрежительного отношения властей к общественным требованиям.

Бристольский мостовой бунт 1793 г. был одним из крупнейших актов гражданского неповиновения, сравнимый лишь с Лондонским антикатолическим бунтом 1780 г. Профессор Д. Рюде в своем исследовании справедливо отмечал их сходство по масштабам народного недовольства, по количеству убитых и раненых, а также по ряду причин, вызвавшим социальный взрыв (Rude, 1964).

Оба трагических события британской истории до сих пор привлекают внимание ученых, поскольку имеют массу неоднозначных трактовок и спорных моментов. В данной статье мы постараемся выделить главные характеристики

участников народных волнений, объединенных собирательным названием толпы. Для удобства анализа мы будем рассматривать преимущественно события Бристольского мостового бунта 1793 г. и сопоставлять их с главными моментами Лондонского антикатолического бунта 1780 г.

Оба бунта произошли в крупнейших городах Англии с достаточно сильно расслоенной социальной структурой. Если высшие и средние слои населения предпочитали решать возникающие социально-экономические или социально-политические противоречия посредством петиционных кампаний, то для низших слоев городского населения бунт являлся естественным средством выражения накопившегося общественного недовольства. В отсутствии внимания к некоторым социальным проблемам со стороны мера и муниципальных корпораций, городские низы находили собственные способы реакции на некомпетентность или злоупотребления властей. В то же время, данная реакция была по сути неконтролируемой, и быстро приобретала угрожающие масштабы, выходявшие за рамки понятий о восстановлении социальной справедливости.

Некоторые историки в подобных проявлениях народного недовольства склонны видеть зачатки классовой борьбы между угнетаемыми категориями населения с одной стороны, и производителями, землевладельцами и, в конечном счете, городскими и приходскими властями в целом, с другой стороны. Эта точка зрения подкреплена весомыми аргументами, поскольку на всем протяжении XVIII в. Великобританию потрясали голодные бунты, восстания шахтеров, ткачей и мелких производителей, а также масса городских погромов различной направленности (Thompson, 1971, Hay, 1975, Foster, 1974, Reddy, 1977).

На фоне исторических исследований актов гражданского неповиновения стоит отметить, что большинство ученых не уделяют достаточного внимания двум характеристикам бунтов, которые, наш взгляд, имеют важное значение.

Во-первых, это локальность бунта, которая как в 1780 г. так и в 1793 г. имела масштаб крупного города и его округа. В случае признания Лондонского бунта локальным, будет отчасти справедливое возражение, согласно которому после крупнейшего антикатолического вооруженного мятежа 2-9 июня 1780 г., бунты вспыхнули в Эдинбурге, Глазго, Бристоле, Бате и некоторых менее крупных городах. Однако, если взглянуть на картину событий 1780-1781 гг. в целом, можно заключить, что это была именно серия локальных антикатолических мятежей. Хотя каждый из них мог принять весьма угрожающие масштабы, антикатолические бунты никогда не носили всеохватывающего характера и не были угрозой для благополучия населения всей страны.

Во-вторых, это отсутствие лидера, руководившего действиями бунтовщиков и способного своим авторитетом и влиянием увеличивать

масштаб народных волнений. В случае присвоения подобной характеристики Лондонскому бунту 1780 г., можно услышать также отчасти справедливое возражение, поскольку в научной литературе бунту было официально присвоено имя лидера антикатолического движения лорда Джорджа Гордона, собравшего огромные народные массы на полях Сент-Джордж в день начала беспорядков 2 июня. Но, если исследовать события бунта более детально, то достаточное количество фактов укажет на непричастность лорда Д. Гордона к событиям мятежа. Действительно, он руководил Протестантской ассоциацией и возглавлял антикатолическую петиционную кампанию, но никогда не был напрямую причастен к беспорядкам, что подтвердил суд, 5 февраля 1781 г. официально признавший его невиновным.

Исходя из данных характеристик бунтов, справедливо встает вопрос о ключевом элементе, посредством которого можно проанализировать оба бунта. Применительно к Великобритании последней четверти XVIII в. в качестве подобного элемента подходит социальная группа, именуемая большинством исследователей собирательным названием толпа.

Применительно ко всему британскому обществу второй половины XVIII в. английский писатель и драматург Г. Филдинг, подчеркивая силу и разрушительный потенциал толпы, называл ее «четвертой властью в обществе» (Fielding, 1766).

Среди современных исследователей распространено несколько подходов к определению понятия «толпа». Профессор Д. Рюде – один из наиболее авторитетных исследователей социальной структуры Великобритании XVIII в, предложил выделить в рамках «толпы» три категории людей: преступников, людей, недалеко ушедших от животного состояния и представителей низших категорий городского населения в целом (Rude, 1978). Позднее, усилиями других историков, предложенный им подход дополнился тремя уточнениями. Первое разделяло преступников на тех, кто находился вне закона, и на тех, кто отбыл наказание, но все еще не адаптировался в обществе после заключения. Второе уточнение вывело из первых трех групп широкую прослойку безработных, наиболее остро ощущавшую социальные различия, существовавшие в британском обществе во второй половине XVIII в. Третье уточнение добавило отдельные подгруппы в выделенных профессором Д. Рюде низших категория городского населения и образовало, так называемую, «социальную лестницу городских низов». На вершине этой лестницы оказались ремесленники и мелкие торговцы, по своему положению граничащие со «средним классом», а также квалифицированные подмастерья и ученики. За ними шли неквалифицированные и поденные рабочие, грузчики и портовая обслуга, шахтеры и угольщики. На самую низшую ступень были помещены бродяги и нищие, безработные, неимущие, престарелые и иммигранты.

Таким образом, толпа как собирательное понятие включала в себя значительное количество сильно отличавшихся друг от друга социальных групп, объединявших только в одном Лондоне более чем 200 000 человек. В качестве характеристик, общих для этих групп применительно ко второй половине XVIII в. можно выделить их скудную политическую осведомленность и исключительную восприимчивость к самой идее социального протеста.

Рассматривая социальную составляющую Лондонского бунта 1780 г. стоит сразу обратить внимание на то, что вследствие реформирования религиозного законодательства в 1778 г. в Англии образовались оппозиционные движения за отмену закона в пользу католиков, самое крупное из которых возглавила Протестантская ассоциация. Петиционная кампания, которую она начала в 1780 г., объединила значительное количество англичан, однако в момент подачи петиции 2 июня 1780 г., ситуация быстро вышла из-под контроля и начались массовые беспорядки.

Формирование толпы на улицах Лондона 1780 г. рассматривается большинством исследователей в качестве типичного примера народного протеста в Англии XVIII в. По мнению таких ученых как Р. Дж. Холтон, М. Харрисон, Дж. Эрчер и Н. Роджерс, лондонская толпа представляла собой иррациональную группу, хотя в заключительной стадии беспорядков толпа стала вымещать собственный гнев на всеми ненавистных объектах, таких как высокий мост Блэкфрайрс, где располагались платные пропускные посты (Holton, 1978; Harrison, 1988; Archer, 2000; Rogers, 1988).

У. Корниш по этому поводу отмечал, что народные волнения можно было назвать устойчивой чертой социально-экономического развития Англии конца XVIII – начала XIX вв. (Cornish, 1978).

В целом, социальный состав толпы Лондонского бунта 1780 г. укладывается в классификацию, предложенную профессором Д. Рюде. Однако, среди участников бунта были не только представители городского населения. В период 2-9 июня 1780 г. в Лондон активно прибывали жители пригородов и соседних графств, а после подавления бунта наблюдался небывалый отток населения из Лондона. Поэтому жители провинции также должны учитываться в общей статистике толпы Лондонского бунта.

В составе участников Бристольского бунта 1793 г. важными предстают как различия между людьми, так и их сходства. Традиционно, понятие бунта связывалось британцами с беззаконием и негативной реакцией городских низов на конкретные события, предшествовавшие мятежу.

Самым известным бунтом в Бристоле до 1793 г. был вооруженный мятеж 1714 г., когда политические противоречия между двумя ведущими парламентскими партиями спровоцировали конфликт, совпавший со временем коронации Георга I. В беспорядках 1714 г., спровоцированных сторонниками

тори, участвовали простые жители Бристоля, разделившиеся по своим политическим пристрастиям. Это был один из немногих случаев, когда участники беспорядков не попадали под определение толпы и простые бристольтцы выступили друг против друга (Pryce, 1861).

Несмотря на то, что ущерб от беспорядков ограничился в основном порчей имущества, этот случай можно считать примечательным, поскольку во время беспорядков последующих лет, вплоть до 1793 г. участники бунтов укладывались в систему категорий толпы, разработанную профессором Д. Рюде.

Возвращаясь к примеру бунта 1714 г. стоит отметить, что во время судебных разбирательств власти достаточно мягко обошлись со всеми арестованными участниками беспорядков, заменив смертные приговоры небольшим тюремным сроком или штрафом. Историк Ф. Джонс справедливо заметил, что современники событий ожидали более радикальных мер по отношению к бунтовщикам. В то же время, отсутствие смертных приговоров не в последнюю очередь объяснялось нежеланием судей признавать, что законопослушные жители Бристоля решили проявить насилие по отношению к таким же гражданам как и они сами (Reddy, 1977).

Недалеко от Бристоля располагалось поселение Кингсвуд, жители которого участвовали в беспорядках в бристольских пригородах на всем протяжении XVIII в., начиная с бунта 1709 г. Бунты угольщиков и шахтеров, протестовавших против введения таможенных постов на пути в Бристоль, происходили в 1727 г., 1748 г., 1749 г., 1751 г., вплоть до того момента, когда в 1753 г., встал вопрос о замене бристольского моста (Albert, 1972; Braine, 1969).

Будучи вторым по величине городом Англии, Бристоль был крупным торговым центром, куда свозилось значительное количество товаров из других графств. К 1758 г. власти Бристоля провели официальную экспертизу, согласно которой старый мост был признан аварийным и было принято решение о его замене на более широкий, отвечающий требованиям проходившего через него грузового и пассажирского потока. Главным препятствием к началу реконструкции моста был вопрос о том, из каких средств будут оплачены строительные работы. В качестве возможных вариантов обсуждалось введение нового прямого налога или таможенного сбора, но печальный опыт с расположением таможенных пунктов в бристольских пригородах вынудил мэра и городской совет на время отказаться от этой идеи. В 1760 г. в парламент поступило прошение об официальном утверждении строительных работ с указанием источников финансирования и введением нового налога. Однако из-за оппозиционных настроений в городе проект был отложен на неопределенное время.

При посредничестве парламента была специально создана комиссия, главной задачей которой было определение источников финансирования,

приемлемого для горожан и скорейшее начало работ по постройке нового моста. В конечном счете, было принято решение, что деньги на строительство моста будут взяты в кредит, покрывать который муниципальные власти будут из доходов с пропускных пунктов, установленных на новом мосту. Тем не менее, с началом строительных работ были введены новые муниципальные сборы, основная тяжесть которых легла на владельцев торговых предприятий и портовых сооружений, что незамедлительно нашло отражение в петиционных кампаниях с требованием отменить или справедливо перераспределить сбор дополнительных денежных средств.

В 1761 г. был введен в эксплуатацию временный мост, который должен был функционировать во время строительства нового моста, однако граждане, рассерженные введением новых сборов, постоянно перекрывали движение и мешали работе пропускных пунктов. Ситуация оставалась довольно напряженной вплоть до 1768 г., когда был введен в эксплуатацию новый мост, построенный на старом фундаменте и стоивший городу 49.000£. После официального открытия движения был утвержден акт, введивший фиксированный единовременный сбор при проезде через мост. Согласно новому акту, денежные средства должны были собираться в течение двадцати одного года, после чего кредит на постройку моста будет считаться выплаченным и пропускные пункты будут демонтированы.

К 1787 г. городские власти выступили с официальным заявлением о том, что кредит, взятый на постройку моста все еще не выплачен и обратились к гражданам с предложением внести оставшуюся часть средств в обмен на аренду пропускных пунктов и получение с них дохода в течение одного года. В следующем году, несмотря на то, что кредит был уже выплачен, состоялся аукцион, на котором было разыграно право аренды пропускных пунктов, и подобные аукционы продолжались вплоть до 1793 г., когда произошли массовые столкновения жителей Бристоля и военных, после чего плата за движение по мосту была отменена (Jones, 1980).

Анализируя состав участников Бристольского мостового бунта 1793 г., ученые столкнулись с проблемой, поскольку по своему имущественному и социальному положению бунтовщики в основной массе не подходили под традиционное понимание толпы и классификацию профессора Д. Рюде. Среди мятежников оказались видные торговцы и производители, трактирщики и держатели постоянных дворов, а также некоторые юристы и представители духовенства. В результате расследования, последовавшего после подавления бунта, власти Бристоля и специально созданная парламентская комиссия пришли к выводу о том, что большинство людей, участвовавших в бунте, были доведены до отчаяния систематическим злоупотреблением городских чиновников. Несмотря на то, что многие бунтовщики были осуждены по всей

строгости закона, также начались судебные процессы в отношении чиновников и солдат, стрелявших по безоружной толпе.

Главным итогом Бристольского бунта, признанным властями очень неохотно, стало то обстоятельство, что как и в случае с волнениями 1714 г., в погромах участвовали простые бристольтцы совершенно разного материального положения. По мнению Ф. Д. Джонса, в данной ситуации власти стремились как можно быстрее предать забвению Бристольский бунт (Jones, 1980). По нашему мнению, на это имелось несколько важных причин. Во-первых, после крупномасштабных потрясений Лондонского бунта 1780 г. в британской общественности сложилось вполне определенное понимание бунтующей толпы, практически неотделимое от беднейших категорий городских низов. Власти, в данной ситуации, не были заинтересованы в том, чтобы этот явно негативный образ дополнился вполне благополучными категориями населения. Во-вторых, на фоне роста революционных настроений во Франции, власти Великобритании были заинтересованы в смягчении существовавшего народного недовольства внутри страны и отсутствии новых поводов для бунтов.

По нашему мнению, на основе проведенного анализа можно сделать еще один вывод, который, не смотря на свою очевидность, все же не был воспринят всерьез ни муниципальными властями Лондона и Бристоля, ни центральным правительством. Речь идет прежде всего о систематическом пренебрежении народными требованиями и злоупотреблением властью. Исходя из приведенных примеров, можно заключить, что и в случае антикатолической петиционной кампании, и в случае борьбы за отмену грабительских пропускных сборов в Бристоле и его пригородах, власти долгое время не обращали должного внимания на ситуацию, которая и в том, и в другом случае закончилась проявлением насилия со стороны простых англичан, которые далеко не всегда попадали под традиционное негативное понимание образа толпы.

Литература

- Albert W. The Turnpike Road System in England 1663-1840. Cambridge, 1972.
- Archer J. E. Social Unrest and Popular Protest in England: 1780-1840. Cambridge, 2000.
- Braine A. The History of Kingswood Forest. Bath, 1969.
- Cornish W. R. Crime and Law in Nineteenth Century Britain. Dublin, 1978.
- Foster J. Class Struggle and the Industrial Revolution: Early Industrial Capitalism in Three English Towns. L., 1974.
- Harrison M. Crowds in History: Mass Phenomena in English Towns: 1790-1835. Cambridge, 1988.

Hay D. *Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth Century England*. L., 1975.

Holton R. J. *The Crowd in History: Some Problems of Theory and Method* // *Social History*. 1978. № 3. P. 219-233.

Jones P. D. *The Bristol Bridge Riot and Its Antecedents: Eighteenth-Century Perception of the Crowd* // *The Journal of British Studies*, Vol. 19, No. 2. 1980. P. 74-92.

Pryce G. *A Popular History of Bristol, Antiquarian, Topographical, and Descriptive*. Bristol, 1861.

Reddy W. M. *The Textile Trade and the Language of the Crowd at Rouen* // *Past and Present*. No. 74 (1). 1977. P. 62-89.

Rogers N. *The Gordon Riots Revisited* // *Canadian Historical Association Historical Papers*. 1988. Volume 23. Issue 1. P. 16-34.

Rude G. F. E. *The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730-1848*. L., 1964.

Rude G. F. E. *The Gordon Riots: a Study of the Rioters and Their Victims* // Rude G. F. E. *Paris and London in the Eighteenth Century*. L., 1978.

Fielding H. *The Works of Henry Fielding, with the Life of the Author*. L., 1766. Vol. 12.

Thompson E. P. *The Moral Economy of the English Crowd in the eighteenth century* // *Past and Present*. No. 50 (1). 1971. P. 76-136.

ПРОБЛЕМА СТРОЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

В статье формулируется проблема строения содержания языковых знаков, начиная с античных учений о форме и содержании и донемецкой классической философии. Античные риторы противопоставляли содержание знака его форме; в XIX столетии Г. Гегель ввел в научный обиход противопоставление внешней и внутренней форм содержания. Ф. де Соссюр вместо прежней дихотомии «содержание – форма» предложил дихотомию «означаемое – означающее», а Л. Ельмслев ввел термины план содержания – план выражения знака.

Ключевые слова: форма, содержание, означаемое, означающее, языковой знак.

В рамках лингвосемиотики рассматривается знаковый характер естественного языка как одно из его важнейших свойств; не случайно к понятию знака издавна обращались представители разных научных направлений в целях более глубокого проникновения в сущность языка.

Когнитивная лингвистика выработала ряд методов (в том числе формализованных) обнаружения и описания структуры значений языковых единиц с точки зрения представления в них знаний о мире.

Проблема взаимоотношения *содержания* и *формы* формулировалась уже в античной философии. Из понятия знака имплицитно исходили в своих спорах о соотношении вещей и их наименований еще античные риторы, которые противопоставляли содержание знака его форме, приводя в качестве иллюстрации ставшую впоследствии широко известной метафору: содержание подобно жидкости, а форма – сосуду; при переливании жидкость принимает те формы, какие придают ей разные сосуды, но сохраняет неизменными свои остальные свойства. Иными словами, одно и то же содержание может выражаться в разных формах; при этом форма является чем-то внешним по отношению к содержанию, само же содержание фактически трактуется как аморфное (Античные, 1976; Аристотель, 2000). Так, Платон рассматривал форму как «прообраз», идеал вещи, существующий независимо от ее материального бытия (Античные, 1976). Решая проблему отношения мира форм (идей) к миру материальных вещей, Платон исходил из того, что вещи возникают из взаимодействия формы и «материи», причем форме принадлежит определяющая, активная роль. (Большая, 1969-1978. С. 46). Аристотель понимал материю (содержание) как предпосылку, возможность вещи быть, а форму — как внутреннюю цель вещи, обуславливающую их единство (Аристотель, 2000).

Содержание у него связывается с материей, субстратом всех возможных вещей и их изменений, но ни сами вещи, ни их изменения не могут существовать вне формы. Форма, по Аристотелю, не только способствует становлению вещи, но вместе с содержанием характеризует ее специфику (Аристотель, 2000).

Впоследствии к вопросу о знаках обращались стоики, которые рассматривали знак как сущность, образуемую отношением формы и содержания, первое из которых определялось как «воспринимаемое», а второе – как «понимаемое» (Якобсон, 1985. С. 102).

В рамках традиционной «донемецкой» классической философии продолжалась Аристотелева традиция соотношения содержания и формы, задавались различные варианты интерпретации этого соотношения, разрабатывавшиеся в рамках разных направлений философии и лингвистики, и лишь в XIX столетии Г. Гегель ввел в научный обиход противопоставление *внешней* и *внутренней форм содержания* (Гегель, 1930). Он обнаружил удвоение формы, так как форма, рефлексированная в самое себя, «есть содержание, а в своей развитой определенности она есть закон явлений. В форму же, поскольку она не рефлексирована в самое себя, входит отрицательный момент явления, несамостоятельное и изменчивое, – она есть равнодушная внешняя форма» (Гегель, 1930. С. 298). Форма, рефлексированная в самое себя, есть внутренняя – содержательная – форма, так как она выражает способ бытия предмета, принцип его организации, необходимую связь элементов бытия между собой. Для внутренней формы такая связь может быть только диалектической, т.е. основываться на тождестве противоположностей, являющихся неотъемлемыми моментами содержания. Таким образом, под внешней формой содержания Г. Гегель понимал форму его материального воплощения, а под внутренней — организацию самого содержания. В результате такого понимания возникло представление о том, что содержание не аморфно, оно имеет собственное строение, отличное от строения его материального субстрата. Эти две формы иногда совпадают, но нередко имеет место анизоморфизм содержания и его внешнего носителя. Во взаимосвязи содержания и формы именно содержание представляет определяющую сторону объекта, а форма – ту его сторону, которая изменяется и модифицируется в зависимости от изменения содержания и конкретных условий его существования. Как отметила В.В. Агудова, «по Гегелю, внутренняя форма и есть ... ядро, суть содержания» (Агудова, 1977. С. 66).

В лингвофилософских концепциях XIX века – учениях В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1985) и А.А. Потребни (Потребня, 1999; Потребня, 1976) – возникло понятие *внутренней формы значения* как свойства, через которое осмысливается предмет, как способа обозначения отдельных предметов внутреннего и внешнего мира, как способа образования понятий (Гумбольдт, 1985. С. 104 – 105), как внутреннего признака лично-объективного внеязычного

мыслительного содержания (Потребня, 1999, С. 17–19). Вследствие символической природы словесных знаков «язык одновременно есть и отражение и знак» (Гумбольдт, 1985, С. 320) не только в общем единстве внутренней и внешней формы, но и в отдельно взятой внутренней форме, поскольку в языковом содержании – в лексических и грамматических значениях – отражательные свойства совмещаются со знаковыми.

Сами термины *внешняя / внутренняя форма слова* отражают процесс образования нового слова и его значения. А.А. Потебня полагал, что внутренняя форма (собственно признак наименования) создается предшествующим значением, которое используется как представление (смысловой знак нового значения). Сущность внутренней формы разъясняется следующим образом: «Когда это (предшествующее) значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма» (Потребня, 1999. С. 96). На наш взгляд, наиболее общие определения внутренней формы слова даны в следующих формулировках, раскрывающих механизм связи звука и мысли: 1) внутренняя форма есть способ выражения содержания; 2) внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию, она показывает, как человек представляет свою собственную мысль. Эти способы и приемы действуют в языке постоянно, несмотря на закономерные изменения в семантической структуре слов. «Путь, которым мысль дошла до сообщения слову такого-то определенного значения, может быть забыт, но это не имеет никакого влияния на определение приемов, которыми слово доходит до значения» (Потребня, 1999. С. 95). Эти и другие определения позволяют в целом истолковать внутреннюю форму как присущий языку прием, порядок выражения и обозначения с помощью слова нового содержания, т.е. как выработанную модель, языковую формулу (Потребня, 1976. С. 300), по которой с участием предшествующих слов и их значений происходит формирование новых слов и значений. Это языковой механизм, всякий раз приходящий в движение, когда нужно представить, понять и закрепить в индивидуальном обозначении новое явление, т. е. выразить словом новое содержание. (Алефиренко, 2005) Внутренняя форма языкового знака (слова, устойчивого словосочетания и др.) относится не к плану содержания, а к плану выражения знака. Она представляет собой не структуру значения, а структуру образа, лежащего в основе значения, и, следовательно, составляет образный уровень плана выражения знака.

В начале XX века эти идеи развил и снабдил теоретическим обоснованием Ф. де Соссюр (Соссюр, 1999). Вместо прежней дихотомии «содержание – форма» он предложил дихотомию «означаемое (signifié) – означающее (signifiant)» и указал, что как первое, так и второе имеют свою собственную форму и свою субстанцию. «Язык = сумма отношений между означающим и означаемым» (Соссюр, 1999. С. 189). Означаемое и означающее необходимо предполагают друг

друга. В качестве членов знакового отношения каждое из них немыслимо вне этого отношения, вне связи со своим коррелятом. Ни фонемы, ни значения, взятые по отдельности, не являются языковыми знаками. Каждый языковой знак, а следовательно, означающее и означаемое, существуют не сами по себе, а исключительно в силу своего противопоставления другим единицам того же порядка. В языке нет ничего, кроме противопоставлений; «язык есть форма, а не субстанция», – писал Ф. де Соссюр (Потребня, 1999. С. 125). Другими словами, существенным для языковой единицы является не материал, из которого она построена, а то множество противопоставлений, в которые она входит. Именно это множество и определяет ее значимость.

Впоследствии Л. Ельмслев ввел синонимичную соссюровской пару терминов *план содержания* – *план выражения знака* и детально проанализировал характер соотношения формы плана содержания и формы плана выражения (Ельмслев, 1960). Планом выражения называется внешняя сторона языка, т.е. звуковая, графическая или иная оболочка воплощаемой в нем мысли; планом содержания называется мир мысли, находящей выражение в языке. В статье «Можно ли сказать, что значения слов образуют структуру?» он одним из первых поставил задачу теоретического анализа строения лексических значений и отметил, что на практике она в значительной мере решена авторами толковых словарей: те словарные дефиниции, которые носят не синонимический, а аналитический характер, показывают строение лексического значения слова, хотя и не строго научно, и не всегда вполне адекватно (Ельмслев, 1965). Противопоставляя форму и субстанцию («материал»), Л. Ельмслев считал, что материал, из которого строится план выражения, может быть общим для всех языков – например, это все те звуки, которые могут произноситься голосовым аппаратом человека. На этот общий материал проецируется характерная для данного языка форма выражения. Именно она формирует материал выражения, превращая его в субстанцию выражения. Подобным образом один и тот же материал содержания (внеязыковые ситуации, всё то, что может быть предметом мысли) расчленяется и оформляется в каждом языке по-особому, в соответствии с присущей ему формой содержания. Форма каждого из планов – специфическая для данного языка структура (или «схема») – независима от той субстанции, в которой она манифестируется (Ельмслев, 1960. С. 101-102).

Между формой выражения и формой содержания имеется определенная связь. Она определяется так называемым принципом коммутации (Л. Ельмслев ввел термин *коммутация* для процедуры, которая в рамках некоторых направлений структурализма используется для отождествления структурно релевантных признаков (Ельмслев, 1960)). Этот принцип можно сформулировать следующим образом: если различие в плане содержания

соответствует какому-либо различию в плане выражения, то оно существенно для данного языка; с другой стороны, если различие в плане выражения соответствует какому-то различию в плане содержания, то оно тоже существенно для данного языка. Вообще говоря, в плане выражения могут существовать различия, не связанные ни с какими различиями в плане содержания. С другой стороны, в плане содержания могут наблюдаться различия, не связанные ни с какими различиями в плане выражения. Различия в одном плане, не коммутирующие с различиями в другом плане, образуют варианты одной и той же единицы. Эти варианты находятся в отношении субституции друг к другу и сохраняют некоторый инвариант при учете всех возможных изменений. Инварианты плана выражения Л. Ельмслев назвал кенемами, а инварианты плана содержания — плеремами. Язык — это система инвариантов. Следовательно, в язык в собственном смысле слова входит только форма выражения, изучаемая кенематикой, и форма содержания, изучаемая плерематикой. Субстанция плана выражения и субстанция плана содержания не входят в язык. Они являются предметом фонетики и семантики соответственно.

Суммируя сказанное, можно отметить, что, согласно современным представлениям, у знака есть не одна и даже не две, а три формы (структуры):

Та, которую Г. Гегель назвал внутренней формой **содержания**, т.е. структура значения, выявляемая путем компонентного анализа.

Та, которую А.А. Потебня и его последователи называли внутренней формой **знака**, т.е. семантический признак (или комплекс признаков), эксплицированный лексико-грамматически.

Та, которую Г. Гегель назвал внешней формой содержания, а лингвисты называют фонетико-фонологической (и, соответственно, графической) формой языкового знака.

Например, у английского слова *pineapple* форма 1 отражена в словарной дефиниции: 'a tropical plant of the Bromeliaceae family with edible multiple fruit consisting of coalesced berries'; форма 2 выражена морфемным составом и словообразовательной моделью (букв. 'сосновое яблоко'); форма 3 представляет собой звукоряд ('paɪnæpl) (и соответствующую цепочку букв).

Форма 2 (внутренняя форма знака) соединяет форму 1 и форму 3, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков.

Форма 1 принадлежит к плану содержания знака, а формы 2 и 3 – к разным уровням плана выражения знака. Отсюда следует, что понятия 'семантика' и 'содержание' не тождественны: часть семантики знака составляет его план содержания, а другая часть – верхний уровень плана выражения.

А. Мартине, интерпретируя проблему формы и содержания в рассуждениях об общих свойствах человеческого языка, назвал в качестве

наиболее значимого признака, из которого могут быть выведены другие, так называемое двойное членение языка (Кобозева, 2000). Речь идет о том, что, во-первых, «любой результат общественного опыта» может быть последовательно разложен на многочисленные значимые единицы, обладающие формой и значением, вплоть до морфемы («монемы»); во-вторых, звуковая форма морфемы может быть далее разложена на еще более мелкие формальные единицы — фонемы, которые не имеют самостоятельного значения, но обеспечивают различие значимых единиц. Таким образом, первое членение соответствует разложению сложных знаков на составляющие их простые и тем самым позволяет представить сложный знак в виде последовательности более простых знаков. Второе же членение применяется уже не к знаку в целом, а к каждой из двух его сторон в отдельности, и соответствует разложению означаемого и означающего знака на составляющие их элементарные различительные единицы (Кобозева, 2000. С. 36).

На основе принципа двойного членения А. Мартине дал определение языка: «Любой язык есть орудие общения, посредством которого человеческий опыт подвергается делению, специфическому для данной общности, на единицы, наделенные смысловым содержанием и звуковым выражением, называемые монемами; это звуковое выражение членится в свою очередь на последовательные различительные единицы – фонемы, определенным числом которых характеризуется каждый язык и природа и взаимоотношения которых варьируются от языка к языку» (Кобозева, 2000. С. 67). Таким образом, сам автор этого определения выделил три его главных пункта, а именно язык как орудие общения, его звуковой характер и двойное членение.

В ходе анализа взглядов некоторых ученых на проблему строения содержания языкового знака нами было продемонстрировано влияние более ранних учений на современные представления о внешней и внутренней формах знака. Было установлено, что внутренняя форма мотивирует семантику языкового знака. Входя в значение слова в качестве внутренней его стороны, внутренняя форма определяет звуковой состав и графическое изображение слова, определяет его внешнюю структуру и указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно таким сочетанием звуков. Внутренняя форма, таким образом, составляет часть семантики знака, его логическую структуру и тесно взаимосвязана с мотивированностью языковой единицы.

Литература

Агудова В. В. Соотношение категорий «форма» и «структура» // Вопросы философии. № 6. 1977.

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005.

- Античные теории языка и стиля: Сб. н. тр. М.: Гнозис, 1976.
- Аристотель. Избранные труды. М. Гнозис, 2000.
- Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
- Гегель Г. Сочинения: пер. с нем. яз. 3-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1930.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1985.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. Пер. с англ. М.: изд-во л-ры на ин. яз., 1960.
- Ельмслев Л. Можно ли сказать, что значения слов образуют структуру? // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск IV. М.: изд-во литературы на иностранных языках, 1965.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Потебня, А. А. Мысль и язык. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 1999.
- Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ

В статье рассматривается проблема адекватности семантических моделей. Анализируются онтологический и операциональный подходы к вопросу о достоверности моделей, представители которых выдвигают различные критерии адекватности моделей. Семантическое моделирование не подразумевает совершенно точное соответствие оригинала и модели. Оно совмещает критерии различных подходов.

Ключевые слова: модель, верификация, семантическое моделирование.

Одной из широко обсуждаемых проблем современной лингвистики является ее методология, критикуемая за умозрительно-априорный характер теоретизирования, часто ведущий к выдвиганию бездоказательных гипотез и формулировке неверифицируемых теорий (Худяков, Чухарев, 2010, С. 26.). А.Г. Сонин в одной из своих работ указывает, что исследователь «сначала выводит с опорой на язык гипотетические ментальные структуры, а затем ими же и объясняет форму языка: на основе такого метода создаётся замкнутый круг, который при исключении возможности дополнительной, эмпирической верификации становится порочным» (Сонин, 2005. С. 32). Действительно, «сегодня от лингвистики ожидают таких результатов, пусть самых скромных, степень достоверности которых можно проверить известными современному языкознанию информационно-статистическими и сопоставительными приёмами. Времена терминологических споров и не подтверждённых экспериментом гипотез ушли в прошлое» (Пиотровский, 2006. С. 3). Утвердился тезис о совместимости и взаимодополнительности когнитивно-дискурсивной и доказательно-экспериментальной парадигм в лингвистике. А.А. Худяков считает, что в основе лингвистической теории должны быть положения и выводы, верифицированные объективными методами — постановкой эксперимента и статистической обработкой полученных в ходе этого эксперимента данных (Худяков, 1998. С. 35).

Сложные явления языка и речи невозможно прямо наблюдать из-за их нерасчлененности или отсутствия прямой выраженности, поэтому главным исследовательским приёмом, применяемым в рамках доказательно-экспериментальной лингвистики, стал общенаучный метод моделирования. Ю.Д. Апресян указал, что на сегодняшний день, видимо, нет другого метода, обладающего такой мощной эвристической, гносеологической и онтологической силой: «...современная наука обладает мощным орудием

познания сложных явлений реальной действительности – методом моделирования» (Апресян, 1966. С. 8), поскольку моделирование выступает и как метод представления и изучения объекта, явления или процесса и одновременно как метод верификации.

Сущность метода состоит в том, что наблюдению и исследованию подвергается не оригинал, а его функциональный или структурный аналог-заместитель – модель (Пиотровский, 1999. С. 23-28). Лингвистические теории получают при этом статус гипотетических моделей.

В этой связи следует вкратце остановиться на вопросе о критериях выбора модели и проблеме верификации.

Ряд исследователей, представляющих так называемый *hocus rous arproach* (операционный подход) в моделировании, считает модель лишь удобным способом описания объекта. Критерием адекватности модели оригиналу считается совпадение данных на входе и выходе модели и оригинала, соответствие же внутреннего строения модели и оригинала не считается обязательным. Так, Н. Хомский подчеркивал, что порождающие модели трансформационной грамматики не отражают реальных процессов построения высказывания говорящим, а модели анализа – реальных процессов понимания высказывания реципиентом (Хомский, 1972. С. 13). «Модель должна уметь строить не только те языковые объекты, которые уже встречались в речевой практике говорящих, но и объекты, принципиально допустимые, хотя и не встречавшиеся еще в речевой практике» (Хомский, 1972. С. 15). По мнению В.А. Звегинцева, порождающая модель – это лишь операционный прием; построение ее не преследует цели воспроизведения психолингвистической реальности (Звегинцев, 1968. С. 76). Лучшей признается та модель, которая отвечает критериям простоты, непротиворечивости и объяснительной силы.

По мнению Ю.Д. Апресяна, поскольку в общем случае некоторое явление может быть смоделировано более чем одним способом, мы должны располагать системой оценок, с помощью которой мы могли бы сравнивать различные модели одного и того же явления между собой и выбирать ту из них, которая является наилучшей аппроксимацией объекта или лучше других моделей приспособлена для решения данной конкретной задачи. Назначение метатеории и состоит в том, чтобы обеспечить лингвистическую теорию такой системой оценок (Апресян, 1966).

Впервые систему критериев для оценки лингвистической теории предложил Л. Ельмслев. Провозглашенный им принцип эмпиризма гласит: «Описание должно быть свободным от противоречий, ... исчерпывающим и предельно простым» (Ельмслев, 1960. С. 272). В разное время к этим трем критериям добавлялись критерии адекватности (Ельмслев, 1960. С. 297), красоты (Ельмслев, 1960. С. 279) и симметрии (Ельмслев, 1960. С. 300);

последние два совпадают, по всей видимости, с критерием простоты (Ельмслев, 1960. С. 286). Из названных здесь понятий критерий последовательности не нуждается в специальном определении, так как он и без того очевиден. Что касается понятий полноты, адекватности, простоты и т. п., то они не являются достаточно очевидными, чтобы использовать их без определений.

В связи с этим И.А. Мельчук на базе теории множеств попытался формализовать эти и некоторые другие критерии оценки качества лингвистических моделей (Мельчук, 1974). Отметим, что предложенные И.А. Мельчуком способы измерения простоты, полноты и других важных свойств моделей никем не были еще практически опробованы – отчасти потому, что в современной лингвистике нет достаточного числа моделей, записанных в требуемой для такого рода оценки стандартной форме, отчасти же потому, что критерии И.А. Мельчука носят в значительной мере предварительный характер (Апресян, 1966. С. 267). Критерии И.А. Мельчука создают основу для экспериментальной оценки и сравнения моделей. Чтобы из нескольких моделей выбрать лучшую, необходимо экспериментальным (например, машинным) путем получить результаты работы каждой из них и вывести для них числовые оценки по указанным им формулам.

По мнению И.А. Мельчука, модель только тогда можно считать достаточно близкой оригиналу, когда не только окончательные (выходные) данные, но и промежуточные результаты работы оригинала и модели совпадают друг с другом. Однако при этом он отмечает, что «модель не позволяет делать какие-либо надежные выводы о том, как обстоит дело в действительности» (Мельчук, 1974. С. 15).

Точка зрения И.А. Мельчука представляет собой промежуточное звено между операционным подходом и тем подходом, который иногда называют *God's truth approach* (онтологический подход). Его представители полагают, что модель должна объяснять, «как объект устроен ... на самом деле» (Бергельсон, 1987. С. 34). Основным критерием предпочтительности той или иной модели является ее соответствие реальной структуре объекта, устанавливаемое путем верификации экспериментальными и другими методами.

Введение принципа эксперимента, сформулированного Л.В. Щербой, указало путь проверки истинности семантического описания. Построив на основании собранного материала гипотезу о значении языковой единицы, исследователь начинает проверять ее истинность через установление зависимости между этой гипотезой и возможностью употребления описываемой языковой единицей в речи (Селиверстова, 2004. С. 23). Однако в этом случае встает сложная проблема надежности верификации.

На наш взгляд, на каждом этапе исследования следует отдавать предпочтение той модели, достоверность которой наиболее надежно

подтверждается имеющимися методами проверки. В дальнейшем, по мере их совершенствования, на первый план может выдвинуться другая модель объекта.

При моделировании столь сложных объектов, как языковые, трудно говорить о совершенно точном соответствии модели оригиналу и о совершенно надежных способах и результатах верификации моделей. Лингвистическое моделирование в общем случае совмещает в себе все перечисленные критерии: на этапе гипотезы применяются критерии простоты, непротиворечивости и объяснительной силы, а на дальнейшем этапе – верификационные критерии. При этом не следует сбрасывать со счетов ни критериев простоты, формально-логической непротиворечивости и объяснительной силы, ни верификационного критерия. В результате наиболее адекватной может быть признана не самая стройная и красивая модель, на что справедливо указал Д.О. Добровольский (Добровольский, Петров, 1987).

По мнению Р.Г. Пиотровского, верификация семантических моделей должна проводиться в два этапа. Начальный шаг – эпистемологическая проверка – заключается в оценке состоятельности модели на основании следующих трёх критериев: внутренней непротиворечивости, исчерпывающего характера полноты описания и простоты. Второй шаг — эмпирическая проверка – представляет собой изучение пригодности модели исходя из того, насколько хорошо она объясняет или предсказывает вновь открытые объекты и явления внешнего мира (Пиотровский, 1999. С. 23-28).

Р.Г. Пиотровский назвал эмпирической проверкой, в которой пригодность модели проверяется исходя из того, насколько хорошо она объясняет и предсказывает вновь открытые объекты и явления внешнего мира через обратную связь между моделью и оригиналом (Пиотровский, 1999. С. 136). Эмпирическая проверка характеризуется большим разнообразием конкретных ситуаций и доказательных приемов. К каждому из них должен быть применен критерий истинности. Поэтому современная парадигма языкознания требует выработки приемов, обеспечивающих оперативное получения критерия истинности для той или иной гипотезы. Сильным ходом на пути создания таких приемов является компьютерное моделирование речевых процессов, осуществляемое в лингвистических автоматах. Создаваемые этим путем блоки, входящие в архитектуру описываемой схемы, называют воспроизводящими лингвистическими моделями.

Г. Клаус различал аналогию систем на следующих уровнях: на уровне результатов на выходе сравниваемых систем; на уровне поведения или функций, ведущих к результатам; на уровне структур, обеспечивающих выполнение функций; материалов или элементов, вопрошающих структуры (цит. по: (Штофф, 1966)).

Представители операционного подхода удовлетворяются первым уровнем аналогии; сторонники промежуточного подхода требуют совпадения на первом и втором уровнях; приверженцы онтологического подхода считают необходимым совпадение на трех уровнях. Наконец, совпадение на всех четырех уровнях означает приближение аналогии к тождеству, а модели – к копии (в особенности, если совпадают еще и масштабы сравниваемых систем).

По мнению В.Б. Касевича, основная задача лингвиста состоит в том, чтобы построить модель, которая, с одной стороны, производила бы «правильные» тексты, не отличающиеся от естественных, и не производила «неправильные»; с другой стороны, модель должна уметь давать смысловую интерпретацию любому тексту, не очень отклоняющемуся от «правильного». Если эти условия соблюдены, то модель адекватно отображает речевую деятельность человека в том смысле, что результат ее функционирования не отличается от результатов речевой деятельности человека (Касевич, 1977).

В XX веке ставилась цель создать кибернетическую модель естественного языка – «логический автомат, имитирующий владение языком» (Бергельсон, 1987. С. 6). Чтобы логический автомат мог порождать полноценную речь, не отличимую от человеческой, необходимо заложить в него «полное, достаточное и эксплицитное описание всех языковых объектов и правил» (Апресян, 1966. С. 32). С позиций XXI века это представляется утопией. Имитировать владение языком – значит имитировать языковую личность. На том или ином этапе общения имитатор будет разоблачен. Чтобы он не был разоблачен никогда, он должен стать тем, кого он имитирует, то есть языковой личностью. Это значит, что система должна превратиться из логического автомата в личность, которая включает в себя не только рациональный, но и два других важнейших аспекта – эмоциональный и интенциональный. Разум, чувства и воля – три грани личности, на основе которых формируется его.

Поскольку цель моделирования – изучение не только данного объекта, но и аналогичных ему объектов (реально существующих или потенциально возможных), возникает вопрос о границах предметной области модели. Если модель отражает строение целого класса объектов, то с её помощью иногда возможно "на кончике пера" конструировать гипотетические объекты – например, восстанавливать облик исчезнувших языковых образований либо делать предположения о возможности возникновения тех или иных языковых образований. Это одно из наиболее интересных следствий моделирования исходного объекта.

Литература

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.

Бергельсон М.В. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987.

Добровольский Д.О., Петров В.В. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М.: ИНИОН АН СССР, 1987.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. Пер. с англ. М.: изд-во ЛГУ на ин. яз., 1960.

Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Наука, 1968.

Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – текст». М.: изд-во МГУ, 1974.

Пиотровский Р.Г. Доказательно-экспериментальные черты новой лингвистической парадигмы // Прикладная лингвистика в науке и образовании: материалы 3-й междунар. конф. СПб, 2006.

Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат и его речемыслительное обоснование. М.: МГЛУ, 1999.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Сонин А.Г. Поколению учёных, выросших на «Кратком словаре когнитивных терминов» // Человек в зеркале языка. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005.

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972.

Худяков А.А. Пропозиции и пропозициональные модели: когнитивный аспект // Семантика. Грамматика. Дискурс: материалы Ломоносовских чтений. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.

Худяков А.А., Чухарев Е.М. О потенциале взаимодействия когнитивной и доказательно-экспериментальной парадигм в практике лингвистического исследования // В поисках смысла: Сборник научных трудов. СПб.: изд-во СПбГУЭФ, 2010.

Штофф В.А. Моделирование и философия. М.-Л.: Наука, 1966.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ

В статье рассматриваются семантические характеристики названий бестселлеров американских и британских авторов. Представляется классификация прецедентных феноменов в заголовках популярных книг.

Ключевые слова: семантика, прецедентный текст, заголовок, бестселлер.

Важной приметой развития современного дискурсивного пространства является рост его интертекстуальности, то есть увеличение использования в тексте других текстов. И если прежде употребление в речи пословиц, поговорок, афоризмов, крылатых слов, «говорящих» имён, цитат было в основном направлено на украшение речи, то сейчас это осмысливается как социокультурный феномен, актуализирующий внутритекстовые и межтекстовые связи употреблённой в речи единицы, её развёртывание. Стилистический приём аллюзии, на котором основано данное явление, привлекая внимание получателя информации к культурному контексту, реализует свою отсылочную функцию в той степени, в какой адресат в состоянии активизировать в сознании определённые знания, тексты и соотнести их с услышанным или прочитанным. В этой связи широкое распространение получило использование прецедентных текстов.

Прецедентный текст – это текст, являющийся элементом культурной памяти народа и регулярно используемый в других текстах. Особенно активно прецедентные тексты используются в языке газеты, рекламы, названиях фильмов и книг. Употребление в устной и письменной речи прецедентных текстов реализует процесс оживления накопленного культурного багажа.

Современная языковая ситуация часто требует от получателя текста способность соотнести форму и содержание, данный текст с другими текстами. Всё чаще и чаще в языке средств массовой информации, да и в повседневной разговорной речи встречаются языковые формы, за которыми тянется своего рода текстовый шлейф, который сопровождает любое их употребление. Для их понимания, разумеется, носителям языка необходим соответствующий культурный опыт. Без знания того, что составляет этот "шлейф", информация для адресата недоступна полностью или частично.

Знания, необходимые для полноценного понимания современной устной речи и языка письменных произведений, – это знания реалий, художественных фильмов, художественных произведений, текстов популярных песен, стереотипных образов, стереотипных ситуаций, то есть всего, что лежит в

основе прецедентных текстов. Таким образом, понимание текстов, содержащих отсылки к прецедентным текстам, опирается на повышенную речемыслительную активность получателя информации.

В соответствии с наиболее авторитетной современной концепцией прецедентности, представленной в работах Красных В.В., Гудкова Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В., разграничиваются следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации.

Анализ названий современных англоязычных бестселлеров выявил высокую степень представленности категории прецедентности в исследуемых единицах. Нам представляется возможным систематизировать данные тексты в соответствии с вышеперечисленной классификацией.

Прецедентный текст, который понимается как законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; предикативная единица. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т.д. Названия некоторых широко известных текстов могут использоваться метафорически: “TrojanOdyssey” (CliveCussler), “FireandIce” (JulieGarwood).

Прецедентное имя, которое понимается как индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная. Прецедентные имена – важная часть национальной языковой картины мира, они задают национальную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей общества, объединяя “своих” и противопоставляя им “чужих”. Прецедентное имя – лингвокультурологическая единица, обладающая экспрессивной, символической, коннотативной функциями, она способна передавать культурную информацию. Примеры прецедентных имен в названиях бестселлеров: “TheJaneAustenBookClub” (KarenJoyFowler), “TheDaVinciCode” (DanBrown), “TheAlexandriaLink” (SteveBerry), “HannibalRising” (ThomasHarris), “CinderellaAteMyDaughter” (PeggyOrenstein).

Прецедентное высказывание, которое понимается как репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; к числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера, а также пословицы. Например, “Best Friends Forever” (Jennifer Weiner), “Have a Little Faith” (Mitch Albom).

Прецедентная ситуация, которая понимается как "некая "эталонная" ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу. Примеры в названиях бестселлеров следующие: "Armageddon" (TimLaHayeandJerryB. Jenkins), "TheYearoftheFlood" (MargaretAtwood), "TheChristmasSweater" (GlennBeck).

Таким образом, в силу того, что с позиций лингвокультурологии прецедентные феномены рассматриваются как единицы, в значительной степени «насыщенные» культурной информацией и национально детерминирующие культурное пространство, а также как «культурные скрепы, сцепляющие отдельные культурные пласты и исторические эпохи в единую систему в синхронии и диахронии», представляется, что различные типы прецедентных феноменов, с одной стороны, отражают ценностные ориентации национально-лингво-культурного сообщества, с другой – формируют и определяют их, влияя на модели социального поведения членов этого сообщества.

Литература

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Воробьёв, В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьёв. М.: Изд-во Рос. Ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.

Гришаева, Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л.И.Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 15 – 46.

Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В.Красных. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Красных, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных. М.: Наука, 1997. 363 с.

Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н.Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 175 – 187.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА ДРАМЫ

В статье кратко дается функционально-стилевая характеристика драмы. Особое внимание уделяется сюжетно-композиционной характеристике, а также особенностям языка драматического произведения.

Ключевые слова: композиция, экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка, эпилог, язык драмы.

Драма как стиль художественной литературы зародилась в драматургии античности. Однако, часть литературоведов считает, что драма как отдельный жанр возникла лишь в 18 столетии. Она понимается как жанр, выражающий объективный способ художественного воссоздания жизни. Первыми теоретиками драмы стали Д. Дидро, Л. Месье и Г. Лессинг, которые обосновали ее специфику и значение для развития литературы и театра. Также в конце 19-20 вв. драму активно разрабатывали Тургенев, Чехов, Горький. Постепенно драма начинает доминировать в театре, вытесняя с подмостков трагедию и комедию, и набирает такую силу, что становится ведущим жанром в театральной практике.

Рассматривая драму с композиционной точки зрения, И.Н. Чистюхин писал, что на сегодняшний день драматическое произведение делится на следующие части: «экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка и эпилог. Каждый элемент структуры имеет свое функциональное назначение» (Чистюхин, 2002. С. 91). Однако, подобная схема закрепились не сразу, споры по названию и количеству элементов продолжаются и по сей день.

Большая часть драматических произведений начинается с пролога или предисловия. Этот элемент непосредственно не связан с сюжетом пьесы. По мнению И.Н. Чистюхина, это место, где автор может выразить свое отношение, это демонстрация идей автора. По примеру древнегреческих пьес пролог может быть прямым обращением автора к зрителю («Обыкновенное чудо» Е. Шварца), хора («Ромео и Джульетта»), персонажа («Жизнь человека» Л. Андреева), человека от театра (Чистюхин, 2002. С. 93).

Следующим композиционным элементом исследователь выделяет экспозицию. Под экспозицией И.Н. Чистюхин понимает «часть драматургического произведения, в которой характеризуется обстановка, предшествующая началу действия» (Чистюхин, 2002. С. 93). В ее задачу входит изложение всех предлагаемых обстоятельств драматургического произведения и изложение всей предыстории пьесы. В экспозиции лежит исходное событие, которое дает толчок для движения всей пьесы. Отметим, что туда же могут входить и еще несколько событий и различные факты.

После экспозиции следует завязка. Именно в завязке, подчеркивает И.Н. Чистюхин, располагаются события, нарушающие исходную ситуацию. Поэтому в этой части начинается основной конфликт, здесь он приобретает свои видимые очертания и разворачивается как борьба персонажей, как действие. Конфликт могут спровоцировать разные точки зрения, интересы, мировоззрения, способы существования.

Говоря о начале действия, Гегель заметил, что «в эмпирической реальности у каждого действия очень много предпосылок, так, что трудно бывает установить, в каком месте следует отыскивать настоящее начало. Но поскольку драматическое действие существенным образом основывается на определенно коллизии, соответствующая точка будет заключаться в той ситуации, из которой в дальнейшем должен развиваться этот конфликт» (Гегель, 1969. С. 549-550).

Вершиной развития действия пьесы по общему мнению является кульминация. В каждой пьесе есть определенный момент, после которого изменяется сам характер борьбы. Начинает стремительно надвигаться развязка. Именно этот момент принято называть – кульминацией. Как полагает И.Н. Чистюхин, «в основе кульминации лежит центральное событие, которое является коренным переломом в действии пьесы, в пользу той или иной, занятой в конфликте стороны» (Чистюхин, 2002. С. 94).

В развязке, по мнению И.Н. Чистюхина, происходит завершение основного конфликта, прекращение побочных конфликтов, иных противоречий, которые составляют и дополняют действие пьесы. Именно здесь герои приходят к тому или иному результату.

Заключительной частью композиции драматического произведения является эпилог. И.Н. Чистюхин трактует эпилог как «часть композиции, которая производит смысловое завершение произведения в целом (а не сюжетной линии)» (Чистюхин, 2002. С. 95).

В.М. Волькенштейн наоборот считает, что «эпилог – является обычно статистическими сценическими положениями: признак неумелости автора дать в последнем акте исчерпывающее разрешение «драматической борьбы» (Волькенштейн, 1960. С. 81).

Под эпилогом можно понимать и некий взгляд в будущее, отвечающий на вопрос: что будет с персонажами пьесы в дальнейшем?

Примером художественно решенного эпилога может послужить «немая сцена» в «Ревизоре» Гоголя, примирение кланов в «Ромео и Джульетте» Шекспира, бунт Тихона против Кабанихи в «Грозе» Островского.

Рассмотрев сюжетно-композиционные особенности драматического произведения, можно сделать вывод, что главной особенностью драмы является наличие конфликта, который зарождается в завязке произведения. Высшая

точки конфликт достигает в кульминационный момент. Его завершение происходит в развязке драмы, именно здесь герои приходят к тому или иному результату. Эпилог же является смысловым заключением произведения в целом. Из эпилога читатель может узнать дальнейшую жизнь героев.

Перейдем к рассмотрению особенностей языка английской драмы.

Драматургический язык – это особый язык. На первый взгляд он мало чем отличается от обычной, бытовой речи, однако, это не так. Его основная функция не коммуникативная, а сообщение, которое должно быть донесено до зрителя.

В отличие от поэзии, которая исключает прямую речь, а следовательно, диалог, и в отличие от прозы, которая представляет собой сочетание монолога (речи автора) и диалога (речи персонажей), драма существует только в виде диалога.

Прямая речь персонажей, плюс авторские ремарки – единственный источник смысла в драматургии. И.Н. Чистюхин замечает, что «всякий сценический диалог приподнят над уровнем обыденного разговорного языка» (Чистюхин, 2002. С. 33). Как замечает другой исследователь, П.Я. Гальперин, «герои драмы не употребляют в своей речи разговорную лексику, однако, драматург стремится воспроизвести диалоги настолько близко к разговорному стилю, насколько это позволяют нормы литературного языка» (Гальперин, 1971. С. 289). Таким образом, одной из особенностей языка драмы является стилизация разговорной речи. На протяжении всей истории развития драмы на стилизацию оказывали влияние, как общие тенденции литературного языка, так и личные особенности писателя.

В литературном языке 16 века широко использовались библейские и мифологические мотивы, напоминающие традиции Возрождения, эпитеты, которые также могут быть отнесены к влиянию греческого и латинского эпоса. В пьесах этого периода широко использовались клятвы, проклятия и другие вульгаризмы.

Пьесы 16 века принято называть драматической поэзией, так как они были написаны в стихотворном стиле. Театрализованные представления, диалоги между героями драмы, а также явное стремление приблизиться к нормам разговорного языка нарушили ритм стихосложения. Это нарушение ритма стало одной из характерных особенностей языка драматической поэзии. Таким образом, произведения ранних авторов, которые придерживались ритмического рисунка, считались скучными и однообразными.

Разговорная драма возникла в 17 веке. Она была популярна при Елизавете и Стюартах. Драма этого времени представляла собой короткие представления, часто связанные с греческой или латинской мифологией, сопровождаемые песнями и музыкой в исполнении дворянства. В своей речи актеры использовали чуждые для поэзии фразы и выражения, поэтому для драмы стала также характерна проза. Однако, окончательное формирование драмы как самостоятельного литературного жанра завершилось только в конце 19 века.

Условность любого литературного произведения ярко выражена в драме. Актеры исполняют свои роли перед аудиторией. Речь героев – это спонтанные, мимолетные диалоги. Индивидуализация речи каждого персонажа имеет первостепенное значение, так как раскрывает духовную, психологическую и интеллектуальную стороны героев драмы. Автор стремится приблизить речь героев к разговорному стилю, однако, эстетико-познавательная функция литературного языка не должна быть потеряна. Из этого следует, что язык драмы представляет собой стилизованный вариант разговорного языка.

Использование разговорного языка в художественной литературе выполняет очень важные смысловые функции, передавать существенную информацию. Так, употребление усеченной формы, т.е. фонетическая редукция вспомогательных глаголов: *it's, isn't it, I don't, you can't*, опущение личных местоимений, употребление одноморфемных слов, глаголов с постпозитивами: *give up, look out*, аббревиатур: *frig, margs, vegs* является характерной особенностью английской разговорной формы (Арнольд, 2006. С. 352).

Так, для драмы характерны сокращенные высказывания, упрощенный синтаксис. Монолог героя не прерывается восклицаниями слушающего. Кроме того, высказывания персонажей, как правило, длятся намного дольше, нежели в обычной беседе.

Рассмотрев особенности языка драмы, можно сделать о том, что на его формирование оказывали влияния как общие тенденции литературного языка, так и личные особенности автора в разные исторические эпохи. Так, в драматических произведениях 16 века интенсивно использовались библейские и мифологические мотивы. Драма 17 века отличается употреблением в ней разговорного языка. Нельзя не отметить, что важную роль в драме играет стилизация разговорного языка. Так, для разговорной речи характерны употребление усеченной формы глаголов, опущение семантически избыточных неударных элементов, употребление одноморфемных слов, аббревиатур и др. Приемы и средства, служащие для стилизации произведения, сложно заметить в тексте без его тщательного анализа.

Арнольд И.В. *Стилистика современного английского языка (Текст)* Л., 2006. 352 с.

Гальперин, И.Р. *Стилистика английского языка (Текст)* / И.Р. Гальперин. М., 1981. 289 с.

Чистюхин И.Н. *О драме и драматургии: учебник для студентов гуманитарных вузов (Текст)*. М., 2002. 91 с.

Щукина, Д.А. *Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста (Текст)*. СПб, 2003. 235 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРЕДЛОГОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена проблеме перевода предлогов с английского языка на русский в текстах научно-технической литературы. Определены наиболее частотные предлоги в английском научно-техническом тексте, рассмотрены семантические и стилистические изменения отдельных английских предлогов и их новые переводные значения в русском языке специальной литературы.

Ключевые слова: научно-технический текст, полисемия, предлог, семантические и стилистические изменения, переводной эквивалент, значение.

Владение иностранным языком сегодня – важная составляющая часть квалификации специалиста. В условиях единого информационного пространства специалистам разных технических профилей нередко приходится иметь дело с иноязычной текстовой информацией. Воспроизведение научно-технического или научно-популярного текста на родном языке адекватно тексту, созданному на языке оригинала – залог безошибочного обмена научной информацией, например, при участии в совместных международных проектах, число которых неуклонно растёт. Вот почему одним из компонентов дисциплины «Иностранный язык» в техническом вузе, которому нужно уделять должное внимание в процессе преподавания, является перевод научно-технического текста. Огромное число проблем при переводе текстов с английского языка на русский связано с выбором лексических единиц и объясняется полисемией английского языка.

Как известно, лексика научно-технической литературы отличается наличием в ней большого количества терминов, общенаучных слов и слов общего языка. Последние, кстати, преобладают в любом научном тексте и составляют основу изложения. Именно благодаря общеупотребительной лексике язык науки сохраняет связь с общелитературным языком и не превращается в язык, понятный лишь учёным. Вместе с тем большой удельный вес в научно-техническом тексте имеет и вспомогательная лексика, например, предлоги.

«Предлоги – это служебные слова, выражающие отношение к предмету» (Бархударов, 1973. С. 102). Роль предлога в языке аналитического строя (английский язык) отличается от его роли в языке синтетического строя (русский язык). В русском языке отношения между словами выражаются не одним предлогом, а предлогами и падежными окончаниями. В английском языке эти отношения выражаются только предлогами, так как существительные в «общем» падеже, с которыми они сочетаются, не имеют специальных окончаний.

В русском и английском языках предлоги многозначны. К тому же, между английскими и русскими предлогами не существует постоянного соответствия. Один и тот же английский предлог может переводиться разными русскими предлогами, поэтому отсутствие соответствия между предлогами или ошибочное восприятие соответствия этих предлогов в русском и иностранном языках приводит к ошибочному смыслу в тексте перевода.

Осложняет перевод текста и тот факт, что в английском языке место предлога в предложении часто значительно отличается от места этого же предлога в русском языке, что поначалу крайне затрудняет понимание текста.

В данной работе рассматриваются особенности перевода предлогов с английского языка на русский в текстах научно-технической литературы.

Актуальность темы данной работы обусловлена повышением качества перевода научно-технической литературы и его значимости как способа обмена и распространения информации в мировом сообществе.

Многолетняя практика работы со студентами и аспирантами над переводом специальной литературы показывает, что в научно-технических текстах предлоги претерпевают ряд семантических и стилистических изменений и отличаются от предлогов в общем языке – языке повседневного общения и художественной литературы.

Детальное изучение английских предлогов, а также сопоставительный анализ на базе таких журналов, как “Oil & Gas”, “Rogtec”, “Journal of Petroleum Technology”, “Electronics”, “Review of Scientific Instruments”, позволили выделить следующие особенности перевода английских предлогов на русский язык в научно-технических текстах:

Самыми частотными для научно-технических текстов являются предлоги *about, after, at, by, due to, for, from, in, on, over, to, with*. Предлог *of* по частотности употребления превышает все предлоги в силу того, что в преобладающем большинстве случаев он выполняет грамматическую функцию и передаётся на русский язык окончаниями родительного падежа имени существительного. И в то же время предлог *of* имеет своё лексическое значение. На русский язык он может переводиться предлогами *при* и *из*, например: “...*the first attempts at achieving viscosity ... were essentially soap type products of Toll oil fatty acids, hydrocarbons and caustic soda – ... первые попытки добиться вязкости ... были в основном продукты мыльного типа из жирных кислот талового масла, углеводов и каустической соды*”. В среднем на печатном листе научно-технического текста предлог *of* встречается до 20 раз (для сравнения – предлог *with* или *from* – до 5 раз).

В определённых контекстах в научно-технической литературе большое количество односложных морфологически неразложимых английских предлогов (*for, from, in, on* и др.) проявляют тенденцию к десемантизации, то

есть утрачивают своё лексическое значение и превращаются в своего рода падежные префиксы: “*National regulations for industrial wastewater discharges – Общациональные нормы сброса промышленных стоков*”; “*Considerations in setting water quality-based limits – Критерии установления ограничений, основанных на качественных показателях воды*”.

Отметим, что стиль научного текста предоставляет переводчику очень широкие синтаксические возможности. Построение предложения здесь не играет самостоятельной стилистической роли. Вот почему при переводе с английского языка на русский возможны всякого рода грамматические перестройки и синтаксические перегруппировки, вплоть до разбивки предложений на более мелкие части, сочетание более мелких частей в одно целое, соединение одной части предложения с частью другого предложения и т.п. Таким образом, при переводе с английского языка на русский язык постоянными и закономерными являются значительные отступления от грамматической, в частности, синтаксической структуры подлинника, выполненные в соответствии с нормами русского языка. Так, для предлогов *at, from, in, with, without*, возможны замены английской предложной конструкции русским придаточным предложением без предлога. Например, “... *if the system can be designed without overloading the prime mover, ...* – ... *если насос можно сконфигурировать таким образом, чтобы избежать перегрузки приводного двигателя ...*” или

“... *you will have to get an adopter from your specialized computer dealer... – ... Вам необходимо получить адаптер, обратившись к вашему дилеру...*”.

Разные английские предлоги могут иметь несколько одинаковых переводных значений. Так, предлоги *in* и *on* имеют одинаковые значения: *по, на, в*. Например: “... *move the mouse on a surface... – ...подвигайте мышку по поверхности...*” и “... *infrared lasers will have their power distributed in many modes ... – ... у лазеров инфракрасной области мощность обычно распределяется по многим модам...*”.

Отмечаются также случаи «расширения» значения предлога с добавлением подразумеваемой, но не данной информации: “... *a large number of experiments made possible by optical feedback stabilization ...*” – ...*большое число экспериментов, возможных при использовании стабилизации с оптической обратной связью...*”.

Частотными являются замены английских конструкций «предлог + существительное» русскими беспредложными конструкциями: “... *for the non-specialists... – ...не будучи специалистом...*”.

Необходимо также отметить, что около 30% русских переводных эквивалентов предлогов являются контекстуальным, которые впоследствии могут развиваться в устойчивые переводные варианты.

В ходе проводимого анализа были выявлены не только возможные особенности и сложности, связанные с переводом предлогов, но и расширен спектр уже изученных и зафиксированных в словарях значений. В качестве отмеченных нами новых значений английских предлогов можно предложить следующие:

Неоднократно предлог *for* встречается в значении *у*: “... *for most commonly used rod sizes... – ... у насосных штанг стандартных диаметров ...*”, а также в значении *при*: “... *for 10kHz detection bandwidth... – при ширине полосы детектирования 10кГц...*” и в значении *на*: “... *the most widely used type of artificial lift for oil wells ... – ...наиболее широко используемый способ механизированной добычи на нефтяных скважинах ...*”.

Было отмечено и частое употребление предлога *in* в значении *для*: “... *to obtain 'single-mode' lasers in the near infrared region ... – ...создание 'одномодовых' лазеров для ближней инфракрасной области...*”.

Значение *при* неоднократно встречается не только у предлога *for*, но и у предлога *from*. Например: “*Summary of historic discharges of ... and cuttings from drilling oil and gas wells... – Петроспективная сводка выбросов ... и шлама при бурении нефтяных и газовых скважин...*”.

Таким образом, несмотря на то, что предлог – это служебная часть речи, он требует большого внимания при переводе. Поиск и нахождение правильных путей передачи его значений с учётом контекста и стилистических норм русского языка формируют у учащихся вдумчивое отношение к переводу и позволяют избежать буквализма и вольного обращения с содержанием исходного текста и, тем самым, исключить искажения смысла в тексте перевода.

Проведённый анализ является лишь началом исследования в этой области, которое заслуживает продолжения с целью улучшения качества переводов английской научно-технической литературы на русский язык.

Литература

- Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1973. 256 с.
Коваленко А.Я. Общий курс научно-технического перевода. Киев: «Фирма «ИНКОС», 2003. 320 с.
Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: ИМО, 1973. 216 с.

ЭКФРАСИС КАК СПОСОБ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЭТИЧЕСКОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В РОМАНЕ О. УАЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»

В статье анализируются этический и эстетический планы восприятия художественных образов в романе О. Уальда «Портрет Дориана Грея». Сопоставление производится на примере использования стилистического приёма экфрасис, определение которого было сформулировано автором данной статьи в более ранних работах.

Ключевые слова: экфрасис, экфразея, стилистический приём, этика, эстетика, роман.

В ходе своего исторического развития экфрасис, утратив свои позиции отдельного литературного жанра, в качестве литературного приема открыл огромные возможности перед авторами художественных произведений. Именно поэтому он так интересен и важен на сегодняшний день для литературоведческого исследования. Несмотря на то, что четкого определения экфрасиса до сих пор не было дано, необходимо указать, по каким признакам в художественном тексте можно выделить данный прием. Все исследователи данного вопроса сходятся в том, что рассматриваемый термин античной риторики обозначает, прежде всего, стилистически нагруженное описание произведения визуального искусства средствами искусства литературного. Так же все участники Лозаннской конференции единодушны в том, что экфрасис, кроме всего прочего, несет в себе некий сакральный смысл, знаменует связь мира бытового с миром иного, непознаваемого («экфрасис, который пользуется системой произвольных, немиметических знаков, может (у Гоголя) изобразить неизобразяемое» (Франк, 2002. С. 35); «экфрасис в творчестве Вяч. Иванова выражает ... желание приобщиться к инобытию, к “миру Иного”, быть его “магическим зеркалом”» (Цимборска-Лебода, 2002. С. 76); «экфрасис имеет следствием освобождение вещи (описываемого предмета) от ее материальности, вещественности» (Ланн, 2002. С. 159)). Не смотря на то, что исследования участников базируются на материале русских писателей, можно предположить, что данное утверждение будет справедливо и для нашего исследования.

Таким образом, в данной работе примерами экфрасиса будут считаться стилистически нагруженные описания произведений визуального искусства, которые характеризуют связь героя с миром нематериального.

В своём небольшом романе «Портрет Дориана Грея», написанном в 1891 году, О. Уайльд (16.10.1854 – 30.11.1900) обратился к проблеме, которая

постоянно занимала его, – соотношение искусства и действительности, искусства и морали. Замысел был подсказан ему встречей в мастерской знакомого художника, которому позировал для портрета удивительной красоты молодой человек. Решив раскрыть вышеуказанную проблему в своем романе, автор использует многочисленные приемы экфрасиса.

Роман «Портрет Дориана Грея» буквально пропитан различного рода описаниями, которые органично включены в структуру художественного текста. Учитывая разнообразие представленных описаний, их для проведения анализа необходимо разделить на несколько основных групп.

Кажется естественным, что основное их количество должны составлять изображения главного героя – Дориана Грея и его портрета. На самом же деле, О. Уальд дает очень сухое описание внешности юноши в начале романа, которое занимает буквально пару строк («Lord Henry looked at him. Yes, he was certainly wonderfully handsome, with his finely curved scarlet lips, his frank blue eyes, his crisp gold hair.» (Wilde, 2003. P. 24)), а далее читатель может встретить в тексте только упоминание того, что юноша остается красивым и молодым. Несколько чаще встречается описание портрета Дориана, но автор не описывает подробно происходящих с ним перемен, они только называются, а читателю предоставляется возможность самому нарисовать этот портрет и представить происходящие с ним изменения: «But the strange expression that he had noticed in the face of the portrait seemed to linger there, to be more intensified even. The quivering ardent sunlight showed him the lines of cruelty round the mouth as clearly as if he had been looking into a mirror after he had done some dreadful thing.» (Wilde, 2003, P.122); «What was that loathsome red dew that gleamed, wet and glistening, on one of the hands, as though the canvas had sweated blood? How horrible it was!» (Wilde, 2003. P. 233). Интересно, что эти описания так же не превышают по размеру нескольких строк.

Следует отметить, что автор не выделяет прием экфрасиса в отдельный абзац, описание органично вплетено в текст повествования, может быть вставлено в комментарии к диалогу героев: “The painter laughed. “I don’t think there will be any difficulty about that. Sit down again, Harry. And now, Dorian, get up on the platform, and don’t move about too much, or pay any attention to what Lord Henry says. He has a very bad influence over all his friends, with the single exception of myself.” Dorian Gray stepped up on the dais with the air of a young Greek martyr, and made a little *moue* of discontent to Lord Henry, to whom he had rather taken a fancy.” (Wilde, 2003. P. 26) Также примечательно, что читателю не даются прямые характеристики описываемого объекта, он видит Дориана или его портрет в уже переработанном восприятии автора виде; для создания такого эффекта О. Уайльд использует в тексте оценочные прилагательные: «He could see no change, save that in the eyes there was a look of *cunning* and in the mouth the

curved wrinkle of the *hypocrite*. The thing was still *loathsome*—more *loathsome*, if possible, than before—and the scarlet dew that spotted the hand seemed brighter, and more like blood newly spilled.» (Wilde, 2003. P. 296).

Вторая группа описываемых объектов – это предметы роскоши, которые находятся в доме Дориана Грея. Необходимо заметить, что количество таких описаний значительно превышает количество описаний героя и его портрета. Писатель использует прием экфрасиса для изображения самых различных вещей: полотняный экран, бокал, покрывала, сундук, лампа: “The screen was an old one, of gilt Spanish leather, stamped and wrought with a rather florid Louis XIV pattern.” (Wilde, 2003. P. 128); “It was a small Chinese box of black and gold dust lacquer, elaborately wrought, the sides patterned with curved waves, and the silken cords hung with round crystals and tasseled in plaited metal threads.” (Wilde, 2003. P. 246)

Отдельно следует отметить обширное описание вещей, которые составляли коллекции Дориана (редкие музыкальные инструменты, драгоценные камни и легенды о них, диковинные вышивки и ткани, церковные облачения), их описание занимает целых шесть страниц. Следует отметить, как мастерски О. Уайльд сращивает данные описания с историей жизни Дориана: “Then he turned his attention to embroideries and to the tapestries that performed the office of frescoes in the chill rooms of the northern nations of Europe. As he investigated the subject—and he always had an extraordinary faculty of becoming absolutely absorbed for the moment in whatever he took up—he was almost saddened by the reflection of the ruin that time brought on beautiful and wonderful things. He, at any rate, had escaped that. Summer followed summer, and the yellow jonquils bloomed and died many times, and nights of horror repeated the story of their shame, but he was unchanged. (Wilde, 2003. P. 185)”; “For these treasures, and everything that he collected in his lovely house, were to be to him means of forgetfulness, modes by which he could escape, for a season, from the fear that seemed to him at times to be almost too great to be borne.”(Wilde, 2003. P. 189)” Отдав портрету возможность жить духовной жизнью, Дориану ничего другого не оставалось кроме как провозгласить культ жизни чувственной. Юноша пытался создать новую форму гедонизма, целью которого будет опыт, именно чувственный опыт сам по себе, а не плоды его, потому что жизнь это ни что иное как преходящее мгновение: “it was to teach man to concentrate himself upon the moments of a life that is itself but a moment.” (Wilde, 2003. P. 176) Но, несмотря на увлеченность Дориана материальными вещами, он часто испытывал всепоглощающий страх, вспоминая об ужасном портрете, запертом в отдельной комнате. Вероятно, именно потому, что душа и совесть его находились отдельно от тела, заключенные в портрете, он и искал излечения от своего страха в прекрасных по своей красоте вещах.

В романе О. Уайльда не раз отмечали эстетское любование вещицами, выражающееся к тому же весьма прямолинейно, но подобное изобилие

описаний представляется вполне обоснованным, как только читатель начинает задумываться, для чего это было сделано. С помощью таких многочисленных экфрасических элементов автор низводит самого Дориана до уровня вещи, бездуховная жизнь превращается в еще одну коллекцию – на этот раз, всяких примечательных или занимательных эпизодов. Таким образом, портрет в романе получается более живым, так как он меняется, а значит, приобретает и какой-то опыт, а Дориан представляет собой картинку, которая научилась двигаться и говорить. Он испытывает определенные ощущения, но не в состоянии обрести опыт и сделать выводы.

Если снова обратиться к описаниям предметов, то можно отметить, что многие из них возникают в тексте совершенно неожиданно и даже могут показаться нарочитыми. Например, после убийства Бэзила Холлуорда, Дориан, выходя с чердака, обращается мыслями не к ужасному действию, случившемуся пару секунд назад, а к старинной мавританской лампе, которую он забыл взять с собой в библиотеку: «The friend who had painted the fatal portrait to which all his misery had been due had gone out of his life. That was enough.

Then he remembered the lamp. It was a rather curious one of Moorish workmanship, made of dull silver inlaid with arabesques of burnished steel, and studded with coarse turquoises.» (Wilde, 2003. P. 214-215) Опустившись до уровня вещи, Дориан и всех других людей начинает воспринимать как безделушки, поэтому смерть друга, который изменил всю его жизнь, не становится для него трагедией. Смерть равносильна утрате красивой вещицы, неприятно и обидно, но не катастрофично. Ведь почти такие же чувства Дориан испытывает, когда читает об утрате драгоценных вышивок и гобеленов: “he was almost saddened by the reflection of the ruin that time brought on beautiful and wonderful things...” (Wilde, 2003. P. 185).

В целом, описания предметов гораздо более распространенные и красочные, чем описания главного героя и его портрета и вводятся в текст они при помощи красочных эпитетов: «There was the huge Italian *cassone*, with its fantastically painted panels and its tarnished gilt mouldings, in which he had so often hidden himself as a boy.» (Wilde, 2003. P. 164) Следует так же отметить, насколько умело обращается О. Уайльд с палитрой, в его описаниях вещи начинают играть и переливаться всеми цветами радуги: «His eye fell on a large, purple satin coverlet heavily embroidered with gold, a splendid piece of late seventeenth century Venetian work that his grandfather had found in a convent near Bologna.» (Wilde, 2003. P. 160) Рассматривая данную группу можно заметить, что автор не использует при создании экфрасиса никакой оценочной лексики, предметы статичны, они не подвержены изменениям.

Для того чтобы определить функцию, которую выполняют данные виды описаний, их необходимо рассматривать в противопоставлении друг с другом. И

сам Дориан и все так мастерски изображенные автором предметы, безусловно, обладают одной общей характеристикой – они красивы. Эти вещи совершенны и не несут в себе никаких пороков или добродетелей, их ценность в их неизменности. Статичность Дориана Грея – лишь фикция, поэтому зачем описывать того, чья неизменность однобока, обманчива и лжива? Картина становится новой формой существования души Дориана вне его тела. На ней отражается тот жизненный опыт, который должен был приобрести в течение своей жизни Дориан. Именно потому описание картины создается при помощи оценочных прилагательных, чтобы показать, что это не просто предмет искусства, но душа человека, чьи поступки могут и должны быть оценены. А описания Дориана скупы и редки, так как он в качестве вещи не представляет особого интереса, без своей души – он просто симпатичная вещица. Таким образом, автору с помощью экфрасиса удастся разграничить в произведении нравственную жизнь Дориана – жизнь его портрета и бездушное существование самого молодого человека, погруженного в чистую эстетику многообразных материальных манифестаций искусства.

Литература

Ланн, Жан-Клод. О разных аспектах экфрасиса у Велимира Хлебникова // Экфрасис в русской литературе. М.: МИК, 2002.

Цимборска-Лебода М. Экфрасис в творчестве Вячеслава Иванова (Сообщение – Память – Инобытие) // Экфрасис в русской литературе. М.: МИК, 2002. С. 53-70.

Франк, С. Заражение страстями или текстовая "наглядность": Pathos и ekphrasis у Гоголя // Экфрасис в русской литературе. М.: МИК, 2002. С. 31-41.

Wilde O. The Picture of Dorian Gray. М.: Менеджер, 2003.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК СТРУКТУРА ОБРАЗА АВТОРА В РОМАНЕ Й. БОБРОВСКОГО «ЛИТОВСКИЕ КЛАВИРЫ»

В статье анализируются повествовательные формы в романе Йоганнеса Бобровского «Литовские клавиры»: эпическая и лирическая в структуре образа автора. Анализ в таком аспекте позволяет полнее понять нравственно-философскую позицию писателя и его эстетический вклад в мировую литературу.

Ключевые слова: *Йоганнес Бобровский, «Литовские клавиры», эпическая и лирическая формы повествования, образ автора.*

Творчество Йоганнеса Бобровского (1917-1961), одного из замечательнейших немецкоязычных поэтов и писателей шестидесятых годов, представляет яркое, вместе с тем сложное явление в литературе, однако до настоящего времени остаётся малоизученным. Большинство интересных работ, как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении, посвящено тематическому своеобразию его наследия (Wolf, 1967. С. 21-22; Калныня, 1972. С. 270; Ратгауз, 1966. С. 123). Исследователями отмечается гуманистическая направленность творчества Бобровского (Гирнус, 1969. С. 222-225), стилистическое своеобразие писателя (Львов, 1969. С. 9; Streller, 1974. S. 117; Beresina, 1974). Хотя сделан целый ряд интересных отдельных замечаний и наблюдений, повествовательная форма романа не подверглась системному литературоведческому анализу. Именно этот аспект представляется наиболее важным, так как исследование повествовательной формы даёт возможность изучить особенности образа автора, в структуре которого проявляется философско-эстетическая позиция писателя.

Своеобразие повествовательной формы обусловлено особенностями созданного им образа автора, обладающего сложной структурой, представляющей собой синтез определённых традиций эпического повествования, а также своеобразный сплав эпического и лирического. Это обусловлено особенностью творческого задания автора, связанного с решением проблемы «вины немецкого народа перед своими восточными соседями», как он сам сформулировал (Bobrowski, 1967. С. 25). Сознание «вины» предполагает неразрывную органическую связь современника немца со своим народом, с историей и чувство ответственности за судьбы людей, за ход истории, за мир. В художественном мире Й. Бобровского это сознание «вины» осуществляется в эпическом единстве автора с этим миром. Однако эпическое не нравственное бытие должно быть наполнено нравственным, личным содержанием. (Образ

пустой комнаты, проходящий лейтмотивом). Так возникает необходимость лирического начала.

Решение грандиозных задач, стоящих перед искусством XX века: преодоление хаоса бытия, установление нового контакта с жизнью, поиска нравственной опоры своего бытия в мире отчуждения и распада старой системы ценностей, осмысление бытия в его целостности, воссоздания нарушенного единства мира, – под силу только эпосу. Творчески перерабатывая опыт модернистов, отразивших кризис и распад старого личностного идеала, романисты XX века создают новую эпическую структуру, вступающую в диалог с трагическим опытом XX столетия и спорящую со скептической позицией модернизма. Так, в романе А. Дёблина «Берлин. Александерплац» форма повествования внешне сходна с джойсовской. Однако функция потока сознания здесь иная: воплотить живое единство человека и внешнего мира (Рымарь, 1978. С. 50), просветлить действительность, в то время как модернисты её затемняли.

Тема «не преодолённого прошлого», намеченная В. Борхертом, становится так же центральной в творчестве В. Кёппена, Г. Бёлля, П. Шаллюка.

Большой вклад в развитие эпической формы и разработку этой темы внёс Й. Бобровский. Его концепция «вины» предполагает сознание неразрывного единства с народом, историей, и чувство ответственности за ход истории, за судьбы людей. Такое понимание требует активной творческой позиции человека в мире. Знать и помнить о прошлом имеет смысл для человека, действующего и сознательно строящего будущее. Это обуславливает необходимость создания новой эпической концепции человека и мира.

Неразрывная органическая связь человека со своим народом и историей становится центральной идеей всего художественного мира Бобровского, определяя структуру образа автора в романе. Эпическая позиция автора обнаруживается в его органической причастности людям, вещам, обстановке, природе, быту. Автор принимает этот мир, с любовью созерцая родные ландшафты, он воспеваает каждый холмик, каждое деревце, каждую травинку. Но красота была бы мёртвой без людей, его соотечественников, с которыми он неразрывно связан в едином пространстве. Близость автора к героям обнаруживает местоимение *wir* (мы). Автор приближается к своим героям, сливаясь с ними так, что их речь окрашивается авторскими интонациями. Имеется и другая форма, когда речь героя, «чужое» слово проникает в речь автора. Несобственно-прямая речь переходит в речь повествователя. Так, проникновение «чужих» слов в интонацию автора воссоздаёт многоголосую атмосферу субботнего базара. Но слияние героя с автором не делает героя лирическим: его сознание не становится исходным пунктом изображения (Рымарь, 1978. С. 62). Автор, примеряя чужие точки зрения, свободно меняет их,

то приближаясь к герою, то дистанцируясь. Автор ищет ту гуманистическую субстанцию, на которую можно опереться, которая даст силы выстоять и противостоять надвигающейся опасности возрождения варварских обычаев его далёких предков. Такую опору он видит в своих героях – горшечнике, Фойгте, Гавене. Вместе с тем позиция автора намного шире: она выявляется всей субъектной организацией текста.

Одной из форм авторского овладения миром является приобщение читателя к действию. Автор сознательно выступает на передний план, демонстрируя свою близость народу и этому миру. Такая позиция берёт свои истоки в традициях устного рассказывания (Мущенко, 1978. С. 29). Однако у Бобровского автор эпически персонален. Из эпического единства его выделяет глубоко личное чувство, ответственности за ход истории, за судьбы людей.

Осваивая эпический мир, автор подчиняет его себе. Так же происходит и с художественным временем. Время: прошлое – настоящее – будущее автор воссоздаёт как исторический континуум. На события дня нынешнего автор смотрит, оглядываясь в далёкое прошлое и с тревогой всматриваясь в будущее. Прошлое неизменно присутствует в романе. В прошлом автор находит объяснение настоящему. В деяниях германского Рыцарского ордена, осуществившего насильственную колонизацию литовских земель, он видит корни нынешней (1936 года) политики фашиствующих кругов. В истории всё взаимосвязано. Нельзя забывать об уроках истории, иначе зловещее прошлое может повториться. Не случайно убийство Юзупайта происходит на том месте, где стояла крепость Рыцарского ордена.

Обращение к прошлому имеет глубоко нравственный смысл: найти в прошлом те ядовитые зёрна, которые теперь дают свои зловещие всходы. Однако в прошлом автор находит и нравственную опору. Простая жизнь большого гуманиста, литовского поэта Кристинаса Донелайтиса питает надежду автора на будущее без страха.

При всей своей органической целостности мир Бобровского не предстаёт однородным. Его раздирают внутренние противоречия. Уже в первой главе происходит драка в трактире. Эта драка в художественной системе Бобровского становится символом распада единства мира. Граница, разделяющая литовскую и немецкую деревни, не только территориальная. Она проходит через сознание, обычаи, сердца людей. Две силы действуют в мире Бобровского, два противоположных полюса. На одном полюсе там, где во главе стоит местный фюрер Нейман, углубляют эти границы, пытаясь разжечь национальную вражду. На другом – в это время работают над устранением границ: немцы Фойгт и Гавен и литовец Пошка создают оперу о литовском поэте Кристинасе Донелайтисе, жившем двести лет назад.

Фойгт и Гавен продолжают гуманистические традиции, заложенные Гердером и Гёте. Они живут в органическом единстве с миром, в котором не существует разделяющих границ. Это – герои «пути» (Лотман, 1968. С. 10). Значительную часть сюжетного времени они находятся в дороге. Фойгт и Гавен едут к Пошке в литовскую деревню, чтобы вместе работать над оперой о народном литовском поэте, деревенском пасторе и мыслителе. Фойгта вдохновляет скромная жизнь деревенского пастора, его неиссякаемая вера в лучшие времена. Поэма Донелайтиса, написанная на литовском языке для литовского народа во времена жестокого феодального гнёта, сама по себе являлась патриотическим подвигом (Гинейтис, 1956. С. 7). Донелайтис не знал границ, он мечтал о единении народов, но без национального господства. Боролся за чистоту нравов, которая нарушалась проникновением немцев, но не был врагом немцев. Его творчество, пережив века, перешагнуло через временные и национальные границы. Фигура поэта – образец, по которому Фойгт, Гавен и Пошка творят свою жизнь, повторяя его подвиг. Они ясно осознают приближающуюся опасность, но смело смотрят ей навстречу, не прячась от жизни в раковины отвлечённых литературных рассуждений. Они смотрят вдаль, в будущее, и опорой в их подвижничестве становится сама жизнь. Веру Фойгта в поступательное движение истории питает его эпическое единство с жизнью.

Столкновение двух миров, двух позиций находит своё воплощение в праздниках, которые совпадают не только во времени, но и в пространстве: «луг метров в двести». Совпадение позволяет острее обнаружить отличие. Оба праздника опираются на национальные традиции. Однако цели у них разные. Нейман, играя на национальных чувствах, раздувая их, пытается довести до национальной вражды и ненависти. Ему удаётся спровоцировать драку между немцами и литовцами, в ходе которой литовец Антанас, защищаясь, убивает немца Варшокса. Из столкновения двух противоборствующих миров сегодня победителями выходят приспешники Неймана. Но в поэтическом мире Бобровского есть силы, способные противостоять угару шовинизма. Духовной опорой оказывается изначальная гуманность, заложенная в поэме Донелайтиса, олицетворением которой является сам поэт. Для автора такой духовной субстанцией становится вся гуманистическая культура, уходящая корнями в восемнадцатый век и Античность. Несмотря на поражение, автор и его герои не теряют присутствие духа. Фойгт, Гавен и Пошка продолжают работать над оперой.

Мудрое эпическое спокойствие, которое создаётся у человека после большого горя и катастроф (Лосев, 1960. С. 165), переживает и автор, несмотря на то, что тень угрозы уничтожения культурных ценностей нависает всё гуще. Автор и его герои не теряют надежду на время без страха. Эпическое спокойствие коренится в их нравственной позиции: в их вере в мир, людей,

историю, прогресс. Так реализуется «принцип надежды», сформулированный ещё Ф. Гёльдерлином и воплощающий веру поэта в светлое будущее, в котором осуществится его идеал свободы и равенства людей. Обнадёживающая перспектива в художественном мире Гёльдерлина находится в вечности, в природе, единой и общей для всех, с законами, которые для всех равно действительны (Берковский, 1966. С. 55). В художественном мире Бобровского обнадёживающая перспектива – в самой жизни, и нужно только осознать это. Художник наполняет действительность нравственным содержанием, оживляет её личным творческим участием.

Автор в поэтическом мире Бобровского – субъект активного нравственного переживания действительности, открывающего её гуманистический потенциал. Это обуславливает роль лирического элемента в структуре образа автора.

Автор строит мир как эпическое самостоятельное целое, развивающееся по своим внутренним законам. Но автор здесь не просто эпический повествователь. Он наполняет мир своим личным отношением, своей причастностью этому миру. Так в структуре образа автора реализуется его нравственная позиция. Само решение проблемы «вины» требует нравственной самостоятельности. Эпическая связь автора с миром, с людьми получает лирический аспект, который реализуется в структуре образа автора. Исходным пунктом изображения становится сознание автора. Автор выступает как лирический субъект. Он деформирует, членит действительность и организует в соответствии со своим восприятием и пониманием.

Прозе Бобровского присуща внутренняя органичность, поэтичность, музыкальность, подобно стиховой. Здесь причудливо сочетаются мотивы литовских народных песен с ритмами Гёльдерлина. Сходство в способе речевого лирического членения свидетельствует о близости лирических субъектов по духу и мировосприятию. Для поэзии Гёльдерлина характерно движение жизни вперёд, «вся его поэзия обращена к будущему», – отмечал Н.Я. Берковский (Берковский, 1966. С. 57). На такой вере в будущее строится общая мелодия поэзии Бобровского. В ней слышится противоборство двух тем: «тьмы» и «света». Несмотря на то, что лирический мир автора окрашен в мрачные тона, которые связаны в сознании лирического субъекта с позорным и трагическим прошлым далёких предков, здесь много света и светотеней. Свет находится в динамике: *geht, verändert sich, kommt, fährt* (идёт, изменяется, приходит, едет), и воспринимается как сама жизнь, вечная, непреходящая. Свет и тьма становятся образом внутреннего состояния автора: осознание автором трагизма жизни и, несмотря на это, глубокая вера и надежда на время без страха.

Но мрак не рассеется сам собой с наступлением дня. Отсюда в мироощущении лирического субъекта – озабоченность и тревога. В его

сознании детали наполняются личным нравственным содержанием. «Расчленённая предметность выступает в качестве строительного материала для создания картины, образа внутреннего мира субъекта» (Рымарь, 1978. С. 66). Автор нигде не рассуждает о жизни, о своих переживаниях. Ёмкий образ того времени создаётся через предельно редуцированную деталь. Так, в трактире, когда Элизат запел литовскую песню, Ленувайт ударил его кружкой по голове, когда старик упал, стал говорить над ним речь, «такую, как это теперь принято». В этой детали не только указания на действия Ленувайта, но и характеристика духовной ситуации того времени. Нормой становится агрессивное проявление нетерпимости к представителям другой культуры. Деталь, указывающая на то, что Ленувайт «уже три года носил сапоги», также содержит характеристику напряжённого предвоенного времени. Случайные детали, выхваченные заинтересованным взглядом лирического субъекта, передают его внутреннее состояние глубокой тревоги за национальную культуру.

Необходимо осмыслить прошлое, чтобы понять, когда это началось. Память лирического субъекта обращается к прошлому. Тени французов, появившиеся на военной дороге прошлых лет, – и напоминание, и предостережение. Не случайно Юзупайта убивают на том месте, где раньше стояла крепость Рыцарского ордена. Суть действий новоявленных фюреров и германских рыцарей одна и та же – преступление против человечества. Мрачное прошлое вернётся, если забыть о нём. Образ истории становится у Бобровского нравственной проблемой, которую каждый должен решить для себя сам.

Бобровский создаёт новую форму лирического членения, задача которого заключается не в утверждении внутренней суверенности личности, противостоящей внешнему миру, как в романах А.Дёблина и В.Кёппена. Лирический субъект Бобровского – часть этого мира, он в изначальном единстве с этим миром. Он и его герои осознают свою личную ответственность за мир, в котором живут. Однако осознание своей вины ещё не означает её искупление. Мир требует активного творческого участия. Автор наполняет мир домами, улицами, садами, вещами и, конечно, людьми, без которых этот мир мёртв (мотив пустой комнаты).

Особое место занимает в романе образ Пошки, в активной творческой позиции которого автор находит свой идеал, он сливается с его позицией, растворяясь в нём. Подобно тому, как автор силой своего воображения помещает Пошку на Тригонометрическую вышку, наблюдательный пункт, который реально существует, Пошка оживляет поэтический мир Донелайтиса. Герои его поэмы обретают свои лица и голоса. Пошка переживает с Донелайтисом его последний день. Донелайтис до последнего дыхания мысленно со своими клавирами, в которые он вложил свою душу и любовь. В своём поэтическом наследии он продолжает жить.

Но Пошка не может остаться в прошлом. Настоящее требовательно входит в его сознание. Полностью раствориться в образе пастора и поэта, и значит, уйти из настоящего Пошке не позволяет тревожный звук тяжёлых и торопливых шагов за спиной. Вот уже слышится чьё-то дыхание, кто-то ощупью взбирается по лестнице к нему на Тригонометрическую вышку. Рёв, похожий на рычание, заглушает тихий голос умирающего поэта и возвращает Пошку в суровую действительность. «Горлопан» из шайки Неймана сбрасывает его вниз, сопровождая падение издевательскими пожеланиями. Пошка понимает, что нельзя уходить в прошлое, нужно жить настоящим. Зло слишком активно, с ним нужно бороться здесь, в настоящем. Звать людей сюда, в наше настоящее. Здесь тьма и мрак, но там вдали (это видно Пошке и автору) сквозь темноту брезжит свет.

В заключение следует признать, что анализ одного произведения не может дать полного представления о творческом наследии немецкоязычного писателя и поэта Й. Бобровского, его нравственно-эстетическом вкладе в мировую литературу. Для этого требуется исследование его творчества в полном объёме. Однако метод исследования художественного произведения в аспекте анализа повествовательных форм представляется плодотворным и в отношении отдельных произведений, поскольку позволяет представить произведение не только как результат деятельности художника, но и как становящийся смысл, вырабатываемый художником в его диалоге с миром.

Литература

- Bobrowski J. Litauische Claviere. Roman. Leipzig: Reclam Verlag, 1993. 119 s.
- Bobrowski, J. Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk. Berlin: Union Verlag, 1966. 255 s.
- Beresina A. Johannes Bobrowskis Roman «Litauische Claviere». Weimarer Beiträge. Berlin-Weimar. 1974. Jg. 20. № 5.
- Streller S. Zeit und Verantwortung. Selbstzeugnisse und Beiträge. Berlin. 1974. S. 113-127.
- Wolf, G. Johannes Bobrowski: Leben und Werk. Berlin, 1967. 123 s.
- Берковский Н.Я. Ф. Гёльдерлин // История немецкой литературы. Т. 3. М., 1966.
- Гинейтис Л. Кристинас Донелайтис его поэма «Времена года». Вильнюс, 1956.
- Гирнус В. Красные розы Йоганнесу Бобровскому // Иностранная литература. 1969. № 2. С. 222-226.
- Калныня Д.Я. Знакомство с писателем – знакомство с критиком // Иностранная литература. 1972. № 10. С. 270-272.

Львов С. Последняя книга Й. Бобровского // Иностранная литература. 1969, № 4. С. 8-11.

Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960.

Лотман Ю.М. Проблемы художественного пространства в прозе Гоголя // «Учёные записки Тартуского госуниверситета». 1968, вып. 209.

Муценок Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик. Поэтика сказа. Воронеж. 1978. 217 с.

Ратгауз Г. Время надежды. // Вопросы литературы. 1966. № 11. С. 120-124.

Рымарь Н.Т. Современный западный роман. Проблемы эпической и лирической формы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 1978. 127 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В статье представлена особая роль монологического высказывания как одного из главных видов речевой деятельности. Перечисляются основные характеристики текста в целом и взаимосвязь понятий «текста» и «монолога». Рассматриваются различные классические варианты определения монолога с лингвистической, коммуникативной и психологической точек зрения. В связи со сложной организацией монологической речи, дается ее развернутая характеристика с учетом всех необходимых составляющих аспектов и признаков данного понятия.

Ключевые слова: *текст, монологическое высказывание, речевая деятельность, дискурс*

Монологическое высказывание, представляя собой многоаспектную проблему, является предметом изучения разных наук. Психологи, лингвисты, методисты достаточно полно рассмотрели такие вопросы, как коммуникативные, психологические и лингвистические особенности монологического высказывания, композиционно-речевые формы, функционально-смысловые типы речи, обучение неподготовленной монологической речи (В.Л. Скалкин, А.А. Леонтьев, П.Б. Гурвич, И.А. Зимняя, Н.А. Баташов, Н.В. Долгалова, Г.Ф. Долбеева, О.А. Нечаева, И.В. Кочергин, О.И. Москальская, М.А. Нуждина и др.).

Термин «высказывание» используется для обозначения коммуникативно законченного отрезка информации, состоящего из одного или нескольких предложений, связанных по смыслу единой темой, структурно и композиционно (Пассов Е.И.). Рассматривая высказывание как текст, О.И. Москальская выделяет два критерия, имеющих значение для текста, а именно: «критерий смыслового единства» и «функциональный критерий коммуникативной значимости».

Целостность как одна из важнейших характеристик текста, складывается из трех составляющих: смысловой (единство темы), коммуникативной (тематическое членение) и структурной. О.И. Москальская указывает, что существуют внешние сигналы целостности текста. Структурная целостность может быть маркирована «местоимениями, местоименными наречиями, выбором артикля, употреблением времен и т.д.»

Вслед за В.В. Виноградовым определим монолог как «продукт индивидуального построения, выступающей особой формой стилистического построения речи». Он является организованной системой облеченных в словесную форму мыслей, характеризуется преднамеренным воздействием на окружающих и поэтому существенно отличается от диалога особенностями логико-психологического порядка.

В отличие от диалога монолог как длительная форма воздействия на слушателя впервые был выделен Л.П. Якубинским. В качестве дифференциальных признаков этой формы общения автор называет:

обусловленную длительностью говорения связанность
построенность речевого ряда
односторонний характер высказывания, не рассчитанный на немедленную реплику партнера
наличие заданности, предварительного обдумывания.

Определение монолога Г.В. Роговой во многом тождественно определению, данному В.В. Виноградовым, а именно: «монолог является такой формой речи, когда ее выстраивает один человек, сам определяет структуру, композицию и языковые средства».

Таким образом, монологическое высказывание является своего рода продуктом индивидуальным, имеющим свои характерные особенности, но во многом зависящем, особенно в структурном и смысловом плане, от человека.

Как отмечает Н.Д. Гальскова, монолог представляет собой «относительно развернутый вид речи, при котором мало используется невербальная информация».

Все последующие исследователи связной монологической речи, обращаясь к выделенным Л.П. Якубинским признакам (связанность, построенность речевого ряда, односторонний характер высказывания, предварительное обдумывание) акцентируют внимание или на лингвистических, или на психологических характеристиках монолога.

Под «монологическим высказыванием» мы будем понимать, вслед за Е.И. Пассовым, такой отрезок речи, который «находится между двумя соседними высказываниями и обладает определенными параметрами».

Авторы «Лингвистического Энциклопедического словаря» определяют монологическое высказывание как «форму речи, образуемую в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредственное восприятие».

Наиболее полное определение монологическому высказыванию дает Г.Я. Зимина. Она определяет данное понятие следующим образом: монологическое высказывание – это «системная коммуникативная единица монологической речи, которая, будучи цельным, функционально, структурно и тематически завершенным, логически связанным минимальным тематическим высказыванием, представляет собой сложное единство высказываний, объединенных общей коммуникативной целью, темой, синтаксическими и стилистическими особенностями и используемое в устной и письменной формах общения». Данное определение включает в себя основные лингвистические характеристики, необходимые при описании особенностей монологического высказывания. Рассмотрим эти особенности подробно.

Относительно грамматической структуры монологического высказывания следует заметить, что, если оно контекстно, «то есть сообщает о чем-то, неизвестном слушателю, то должно быть оформлено более полно, чтобы быть вполне понятным на основе собственного предметного содержания».

В отличие от категории цельности, относящейся к смысловому плану сообщения, категория связанности характеризует внешний план и проявляется: семантической и грамматической зависимостью предложений
порядке слов в предложениях
интонационном оформлении
особой системе паузирования
соотнесенности предложений по длительности звучания

Л.С. Выготский характеризует монологическое высказывание как «высшую форму речи, исторически развивающуюся позднее, чем диалог». Специфику монолога (как устной, так и письменной его формы) Л.С. Выготский усматривает:

в его особой структурной организации
композиционной сложности
необходимости максимальной мобилизации слов.

Таким образом, учитывая тот факт, что монологическое высказывание развилось позже, чем диалог, мы можем сделать вывод о том, что оно сложнее диалога, как в структурном, так и в содержательном аспекте.

С.Л. Рубинштейн, развивая учение о монологическом высказывании, в первую очередь отмечает, что строится оно на умении раскрыть мысль в связанном речевом построении. Сложность монологической речи он объясняет потребностью «передать в речевом плане более или менее обширное речевое целое, предназначенное для постороннего слушателя и ему понятное».

Для того чтобы получилось полноценное монологическое высказывание, необходимо связать, сгруппировать предложения между собой по определенным правилам, существующим в языке. С этой точки зрения, любое монологическое сообщение представляет собой совокупность опорных, коммуникативно сильных исходных предложений, обладающих признаками самостоятельности и коммуникативно слабых внутренних предложений, несущих в себе признаки подчиненности, зависимости (содержание такого предложения вне текста непонятно).

Целый рассказ или его отдельная смысловая часть, по мнению Л.М. Лосевой, «начинается абзацными, или опорными, предложениями. Они обладают особой ритмомелодикой и составляют основное смысловое и структурное ядро (модель) текста, поскольку в них наиболее отчетливо выступает тема, развиваемая в последующих, коммуникативно слабых предложениях». Благодаря умению применять правила перехода возможна дальнейшая развертка и конкретизация как грамматических, так и синтаксических структур.

Исключительно плодотворной для развития теории связной речи явилась мысль Н.И. Жинкина о «правилах внутренней, смысловой организации текста, отражающей ход мысли говорящего».

Г.Я. Салганик, развивая идеи Л.С. Выготского о правилах движения смыслов, дающих не их сумму, а новые смыслы, выделяет два, по сути дела, универсальных закона движения мысли в тексте: «через субъект» и «через предикат». Сформулированные автором правила объединения смысловых отрезков явились базовыми для типологии текстов и их подразделения на тексты цепной и параллельной организации.

В текстах цепной организации мысль каждого последующего предложения вытекает из мысли предыдущего предложения. Смысловая связь в таком тексте обеспечивается тем, что в двух соседних предложениях говорится об одном и том же предмете, а развитие мысли осуществляется или за счет появления новых предметов речи, или за счет предикатов, т.е. того нового, что сообщается о новом предмете. Таким образом, разрозненные предложения превращаются в единое цельное сообщение.

В данном случае речь идет о тема-рематическом членении, о котором упоминалось выше. Своеобразие монологического высказывания заключается в том, что оно обладает преемственностью микротем, которые объединены одной гипертемой. Кроме того, для коммуникативной организации монологического текста характерна завершенность составляющих, иначе говоря «тема и рема входят в состав одного предложения, тогда как в диалогическом тексте, где звеном коммуникативной прогрессии является вопросно-ответное единство, тему содержит вопрос, а рему-ответ».

В текстах параллельной структуры все предложения объединяются их смысловой направленностью на описание одного предмета сообщения. Такой предмет характеризуется с разных сторон.

А.А. Леонтьев, соединяя два понятия: «монолог» и «текст», ввел новое понятие – «текст монологической речи», выделив в качестве основных его характеристик цельность и связность. Цельность он соотносит с внутренним, смысловым планом текста, тогда как категорию связанности характеризует внешний, языковой план.

Цельность рассматривается как психологическая категория, заключающаяся в намерении говорящего реализовать задуманное по четкому, последовательному, продуманному плану. Такое намерение обеспечивается умением осуществлять два вида планирования: планирование всего рассказа как речевого целого, т.е. создание «большой программы» монологического сообщения, и планирование каждого отдельного предложения, входящего в состав текста, т.е. составление, так называемых, «малых программ».

Показателями цельности текстового сообщения на внешнем, языковом уровне чаще всего выступают: семантические указатели начала, продолжения,

конца речи, единство видо-временных форм глагола, особая система коммуникативных сигналов и даже уровень громкости и т.д.

Важной для понимания организации процесса связной речи является точка зрения А.Р. Лурии, считающего, что актуализация полной формы механизма порождения присуща самостоятельной, инициативной монологической речи. В тех же случаях, когда имеется заданность смысловых (как, например, при составлении рассказа по наглядной ситуации) или лексико-грамматических компонентов (составление рассказа по опорным словам), актуализируются только отдельные его звенья.

Так как порождение смыслового высказывания, это процесс, включающий в себя совокупность актов кодирования и декодирования, а говорящий является лицом, умеющим одновременно слушать и понимать, то следует остановиться и на вопросе восприятия и понимания речевого высказывания.

Процесс смыслового восприятия речевого сообщения содержит переход от воспринимаемой развернутой речи к ее свернутой форме, переход от внешней языковой структуры сообщения к внутреннему смысловому плану. Этот переход происходит за счет выделения в текстовом сообщении «смысловых вех», или «опорных пунктов», которые во внутренней речи становятся выражением содержания смысловых отрезков рассказа.

Учитывая сложную организацию устной монологической речи, А.А. Леонтьев делает вывод о необходимости специального речевого воспитания, направленного как на формирование умений, связанных с произвольностью и развернутостью, так и на формирование речевых умений, касающихся структурной организованности текста монологического высказывания. Одной из первостепенных задач, связанных с обучением связной речи, является задача нахождения средств демонстрации внутреннего, смыслового плана сообщения, поскольку это позволило бы «объективировать наше интуитивное ощущение смысловой структуры и смысловой насыщенности текста».

Таким образом, монологическое высказывание представляет собой определенную композиционную сложность, которая являет собой нечто самостоятельное, где существенным становятся именно расположение и последовательность речевых единиц. Монологическое высказывание с точки зрения лингвистики характеризуется: многосоставностью предложений, развернутостью высказываний. Для него характерны усложненный синтаксис, разноструктурность предложений.

Литература

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 18-19.

Выготский Л.С. Вопросы общей психологии. М.: Академия, 1999. С. 175.

Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учебное пособие для студентов / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2007. С. 126.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: Академия педагогических наук, 1960. С. 245.

Зими́на Г.Я. обучение старшеклассников некоторым функциональным разновидностям монологического высказывания // Вопросы совершенствования процесса обучения иностранному языку в средней школе и вузе: Республик. сборник научн. ст. Горький, 1979. Вып. 3. С. 46.

Комарова Ю.А. Обучение устному иноязычному монологическому высказыванию при помощи вербальных опор. СПб.: КАРО, 2008. С. 208.

Леонтьев А.А. К определению речевой ситуации // Общая методика обучения иностранным языкам.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Академия, 2003. С. 114, 216.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 310.

Лосева Л.М. Как строится текст. М.: Академия, 1989. С. 106.

Лурия А.Р. Речь и мышление. М.: Педагогика, 1979. С. 204.

Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981. С. 152.

Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Рус. яз., 1989. С. 73.

Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному общению. М.: Просвещение, 1991. С. 176-177.

Рогова Г.В., Верещагина И.Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе. М., 1988. С. 139.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Просвещение, 1998. С. 96, 105.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М.: Педагогика, 1987. С. 93-97.

Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 45.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь / Под ред. Л.В. Щербы. М.: Педагогика, 1976. С. 102.

Boyer, William H. Education for the twenty-first century. San-Francisco: Caddo Gap Press, 2002. 264 p.

Canale, M. From communicative competence to communicative language pedagogy. Language and Communication, London: Longman, 1983. P. 2-27.

Mueller B.-D. Probleme des Fremdverstehens // Interkulturelle Kommunikation und Fremdverstehen. Dokumentation eines Werkstattgesprächs des Goethe-Instituts. Muenchen, 1983. P. 262-348 van Ek J. and Trim J. Threshold 1990. Cambridge University Press. 1998. 190 p.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОМ АНАЛИЗЕ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

В статье рассматривается структурный анализ эмоционально-экспрессивной лексики. Описываются различные словообразовательные модели, обладающие экспрессивностью.

Ключевые слова: структура словосочетания, словообразовательный анализ, словообразовательная модель, рациональная дескрипция, атрибутивная группа, сочинительная структура, семантический уровень, лексическая единица.

Лексические единицы, относящиеся к эмоционально-экспрессивной лексике, обладают различными степенями номинации: высокая и средняя степень выражения эмоций. Эмоции человека делаются осязаемыми для окружающих людей благодаря слову. Более того, слово или словосочетание может не только выражать эмоцию, но и само быть эмоциональным фактором, т.е. вызывать эмоцию. Таким образом, эмоция является и формой отражения реального мира, и предметом его отражения. Эмоциональное отношение неразрывно связано с оценкой, характером понимания окружающей действительности и является важной составной частью языковой модальности.

Рассмотрим словосочетания, которые обладают словообразовательной мотивированностью. Таким образом, можно проанализировать и структуру словосочетаний, которые обозначают положительные эмоции романах конца 19 и 20 веков, и определить какой элемент является эмоционально-окрашенным.

Для выражения эмоций человек широко пользуется специальными вербальными средствами. Так, выражения типа "how disgusting" (wonderful, charming, splendid!, etc.) используются не для регистрации и констатации рациональных дескрипций, а для выражения эмоций говорящих, т.е. их эмоциональных состояний и эмоциональных отношений. В романах «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома, «Великий Гэтсби» Фрэнсиса С. Фицджеральда, «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг лексические единицы, обозначающие положительные эмоции, представлены в виде междометий, отдельных слов и словосочетаний. Приведём примеры: "oh!", "super", "splendid", "a lovely place", "marvelous", "great!" (Jerome K. Jerome, 2002. С. 138-141).

Для понимания сути данного анализа, рассмотрим определение «словосочетания». О.С. Ахманова даёт следующую трактовку этого понятия: «словосочетание – единица синтаксиса, имеет собственную форму; называет

предметы с их признаками, действия с их объектами или характеристиками. Это подчинительное соединение двух (или более) однозначных слов, из которых одно главное, другое – зависимое, подчинённое» (Ахманова, 1966. С. 419). Словосочетания выражают эмоции не только на семантическом уровне, но также при помощи своих различных структур, элементов, особенности которых влияют, на наш взгляд, на передачу определенной эмоции, например, могут передавать ее более экспрессивно. Под структурой словосочетания мы будем иметь в виду расположение элементов (прилагательное, существительное, наречие) и их связь друг с другом. Отметим тот факт, что мы рассматриваем лишь те типы структур словосочетаний, которые несут в себе положительные эмоции в вышеуказанных романах Джерома К. Джерома, Фрэнсиса С. Фицджеральда и Хелен Филдинг.

Структура словосочетания зависит от того, какие части в нём соединяются; оно оформляется различными видами связи (согласование, управление, примыкание).

В нашем случае, словосочетания, характеризующиеся экспрессией и эмотивностью, в качестве своей коммуникативной направленности несут выражение положительных эмоций, а именно восторга и восхищения. Мотивированность присуща далеко не всем лексическим единицам, а также – их внутренним формам (Кияк, 1989. С. 99). Это значит, что в словосочетании экспрессия может быть выражена в следующих случаях: 1) один из компонентов (элементов) структуры словосочетания является эмоционально-окрашенным, т.е. несёт в своём значении эмоцию; 2) хотя бы один из элементов словосочетания обладает мотивированностью своей внешней формы, т.е. фонетической или абсолютной; 3) один из компонентов характеризуется «морфологической, а точнее словообразовательной «мотивированностью» (Кияк, 1989. С. 100).

П.В. Царёв рассматривает модели лексических единиц, которые имеют структурные особенности, способствующие созданию выразительности в словосочетаниях. Наиболее важным среди таких особенностей являются следующие: «1) наличие в структуре сравнения; 2) необычность смысловых связей между компонентами слова в словосочетании; 3) наличие в составе слова компонентов (аффиксов, основ), обладающих определённой степенью выразительности» (Царев, 1987. С. 3).

Рассмотрим, как примеры из выборки согласуются с моделями, приведёнными П.В. Царёвым.

Разберём наличие сравнения в структуре слов выборки и определим таким образом тип структуры словосочетания. Сравнение как мыслительный акт и одновременно познавательная операция даёт возможность определить количественные и качественные характеристики предметов. В основе

сравнения, заключенного в словообразовательной модели, лежит выделение признака, общего для сравниваемых предметов. Выделение такого признака ведёт к усилению его экспрессивности, выразительности, что придаёт модели экспрессивный характер.

Рассмотрим такие лексические единицы “fairy-like” (Jerome K. Jerome, 2002. С. 168), “heroic-like” (Jerome K. Jerome, 2002. С. 201) в выборке. Они образованы по модели сравнения: «Adjective+like», где «adjective» – прилагательное, а суффикс «like» является сравнительным компонентом. Особенность данной модели заключается в том, что компонент модели – суффикс «like» выражает сравнение самим своим значением. Хотя данные примеры переводятся на русский язык в большинстве случаев при помощи одного слова (“fairy-like” – как “волшебный”, “сказочный”; “heroic-like” – “геройский”, “героический”).

Таким образом, при переводе на русский язык этих лексических единиц сравнения не наблюдается. Следовательно, можно заключить, что словосочетания, содержащие в своей структуре вышеописанные прилагательные, образованы по следующей схеме: «Adjective+like+Noun (объект, вызвавший эмоцию)» → (прилагательное + сравнительный компонент «like» + существительное).

И.П. Иванова отмечает, что сочетание прилагательного и существительного расшифровывается как атрибутивная группа (Иванова, 1981. С. 121). Приведём примеры, относящиеся к данной структуре словосочетаний: «It is the most fairy-like nook on the whole river» (Jerome K. Jerome, 2002. С. 102). Заметим, что сравнительный компонент «like» может отсутствовать, тогда модель выглядит следующим образом: «Adjective+Noun» (прилагательное + существительное (объект, вызвавший эмоцию)). Следующие словосочетания из романов, выражающие положительные эмоции могут подтвердить эту структуру: “the posh thing” (Jerome K. Jerome, 2002. С. 151), “the most exciting story” (Jerome K. Jerome, 2002. С. 51), “a brilliant idea” (Fielding Helen, 1996. С. 189), “what a joyous moment” (Fielding Helen, 1996. С. 162), etc.

Следующая структура словосочетаний, выражающих эмоции и эмоциональные состояния, представляет собой сочетание единиц одного морфологического класса, а именно «Noun1+Noun2» (объект, вызвавший эмоцию) состоят из слов одного морфологического класса, они «безошибочно классифицируются как подчинительные атрибутивные группы, в отличие от других сочетаний существительных, также состоящих из соположенных субстантивных единиц, которые идентифицируются как сочинительные структуры» (Медведева, 1989. С. 88). Заметим, что при переводе на русский язык «Noun1» (существительное в роли определения) в большинстве случаев передаётся как прилагательное. Приведём примеры словосочетаний,

образованных по модели «Noun1 + Noun2» (объект, вызвавший эмоцию)»: “she was a diamond girl”, “...just my heart song” (Jerome K. Jerome, 2002. С. 31), etc.

Отметим, что структуры словосочетаний: «Adjective+Noun (объект эмоции)», «Noun1+Noun2 (объект, вызвавший эмоцию)» могут в своей модели иметь наречия (“quite”, “very”, “extremely”, etc), которые призваны усилить образность, степень восторга и восхищения. Следующие примеры подтверждают это положение “...quite picturesque maze!”, “a very beautiful picture” (Jerome K. Jerome, 2002. С. 131), etc.

Таким образом, структуру таких словосочетаний, выражающих положительные эмоции в романах «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома, «Великий Гэтсби» Фрэнсиса С. Фицджеральда, «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг, можно изобразить следующим образом: «Adverb + Adjective+Noun» (наречие + прилагательное + существительное (объект, вызвавший эмоцию)).

Разнообразие методов и способов словообразования доказывает богатые возможности английского языка в создании новых лексических структур, передающих положительные эмоции по отношению к чему-либо. Следует также сказать, что исследование проблемы эмоциональности в художественной литературе предполагает комплексного подхода, а именно: выделение некоторых ключевых аспектов – экстралингвистического, лингвистического и лингвостилистического. При этом лингвистический аспект является центральным: данные, получаемые при исследовании остальных аспектов, объективируют семантическую интерпретацию проблемы эмоциональности в художественном стиле английского языка.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов (Текст). М., 1966. 516 с.

Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. (Текст). М.: Высшая школа, 1981. 389 с.

Кияк Т.Р. О видах мотивированности лексических единиц (Текст) // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 100-104.

Медведева Л.М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова (Текст) // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 88-90.

Царёв П.В. Экспрессивный потенциал словообразовательных моделей английского языка (Текст) // Иностранные языки в школе. 1987. № 1. С. 3-7.

Fielding Helen. Bridget Jones's Diary. London: Picador, 1996. 278 p.

Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog). М.: Изд-во ИКАР, 2002. 233 p.

ЛАКУНЫ В НОМИНАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье осуществляется интралингвистический подход к проблеме языковых лакун. Рассматриваются способы обнаружения лакун в номинационной системе английского языка и критерии лакунарности единиц английского лексико-фразеологического фонда.

Ключевые слова: лакуна, номинационная система языка, лексико-фразеологический фонд, парадигмальная ячейка, культурный сценарий.

Внедряясь в лексико-фразеологический фонд языка, заимствуемые единицы проходят долгий путь:

чужая единица → окказионализм → варваризм → неологизм → своя единица

Границы между этими стадиями вхождения единицы в язык определяются:

- (1) степенью ее ассимиляции,
- (2) частотностью ее употребления,

а потому они размыты. Единица соответствует определению «лакунарная» в наибольшей мере на второй стадии (на стадии окказионализма), но ввиду размытости границ этой стадии статус лакунарной единицы тоже в той или иной мере размыт. Трудно точно сказать, например, является ли форма Putinist окказионализмом, варваризмом или уже неологизмом английского языка, а ведь от ответа на этот вопрос зависит, считать ли эту единицу лакунарной в английском языке.

Сказанное касается не только заимствования, но и образования единиц внутри языка (с той разницей, что в этом случае речь не идет о варваризмах). Так, в результате широкого распространения мобильной связи возникло следующее культурное явление:

Some mobile users tend to make a virtue of the lack of privacy, enjoying and exploiting the presence of third parties as an opportunity to put something of themselves on display ... On a train, for example, a mobile can be used as a way of broadcasting a great deal of information to a captive audience ... Calls can be invented for the purpose, in which case the mobile can communicate even when it is not in use. On the train in Chicago, a young man talks on a mobile in some style. He's discussing an

important deal and at the same time trying to impress a group of girls ...It all goes well until disaster strikes: his phone goes off and interrupts him in mid-sentence, and his fictional deal is exposed. S.Plant. On the Mobile

Ввиду массовости и устойчивости данного явления в англосаксонской лингвокультуре возникла семантическая единица 'attemptingtoimpressnearbypeoplebytalkingon a cellphoneinanimated, theatricalmanner', а вместе с ней – и коммуникативная потребность в средствах его языкового выражения, обусловившая появление лакуны в номинационной системе английского языка. Спрос рождает предложение; для выражения данного значения нужные средства вскоре были созданы в англоязычной прессе:

- слово stage-phoning S.Plant. On the Mobile
- словосочетание mobile melodrama P.McFedries. Word Spy
- словосочетание cell yell J.Conarroe. Addicted to Talking

С тех пор эти номинаторы спорадически употребляются в речи, например:

Frequently seen in cafes, coffeehouses and airports, the Dealmaker speaks loudly and appears to prefer captive audiences. He may engage in ... stage-phoning, in which the caller is effectively performing for innocent bystanders. N.Schoenberg. Celljerks

Эти новоявленные, конкурирующие друг с другом номинаторы, скорее всего, пока находятся на стадии речевых окказионализмов, так что лакуна в системе языка, вероятно, еще не элиминирована. Но не исключена возможность того, что частотность употребления какого-либо из них уже достигла той цифры, которая позволяет считать, что он перешел в стадию неологизмов и тем самым вошел в язык, а значит, лакуна уже элиминирована. Поскольку упомянутая цифра точно не установлена, вопрос о лакуне остается открытым.

Проводившиеся в XX веке изыскания в области «алфавита атомов смысла» ((Болинджер, 1981), (Hofmann, 1974), (Wierzbicka, 1995) и др.) привели лингвистов к выводу о том, что лексико-семантическая система языка не носит жестко застывшего характера, в этом отношении отличаясь от фонологической и морфологической систем, гораздо более ригидных. Метафора «семантическая сетка, набрасываемая на мир», хромает: границы ячеек этой «сетки» зыбки, а потому лакуны в глобальном масштабе далеко не всегда легко установимы. Построить единую четкую матрицу в масштабе всего английского фонда номинативных единиц, подобную тем, которые строятся для фоно- и морфологического фондов, не представляется возможным.

Лакуны в номинативном фонде гораздо определеннее устанавливаются в локальном масштабе – в масштабе отдельных парадигм, которые выделяются по разным основаниям: синонимических рядов, словообразовательных гнезд, тематических групп, лексико-фразеологических полей.

Лексико-фразеологическое поле может быть представлено как языковое обеспечение культурного сценария (Плеханов, 1999. Глава III). Сценарий представляет собой план содержания поля, а комплекс языковых единиц – план выражения. Если элемент сценария не обеспечен языковой единицей (членом поля) – это и есть лакуна в поле.

Пока лакуна не элиминирована в рамках самого поля, она компенсируется с помощью члена другого поля (например, лис, т.е. самец лисы, по-английски называется dog) либо неустойчивого наименования (лúса можно назвать и переменным словосочетанием the male of a fox).

Таким образом, если подходить к вопросу в глобальном масштабе, рассматривая весь английский лексико-фразеологический фонд как макропарадигму, то окажется, что в нем нет лакуны, связанной с обозначением лúса: ведь она элиминирована словом dog, относящимся к этой же макропарадигме. Но в локальном масштабе (в поле «Лисица», трактуемом как микропарадигма) лакуна есть: ведь в нем она хоть и компенсирована, но не элиминирована, ибо слово dog относится к другой парадигме (к полю «Собака»). Подчеркнем еще раз: если лакуна заполняется в рамках самой парадигмы, то она элиминируется, а если она заполняется путем заимствования языковой единицы из другой парадигмы или путем создания неустойчивой (речевой) единицы, то она компенсируется, но не элиминируется в данной парадигме.

Поля в лексико-фразеологическом фонде языка выделяются не только на основании объективных критериев (тематической общности элементов, соотнесенности с единым сценарием, наличия формальных и семантических связей между членами), но и на основании прагматического критерия – поставленной научной задачи. И это не субъективизм, не произвол исследователя. Среди многочисленных и разнообразных связей в объекте анализа ученый вычленяет тот комплекс связей, который составляет предмет его научного интереса. Это методологический прием абстрагирования от нерелевантных для данного исследования сторон объекта. Такой прием вполне оправдан, он применяется в науке давно и регулярно. В соответствии с ним поля выделяются по разным основаниям. В частности, можно постулировать лексико-фразеологические поля, в которые войдут слова, устойчивые словосочетания и высказывания; номинативные поля, куда войдут лишь номинаторы (слова и словосочетания); лексические поля, куда войдут только слова; фразеологические поля и т.д.

Эти пояснения значимы для нашего исследования. От вида поля зависит способ выявления в нем лакун, вид лакун и их свойства.

Лексико-фразеологическое поле целесообразно выделять тогда, когда рассматривается языковое обеспечение культурного сценария (например, в лингвокогнитивном или лингвокультурологическом исследовании). Культурный сценарий обеспечивается словами, устойчивыми номинативными словосочетаниями и типовыми высказываниями (штампами, клише, стандартными формулировками и т.д.). Так, сценарий «Навигация» обеспечен не только номинаторами – названиями видов кораблей, частей такелажа, корабельных маневров и др., но и командами, и типовыми сообщениями: *Weighanchor* (рус. С якоря сниматься)! *Fullspeedahead* (рус. Полный вперед)! *Makesail* (рус. Поднять паруса)! *Dropsail* (рус. Спустить паруса)! *Manoverboard* (рус. Человек за бортом)! *Mineonport-beam* (рус. Слева по борту мина) и др. Лакуны в нем выявляются по принципу заполненности полевых ячеек, которые соответствуют узлам фрейма-сценария. Если ячейка не заполнена отдельным словом, но заполнена устойчивым словосочетанием, это нельзя считать лакуной в лексико-фразеологическом поле.

Номинационное поле целесообразно выделять в тех случаях, когда исследователя интересует номенклатура наименований в какой-либо тематической области (например, в терминоведческих изысканиях). Моно- и полилексемные номинаторы в нем равноправны (тем более что в английском языке граница между ними размыта). Лакуны, которые при этом обнаруживаются, называются номинационными лакунами. Как и в предыдущем случае, такая лакуна считается элиминированной независимо от того, заполнена ли ячейка лексическим или фразовым номинатором.

Лексическое поле целесообразно выделять в тех случаях, когда изучается степень значимости и устойчивости понятия / концепта в данной лингвокультуре. Как известно, самые значимые и устойчивые из них обычно десигнируются отдельными словами, за ними следуют те, которые означиваются устойчивыми словосочетаниями, а наименее устоявшиеся – переменными словосочетаниями. Хотя это отнюдь не жесткая корреляция и не единственная причина означивания семантических единиц отдельными словами, всё же упомянутая закономерность существует и заслуживает внимания. То, какие именно семемы составляют план содержания лексического поля, а какие в него не входят, показательны в плане установления ключевых понятий и концептов лингвокультуры.

Сопоставляя английский и русский языки в плане наличия / отсутствия тех или иных номинационных и выразительно-изобразительных средств, т.е. устанавливая, что в них выражено детально, что – менее детально, а что лакунарно, В.В. Набоков определил специфику каждого из этих языков:

«Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, всё нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная перекличка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов – всё это, а также всё относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным, многословным ... Эта неувязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но еще недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым гением, соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной свободой духа» (Набоков, 1989. С. 359).

В лексическом поле отсутствие слова для означивания того или иного понятия или концепта должно считаться лакуной. Лексическая лакуна может компенсироваться (но не элиминироваться) единицей из другого поля – устойчивым словосочетанием. Например, в английском лексическом поле «Автомобиль» (car, lorry, truck, van, bus, dumper, etc.) имеется лакуна для броневика; она компенсируется, но не элиминируется устойчивым словосочетанием armouredcar.

В поле слова семантически пересекаются, взаимозаменяются, иногда заполняют собой опустевшие соседние ячейки и теснятся, впуская в свои ряды новые слова в большом количестве. Это «зыбкая» система. Чтобы констатировать в ней наличие лексической лакуны, требуется доказать, что то или иное слово **должно** находиться в данном поле, имеет в нем четко выделяемую, не «затягиваемую зыбучими песками» пустую ячейку нужной конфигурации.

Лексические лакуны легко выявляются в **терминологии** из-за строгой системности значений терминов. Например, в английской микросистеме терминов «Прямоугольный треугольник» неизбежно существует четко очерченная ячейка для наименования катета, поэтому ее незаполненность, несомненно, является номинационной лакуной.

В лексических полях с менее жесткой структурой критерии выявления лакун размыты. Но всё же постараемся определить, что можно считать лексической лакуной, а что нет.

Словообразовательная система языка обладает высоким креативным потенциалом. Количество теоретически возможных продуктов ее работы неисчислимо. Мы полагаем, что нецелесообразно считать лакунарными все те единицы, которые в принципе можно сконструировать по моделям данного

языка. Лакунарность слова следует определять **прагматическим** фактором – массовой коммуникативной потребностью в означивании того или иного понятия или концепта. Потребность подразумевает нехватку, отсутствие, т.е. лауну (не случайно английское имя существительное want означает: 1. 'потребность'; 2. 'нехватка'). Если она имеется, то в виртуале языка некоторое время бытует лакунарное слово, спорадически реализующееся в речи; чем регулярнее становится его употребление, тем больше оно превращается из лакунарного (виртуального) в реальное слово, переходя из схемы языка в норму. Это ныне происходит, скажем, с английским неологизмом enabler 'тот (то), кто (что) делает что-л. возможным'.

Новые реалии общественной и культурной жизни XXI столетия приносят в лингвокультуру массу новых понятий, многие из которых превращаются в концепты. Для них требуются семантически емкие и не слишком длинные языковые десигнаторы, которые и создаются народом-языкотворцем по мере возникновения потребности в них. Некоторые из них ныне пребывают на стадии перехода из виртуала в реал. Приведем примеры из Esquire Magazine (2012-2013):

text-massage (игра слов massage и message) 'прием sms в вибрирующем режиме'

frankenfood 'еда из генно модифицированных продуктов'

garage-mahal 'многоэтажный общественный гараж'

ringxiety 'всеобщий переполох из-за звонка неизвестно чьего мобильного телефона'

brandalism 'порча городского ландшафта большим количеством рекламных постеров'

Если же потребность в десигнации понятия не массова и не устойчива, то она удовлетворяется описательным переменным сочетанием слов либо одноразовым словом. Ср.: англ. doublethink (в рус. пер. двоемыслие), facerime (в рус. пер. *лицепреступление*) у Дж. Оруэлла; рус. «Леса обезлósели, леса обезлúсели» (т.е. в них перевелись лоси и лисы) у В. Хлебникова. Эти понятия неустойчивы, созданы adhoc (в данном переменном контексте), а следовательно, их окказиональные лексические десигнаторы не входят в схему языка; поэтому, на наш взгляд, их не сто́ит считать лакунарными единицами.

Если в данной лингвокультуре есть устойчивая семантическая единица (понятие/концепт), а слова для нее нет – это и есть лексическая лакуна. Казалось бы, это четкий критерий их установления; но дело осложняется тем, что одну и ту же семантическую единицу можно означивать по-разному. Какой из теоретически возможных лексических десигнаторов понятия/концепта следует считать лакунарным? По нашему мнению, наибольшее право на этот статус имеет то потенциальное слово, которое спорадически всё-таки возникает в речи.

Почему одни лексические наименования в английском языке есть, а других нет? Например, в нем нет антонимов к глаголу to beautify и производным от него именам beautifying и beautification, образованным по тем же словообразовательным моделям. Однако Л. Кэрролл ввел окказиональные слова to uglify, uglifying и uglification в расчете на то, что они будут без труда поняты:

‘Ambition, Distraction, Uglification, and Derision’.

‘I never heard of Uglification’, Alice ventured to say. ‘What is it?’

The Gryphon lifted up both its paws in surprise.

‘What! Never heard of uglifying!’ it exclaimed. ‘You know what to beautify is, I suppose?’

‘Yes’, said Alice doubtfully: ‘it means to make anything prettier’.

‘Well, then ... if you don’t know what to uglify is, you ARE a simpleton’.

L.Carroll. Alice’s Adventures in Wonderland. Chapter 9.

С тех пор эти слова стали спорадически употребляться в английской речи, не переходя, однако, в норму английского языка:

Woman wishes to be independent, and ... she begins to enlighten men about ‘woman as she is’. THIS is one of the worst developments of the general UGLIFYING of Europe.

F. Nietzsche. Beyond Good and Evil.

Is it me or is Ugly Betty de-uglifying a bit? ... it seems as if Betty Suarez has been slowly de-uglifying ever since. <

<http://www.aoltv.com/.../>>

Uglification: A Simple Anti-theft Technique. This anti-theft tutorial shows you how to make your bike (or any vehicle) look rusty, ugly, and unattractive to a potential thief. If your bike is unattractive, you can park it just about anywhere and still have peace of mind.

<<http://www.youtube.com/watch?>>

Это и есть лакунарные единицы – одновременно не существующие и существующие (не употребляемые нормативно, но известные и понятные носителям языка, или, иными словами, не входящие в реал, но входящие в виртуал языка).

Таким же вопросом можно задаться и в отношении слов **русского** языка. Почему, скажем, есть слово *пришелец*, но нет слова **ушелец*, легко конструируемого по той же модели? Потому ли, что в нем нет массовой

потребности? Это сомнительно, так как уход бывает не менее значим, чем приход. Или потому, что место *ушельца уже занято субстантивированным причастием *ушедший*? Но тогда почему место *пришельца* не занято причастием *пришедший*? Трудно сказать. Выявить причину, по которой чего-то нет, труднее, чем ту, по которой что-то есть. Но некоторые причины можно предположить.

Если есть начало лексического ряда – например, англ. *towaltz, totango, tojig, toshimmy, toquickstep, tofox-trot* (ср. рус. *вальсировать, полькировать, танговать, канканировать*), это не значит, что в языке существует матрица с лакунарными единицами **topolka, *tohornpipe, *toczardas, *tocancan* (ср. рус. **чардашировать, *кадрилировать, *гопакировать, *ламбадировать*) и т.п.

Такие гипотетические слова могут не соответствовать:

- а) правилам словообразования данного языка,
- б) закону языковой экономии,
- в) стилистическим канонам (в том числе требованию благозвучия),
- г) требованию избегать столкновения значений,
- д) когнитивной норме данной лингвокультуры.

В частности, английское заимствованное слово *polka* не осмысливается как глагол, вероятно, потому, что для английских глагольных основ весьма нетипична финаль -а (редкие случаи типа *tospra* 'ездить на воды' составляют исключение). Создание глагола по конверсии от существительного *polka* не соответствует закономерностям английского словообразования.

Другой пример: использование глагола *toswing* в значении 'танцевать свинг' нарушило бы требование избегать столкновения значений, в особенности неприличного значения глагола *toswing*.

Несоответствие законам и правилам данного языка по тем или иным параметрам не позволяет считать такие элементы виртуально присущими ему, т.е. лакунарными. На наш взгляд, они не существуют не только в его реале (норме), но и в его виртуале (схеме), хотя существуют в его потенциале.

Потенциал языка, обеспечивающий его развитие в долговременной перспективе функционирования в социокультурном контексте, колоссален и во многом непредсказуем. Виртуал языка – лишь малая часть его потенциала. К виртуалу относятся те языковые единицы и формы, которые уже имеют ячейку в той или иной парадигме, легко конструируемы по аналогии с имеющимися членами парадигмы и, не употребляясь нормативно, реализуются в речи окказионально. На наш взгляд, лишь такие языковые единицы и формы можно обоснованно называть лакунарными, а их реальное отсутствие, подразумевающее их виртуальное присутствие – лакунами.

Как известно, система (схема) языка через норму и узус реализуется в речи. Но еще Ф. де Соссюр, проводя противопоставление «язык :: речь» по нескольким линиям, указал, в частности, что речь наблюдаема

(манифестирована в звуковой или графической субстанции), а система языка не наблюдаема (она содержится в головах носителей языка). Рассматривая данную линию противопоставления языка и речи, можно сказать, что в этом смысле речь реальна, а система языка вся целиком потенциальна, она представляет собой потенциал речи. Употребляясь в речи, единицы и формы языка становятся реальными. Но это происходит не со всеми единицами / формами. Некоторые из них так и остаются в потенциале, ожидая своего часа для выхода в речь, другие уже выходят в речь окказионально, а третьи выходят в речь регулярно, т.е. нормативно и узуально.

Вот по этому-то критерию и должны выявляться лакунарные единицы и формы языка: это те единицы / формы, которые выходят в речь окказионально.

Таким образом, намечается шкала аппроксимации единиц / форм к языковой реальности. Единицы / формы возникают и исчезают в «непроглядной ночи и животворном хаосе бесконечных трансформаций» (Лосев 1994: 406) когнитивного мира человека, и лишь некоторые из них успешно проходят «конкурсный отбор» по принципу соответствия вышеперечисленным языковым законам, канонам и правилам и становятся реальными единицами / формами языка:

невозможные → возможные (потенциальные) → виртуальные
(лакунарные) → реальные

Литература

Болинджер Д. Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. науч. тр. Вып. X. М.: Лингвистическая семантика. Прогресс, 1981. С. 200-234.

Лосев А.Ф. Самоесамое // А.Ф.Лосев. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 299-526.

Набоков В.В. Постскрипtum к русскому изданию // В.В. Набоков. Лолита. М.: Известия, 1989. С. 358-359.

Плеханов А.Е. Лексическая сочетаемость слов в идиоэтническом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1999. 24 с.

Hofmann Th.R. In Support of Semantic Atoms // Language Sciences. 32. 12-18 October, 1974.

Wierzbicka A. Universal Semantic Primitives as Basis for Lexical Semantics // Folia Linguistica. 29 (1-2). 1995. P. 149-169.

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются дискурсивные (социальные, культурные и психологические) факторы языковой коммуникации и порождения речи. Проводится мысль о создании такой порождающей модели, в которую будут включены вышеперечисленные факторы.

Ключевые слова: модель коммуникативной деятельности, дискурсивный подход, алгоритм речепорождения, культурная компетенция.

На нынешнем этапе эволюции социолингвистики, лингвокультурологии, семиотики культуры, социосемиотики, теории речевой деятельности и собственно лингвистики наблюдается сдвиг внимания ученых с анализа предложения текста на разностороннее исследование высказывания дискурса. Это обусловлено тем, что в русле вышеперечисленных дисциплин происходит поэтапная смена понятийной парадигмы. Старая парадигма была основана на методологических принципах точных наук; это проявилось в активном применении математических и логических категорий, в создании формальных моделей речевого общения, в которых почти не осталось или даже совсем не осталось места для человеческого фактора. В частности, Н. Хомский (1972) характеризовал грамматику как логический автомат, генерирующий все корректные и только корректные предложения на данном языке. Л. Ельмслев (2006) трактовал язык как формализованную систему (исчисление). Дескриптивисты придерживались мнения, что семантику следует устранить из ведения языкознания (Глисон, 2008). Говоря в целом, структуралисты опирались на методологическую установку, в рамках которой языковеды должны изучать лишь «язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (Соссюр 2007. С. 128). Это привело к определенной дегуманизации лингвистических исследований.

Но в дальнейшем такое положение дел было признано неприемлемым. Попытки экспериментально реализовать модели порождающей грамматики (Миллер, Галантер, Прибрам, 2000) позволили установить, что структуры, описанные как логический автомат, генерируют не все корректные и не только корректные предложения. Было выяснено, что генеративные модели в ряде отношений не адекватны подлинным психолингвистическим механизмам порождения речи. В них был недостаточно учтен человеческий фактор.

Чтобы модель порождения речи соответствовала психолингвистической реальности, нужно, чтобы в ней было заключено «полное, достаточное и эксплицитное описание всех языковых объектов и правил» (Апресян, 1981.

С. 32). Такого рода моделирование требуется как в теоретических целях (для выявления правил порождения речи), так и в практических целях (для разработки кибернетической модели языка – «логического автомата, имитирующего владение языком» (Кибрик, Ершов, 1987. С. 6)). В упомянутых целях порождающая модель должна включать в себя не только правила и единицы языковой системы, но и предписания нормы, узуса, этикета речи, и сведения о лингвокультурных и социо семиотических свойствах речевой ситуации, и требуемые фоновые знания, и данные о семантических регистрах речи, и правила селекции выразительных средств – одним словом, всё, что регламентирует речевую деятельность.

Подобного рода модель имеет не только логико-лингвистический (как в работах Хомского), но и дискурсивный характер. «Конечной, идеальной целью наших исследований является создание модели языковой деятельности, а не модели языка ... Такое изменение акцентов позволяет рассматривать лингвистику, представление знаний, логический вывод, межличностное взаимодействие, познавательный процесс и т.п. как взаимодополняющие части единой проблемы» (Кибрик, Ершов, 1987. С. 9). Это свидетельствует о переходе от исследования генеративного механизма языка (в отвлечении от субъекта речепроизводства) к анализу деятельности человека как настоящего творца произведений речи, для которого порождающий механизм является только инструментом деятельности, проявляющейся в речи. В действительности речь создается не логическим автоматом, а живым человеком, субъектом, который принимает во внимание культурные, психологические и социальные факторы, то есть особенности среды, в которой протекает словесное общение.

Для того чтобы вставить перечисленные факторы в генеративную модель в качестве ее конституэнтов, нужно создать их описание на общем метаязыке, который был бы совместим с метаязыком, описывающим лингвистические факторы. «Собственно языковая модель оказывается тесно переплетенной с моделями восприятия, принятия логических решений, распознавания образов, управления акустическим сигналом и т.п.», – писал И.А. Мельчук (Мельчук, 1999. С. 27).

Появляется необходимость выхода за границы системы лингвистических категорий. Не стремясь к растворению языкознания в смежных научных отраслях, мы вместе с тем настаиваем на частичном объединении предметных областей и методов языкознания и смежных дисциплин. В роли общего метаязыка представления культурных, социальных, собственно языковых и психологических детерминант процесса порождения речи могут выступать категориальные аппараты общенаучных отраслей – таких, как когнитология, теория моделей, логика практических рассуждений, семиотика и т.п. Учитывая задачи исследования, мы используем понятийно-терминологический аппарат социо семиотики и, в частности, теории семантических регистров.

Переход от структурального к дискурсивному подходу в сфере анализа речевой деятельности заставил обратиться к исследованию внеязыковых факторов и условий акта общения, их интерполяции в генеративную модель речевого высказывания. В рамках этого подхода становится нечетким рубеж между текстом и экстралингвистической деятельностью. При создании порождающей модели высказывания принимаются в расчет характер денотатной (обозначаемой) ситуации, свойства речевой ситуации (или, иначе говоря, ролевой расклад акта речевого общения), условия коммуникации, культурный тезаурус участников общения и – в целом – всё то, что значимо для порождения и понимания того или иного отрезка стихии речи, в том числе правил коммуникации, принятых в рассматриваемой лингвокультуре, и навыки общения, имеющиеся у коммуникантов. В противном случае генеративная модель не будет полностью соответствовать социо-, культуро- и психолингвистической реальности речевой коммуникации.

Искусственные формализованные знаковые системы устроены намного проще, чем естественный язык. Они состоят из информационного компонента (системы исходных знаков) и процедурного компонента (набора правил оперирования знаками). Знание упомянутых правил гарантирует построение всех правильных и только правильных высказываний на этих языках. Иными словами, правильность речи на этих языках заложена в самой языковой системе.

Исходя из этого постулата, Н. Хомский создал трансформационно-генеративную модель речепорождения на естественном языке, полагая, что последний устроен примерно так же, как и вышеупомянутые формальные системы. В рамках своей теории он ввел термины *языковая компетенция* и *языковое исполнение*. Предполагалось, что наличие языковой компетенции полностью обеспечивает правильное порождение высказываний. Однако экспериментальная верификация хомскианской модели показала, что созданные по ней высказывания далеко не всегда являются во всех отношениях правильными. Трансформационно-генеративная модель, основанная на учете лишь системно-языковых правил, оказалась недостаточной.

Это побудило исследователей шире трактовать понятие “компетенция”, введя в него знание участников общения об областях, смежных с естественным языком. В трудах отечественных и зарубежных исследователей стал использоваться термин *коммуникативная компетенция*, обозначающий владение правилами вербального общения и коммуникативными стратегиями. Этот вид компетенции обеспечивает критерии отбора соответствующих речевым ситуациям языковых единиц и схем (паттернов) и правил их аранжировки в цепь. Коммуникативная компетенция, наряду с языковой, легла в основу порождающей модели высказывания и текста, хотя, в отличие от

языковой, она пока недостаточно формализована в лингвистических описаниях, чтобы совместить ее с языковой компетенцией в рамках генеративной модели.

Приведем пример. На вопрос «Где Петр?» возможен ответ «Откуда я знаю? Я ему не сторож». Но он возможен далеко не во всякой речевой ситуации, а лишь в такой, где между коммуникантами существует короткая социальная дистанция, притом спрашивающий ни в коем случае не является вышестоящим по отношению к отвечающему, а сама ситуация является неформальной. Это связано с тем, что ответ дан в дерзкой форме: высказывание «Я ему не сторож» эквивалентно высказыванию «Ты спутал меня со сторожем», а если человек что-либо спутал, значит, он проявил несообразительность. Фактически это упрек собеседника в несообразительности, совершенно неприемлемый в обращении к вышестоящему. Поэтому говорящий, как правило, не отвечает вышестоящему в такой форме. Скорее, он скажет: «К сожалению, не знаю». Выражая сожаление в своей неспособности предоставить нужные начальнику сведения, подчиненный подчеркивает свое почтение к нему, лишний раз подтверждая существующую ролевую диспозицию. Такой выбор языковых средств выражения мысли не содержится в языковой компетенции. Вот почему она должна учитываться при создании порождающей модели высказывания.

Но и этого мало. Помимо понятий “языковая / коммуникативная компетенция”, возникло понятие “культурная компетенция”, подразумевавшее владение фоновыми знаниями, а также культурными нормами и образцами, значимыми для правильной организации речевого общения. «Мы говорим только необходимыми намеками. Раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается» (Поливанов, 1968. С. 296). За всякой коммуникативной интеракцией стоит культурный сценарий, «по рельсам» которого движется мысль ее участников. Лишь если обоим коммуникантам известен когнитивный фон общения, возможно глубокое и адекватное взаимопонимание. Культурная компетенция с еще бóльшим трудом, чем коммуникативная, поддается формализованному описанию и интеграции в комплексную модель порождения высказывания и текста, однако без нее эта модель остается неполной.

Наряду с вышеупомянутыми видами компетенции, по-видимому, следует говорить о социальной компетенции коммуникантов, в которую входит всё то, что обеспечивает включенность человека в общество, его ориентацию в сфере общественных отношений. Кроме того, можно говорить о психологической компетенции коммуникантов, в которую входит ментальная модель психического облика собеседника, а также вероятностный прогноз его реакции на обращенное к нему высказывание. Сюда же относится общая житейско-психологическая осведомленность, проистекающая из опыта общения и обуславливающая выбор коммуникативной стратегии и средств вербального выражения мысли. Тот, кто обладает развитой психологической компетенцией,

способен угадывать душевные побуждения собеседника, адекватно понимать подтекст обращенной к нему речи, ее импликации, а также душевную настройку партнера; это помогает выстраивать свою речь так, чтобы произвести в когнитивном мире партнера нужные изменения. Данный вид компетенции важен, в частности, при создании рекламных и пропагандистских текстов.

Таким образом, при производстве речи на своем родном языке продуцент исходит из языковой, коммуникативной, психологической, социальной и культурной компетенцией. Кроме единиц и правил, составляющих часть системы языка, коммуникант учитывает следующие факторы:

- характер денотатной (обозначаемой) ситуации;
- структура речевой ситуации;
- адекватный им коммуникативный регистр;
- речевой жанр, соответствующий ситуации;
- нужный функциональный и нормативный стиль;
- предписания речевого этикета;
- коммуникативная цель;
- норма и узус речи;
- коллективный тезаурус в целом;
- степень осведомленности собеседника в конкретной, избранной для разговора теме и объем общего для коммуникантов когнитивного фона;
- личностный портрет партнера по коммуникации, детерминированный его социально-ролевыми, культурными и психологическими свойствами.

Учет перечисленных факторов порождения речи происходит мгновенно. «Для того чтобы использовать и понимать язык, мозг человека проделывает огромное количество скрытых вычислений ... Эти вычисления ... выводятся из логики здравого смысла» (Сергеева, 1988. С. 72-73). Так, случайно встретив знакомого, человек, прежде чем приветствовать его, автоматически прикидывает, кто находится перед ним: вышестоящий, равный или нижестоящий; старший, равный или младший по возрасту; близко либо едва знакомый; мужчина или женщина. От этого зависит очередность приветствия, его вербальная форма (от «Какая честь для меня» до «Здорóво, старина!») и его паравербальное сопровождение (легкий поклон, приподнимание шляпы, рукопожатие, целование руки даме и т.п.) или отсутствие такового. При этом одни факторы перевешивают другие, подобно старшинству карт в карточной игре; например, подчиненный должен здороваться первым, но он не должен протягивать руку для пожатия; если начальник молод, а подчиненный – пожилой и заслуженный человек, начальник из уважения к возрасту и выслуге лет должен первым приветствовать его; то же, если подчиненная – женщина, но если она совсем юна, а начальник значительно старше нее по возрасту, то первой должна поздороваться всё же она, и т.п.

Эти правила варьируются в разных этнокультурах, однако они имеются в любом человеческом сообществе. Они не входят в хомскианскую генеративную модель, но без их учета порождаемая речь не будет соответствовать реальности вербальной коммуникации. Иными словами, модель порождения речи должна базироваться не только на языковом, но и на культурных кодах. Запись смысла должна отражать «всю интеллектуальную деятельность людей, достаточно тесно связанную с речью» (Мельчук, 1999. С. 11).

Итак, в лингвистике и смежных с ней науках существуют два подхода к изучению речевой деятельности. Каждый из них характеризуется своими достоинствами и недостатками. Первый из них, при котором исследователь абстрагируется от личности говорящего и слушающего, от их психологических свойств, их социальных и межличностных взаимоотношений, от социокультурного микро- и макроконтраста акта коммуникации – такая модель страдает определенной дегуманизированностью, снижающей адекватность генеративных моделей тем процессам речепорождения, которые протекают в психолингвистической реальности. Но этот подход обладает тем преимуществом, что в его рамках достигается систематичность, компактность, наглядность и однозначность формализованного описания эмпирического материала. Второй подход, предполагающий учет социальных, психологических и культурных факторов речевой деятельности, позволяет преодолеть ограниченность первого подхода, однако он пока уступает первому в плане формализации описания. Это связано с тем, что собственно языковые (фонетические, морфосинтаксические, лексико-семантические) факторы речепорождения, будучи строго системными, легче поддаются формализации, чем факторы социальные, культурные и психологические.

Но, по нашим представлениям, всё же можно объединить эти два подхода.

Хотя существует разнообразие и гетерогенность психосоциокультурных факторов, влияющих на порождение высказываний, их можно (в общем и целом) представить как систему особых правил, входящих в общую модель построения высказывания. Это представление можно осуществить на метаязыке, идентичном или, по крайней мере, совместимом с метаязыком, на котором репрезентируются языковые правила порождения речи. Это повысит эффективность взаимодействия языкознания с психолингвистикой, теорией речевого общения, этнолингвистикой, социолингвистикой и прочими смежными отраслями науки в вышеупомянутом аспекте. Кроме того, по нашим предположениям, это может послужить вкладом в разработку «таких лингвистических процессоров, которые были бы в состоянии обеспечить человеко-машинное общение на естественном языке» (Кибрик, Ершов, 1987. С. 10). Дело в том, что любые сведения о мире можно представить в базе знаний искусственной интеллектуальной системы только в формализованном виде.

Литература

Апресян Ю.Д. Лингвистические проблемы формального семантического анализа предложения // Структура текста-1981: Сб. науч. тр. М.: Наука, 1981.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2008.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006.

Кибрик А.Е., Ершов А.П. (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ текст». Семантика, синтаксис. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Программы и структура поведения. М.: Центр НЛП-тренинга, 2000.

Поливанов Е.Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.

Сергеева В.И. Предложение в системе языка и тексте. Калинин: изд-во КГУ, 1988.

СоссюрФ. де. Курсобщейлингвистики. М.: Эдиториал УРСС, 2007.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1972.

К ПРОБЛЕМЕ НАДЁЖНОСТИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается проблема надёжности машинного перевода (МП) ввиду широкого распространения этого вида перевода за последнее время. Был проведён ряд простых опытов с онлайн-автопереводчиком поисковой системы Google, который выявил некоторые типичные ошибки и недостатки данного средства МП.

Ключевые слова: *машинный перевод (МП), контекст, полисемантические слова, термины, межотраслевые омонимы.*

История машинного перевода (МП) насчитывает уже около 60 лет, и поначалу на этот вид перевода возлагались огромные надежды, которые тогда не оправдались (Федоров, 2002. С. 153). С тех пор научно-технический прогресс шагнул далеко вперёд, и в последние 10-15 лет, когда в России персональные компьютеры и Интернет, а также другие электронные устройства имеются практически в каждом доме, он получил достаточно широкое распространение, в том числе среди учащихся. В связи с этим возникает вопрос: в какой мере можно доверять переводу, полученному с помощью современных средств МП?

Очевидно, что вряд ли целесообразно давать машине переводить художественные произведения (Миньяр-Белоручев, 1996. С. 10) или даже публицистику, в основе языка которых лежит индивидуальное начало и эстетический принцип. В отличие от них, «функциональный стиль литературы научной и технической подчинён принципу формально-логической организации речи и заставляет говорить о господстве в нём коллективного начала, т. е. черт, постоянно свойственных огромному множеству текстов определённого типа, постоянно повторяющихся в них» (Федоров, 2002. С. 155). Для научной и технической литературы характерно определённое единообразие в лексическом составе её языка, где преобладают термины и общеупотребительные слова с нейтральной коннотацией, а синтаксис подчинён строгим условиям логической композиции (Федоров, 2002. С. 153). Однако, всё это не исключает сложностей (как, например, наличие так называемых межотраслевых омонимов или же производных терминологических значений полисемантических слов (Виноградов, 2003. С. 116)). Поэтому до сих пор машине можно доверить перевод только простого текста, а полученный таким образом результат будет нуждаться в значительной обработке человеком – постредактура (Федоров, 2002. С. 156).

Кажется, что подобное утверждение ни у кого не вызывает сомнений. Тем не менее, автор осмелится предположить, что большинство тех, кто в наши дни пользуется МП, не в состоянии в полной мере адекватность полученных

результатов, а те, кто может это сделать, вряд ли прибегают к помощи средств МП для перевода текстов (хотя, возможно, сталкиваются с результатами МП). Стремление выяснить, насколько адекватен перевод, полученный с помощью средств МП, побудило автора провести серию простейших опытов по переводу научно-технических текстов, пользуясь одним из наиболее доступных (и, по мнению пользователей, надёжных) средств МП – онлайн-автопереводчиком поисковой системы Google (английский язык). Следует отметить, что материал не был простым. Однако, на практике именно сложность текста и побуждает к применению МП.

Что касается перевода с английского языка на русский, то здесь неадекватность перевода, полученного машинным способом, бросается в глаза. Например, предложение из статьи по электроэнергетике (Millar, 2014. С. 2): “Geographically based parametrisation algorithms have also been developed by other research groups, but our approach breaks new ground in that we not only consider spatially varying installation costs to establish the routing between nodes (secondary substations), but also inputs such as fault rates based on the statistical correlation of historic fault data with terrain types, tree height and location with respect to road proximity, etc.” Переводчик Google перевёл его следующим образом: «Алгоритмы параметризации географически основанные также были разработаны другими исследовательскими группами, но наш подход открывает новые горизонты в том, что мы не только рассмотрим пространственно различной затраты на установку, чтобы установить маршрутизацию между узлами (трансформаторные подстанции), но также вводит такие как ставки неисправностей на основе статистическая корреляция исторических данных о сбоях с типами рельефа, высоты деревьев и расположения по отношению к дорожной близости, и т.д.».

На первый взгляд, перевод практически адекватный, за исключением несогласования падежей и неправильного перевода атрибутивного словосочетания *road proximity* – следовало бы «близость к дороге». Зато правильно переведена идиома *breaks new ground*. Но потом обращает на себя внимание выражение «ставки неисправностей» (правильно «частота отказов») – следовательно, термин-словосочетание переведён свободным словосочетанием. При более тщательном изучении станет ясно, что *inputs* – не глагол, а существительное («входные данные»). В переработанном виде перевод выглядит так: «Алгоритмы параметризации на географической основе также были разработаны другими научно-исследовательскими группами, но наш подход открывает новые горизонты в том, что мы не только учитываем пространственно изменяющиеся затраты на прокладку трассы между узлами (вторичными подстанциями), но также входные данные, такие как частота отказов, основанная на статистической корреляции статистических данных об отказах с типом местности, высотой деревьев и степенью удалённости от дороги и т.д.».

Ещё один пример из той же статьи (Millar, 2014. С. 2): “In other words, the combined efforts of these algorithms provide not only the overall connection of nodes to make a close to optimum network topology, but also the actual minimum cost path that each line section takes between each pair of connected nodes in its geographically based installation and fault-prone environment.” Переводчик Google выдал следующий текст: «Другими словами, объединенные усилия этих алгоритмов обеспечивает не только общую связь узлов, чтобы сделать близко к оптимальной топологии сети, а также минимальную путь фактической стоимости, что каждый раздел линия принимает между каждой парой подключенных узлов в установке географически основе и вина, подверженных среды».

Наблюдаются те же ошибки: неразличение омонимичных частей речи (*aclose*), неправильный выбор значения полисемантического слова-термина (*fault*), неправильный перевод атрибутивных словосочетаний (*actual minimum costpath*). Часть же предложения после *in* невозможно понять без обращения к оригиналу. На самом деле, смысл данного отрывка таков: «Другими словами, совместные усилия этих алгоритмов обеспечивают не только общее подключение узлов для завершения оптимальной топологии сети, но также фактическую траекторию с минимальными затратами для каждого участка линии между каждой парой подключённых узлов с его географически обоснованной прокладкой и в окружающей среде, провоцирующей отказы».

Для опытов по переводу с русского языка на английский использовались аннотации к научно-техническим статьям. Например (нужно заметить, что для примера был выбран один из самых адекватных образцов МП): «Рассматриваются результаты, полученные при исследовании диссипативных свойств синтетических минеральных сплавов. Установлено, что симиналы обладают высокой способностью к диссипации механической энергии, возникающей при соударении с поражающим элементом. Механическая энергия преобразуется в них волновую, а затем значительная ее часть уходит на обеспечение структурных преобразований в материале, которые заканчиваются саморазрушением, оставшаяся часть энергии переходит в тепловую. Следовательно, симиналы могут служить пассивной броневой защитой». Приведённая аннотация по версии переводчика Google выглядит следующим образом:

“Theresultsobtainedinthestudyofdissipativepropertiesofsyntheticmineralalloys. It was established that siminally have a high capacity for dissipation of mechanical energy that occurs when a collision with striking elements. The mechanical energy is converted to wave them, and then a large part of it is spent on maintenance of structural changes in the material, which end in self-destruction, the rest of the energy is converted into heat. Consequently, siminally can serve as a passive armor protection.”

Можно заметить, что в первом предложении отсутствует сказуемое, «рассматриваются» (как удалось выяснить, это, как ни странно, – довольно частый недостаток МП, причём даже в тех случаях, когда предложение короткое). Во втором существительное «симиалы» – как можно понять из контекста, аббревиатура английского термина *synthetic mineral alloys* – транслитерировано (видимо, такого слова не оказалось в словарном запасе переводчика Google). Перед *mechanical energy* следовало бы, вероятно, поставить определённый артикль, так как затем следует уточнение, котором требуется преобразования (*occurs* нужно заменить на *is generated* или *is produced*, а, возможно, употребить причастный оборот; словосочетание *striking elements* тоже вызывает сравнение в качестве термина – такового обнаружить не удалось, лучше заменить его, например, на *projectiles* – «снаряд, пуля»); *when* же следует заменить на *in* (*the mechanical energy generated in collisions with projectiles*). В третьем предложении (где, кстати, присутствует опечатка – пропуск предлога «в») неясное *to wave them* нужно преобразовать в *in the wave energy*, а *maintenance* заменить, например, на *production*; следовало бы также вставить *while* перед *there is* или преобразовать предложение в независимый причастный оборот, но это – уже недостаток оригинала.

При продолжении опытов по переводу аннотаций можно отметить следующие недостатки:

1. Пропуск сказуемого (наиболее частая ошибка, см. рассмотренный выше пример).
2. Пропуск вспомогательного глагола: *Isolated and described: purpose, structure, operation principle of generating bearing hydraulic unit and its cooling system.* (Выделяются и описываются: назначение, конструкция, принцип работы генераторного подшипника гидроагрегата и его системы охлаждения).
3. Пропуск глагола-связки: *The purpose of this method – the rapid economic recovery of green mass.* (Цель разработанного метода – быстрое экономичное восстановление зелёной массы.)
4. Неправильный порядок слов:
 - a) в предложении: *Is proposed and the algorithm of identification* (Предложен и рассмотрен алгоритм идентификации.);
 - b) в словосочетании-термине: *generating bearing hydraulic unit* (генераторного подшипника гидроагрегата).
5. Пропуск или неправильное употребление предлога: *A method of measuring the viscosity at motor speed* (метод измерения вязкости по скорости вращения электродвигателя).
6. Неразличение омонимичных терминов (иногда чередование правильного значения с неправильным в пределах одной аннотации): «воздушная

линия (электропередачи)» – *airline*(наряду с правильным *overheadline*) (Один из наиболее интересных случаев: «высадка» – речь идёт о высадке лесов – переводится термином *landing*: «посадка, приземление»).

7. Произвольный выбор значения полисемантического общеупотребительного слова (см. рассмотренный выше пример).

Из лексики, отсутствующей в словарном запасе онлайн-переводчика Google, кроме «симиалов», в рассмотренных аннотациях встретился только термин «рассухариватель», также передаваемый транслитерацией (*rassuharivatelya*). Понятие же «сухарь» («название некоторых вспомогательных деталей в механизмах и узлах машин» (Сухарь, 2015)) в данном случае переведён как *cracker* – «род сухого печенья» (значение, совпадающее с одним из значений слова «сухарь» (Словарь русского языка, 1984. С. 310)).

Некоторые ошибки МП поддаются объяснению. Так, например, машина произвольно переводит омонимичные термины и полисемантические слова (как с английского, так и с русского языка), т. к., в отличие от человека, не различает контекста. Пропуск вспомогательных глаголов при переводе страдательного залога, равно как и отсутствие глаголов-связок при переводе с русского языка объясняется отсутствием их в оригинале. Более свободный порядок слов в русском предложениях приводит к ошибкам при МП, часто пословном. Типологические отличия атрибутивных словосочетаний в двух языках ведут к тому же при переводе сложных терминов-словосочетаний. Отсутствие же сказуемого при переводе с русского языка на английский логическому объяснению не поддаётся. (Кроме того, проведённые опыты доказывают, что большинство аннотаций, передаваемых на кафедру иностранных языков для редактирования, судя по всему, – результаты МП.)

Нельзя не признать, что в области МП есть определённые достижения (перевод многих терминов, языковых клише, идиоматических выражений), не говоря о том, что человеку не сравниться с быстротой реакции машины. Однако, как ясно из приведённых примеров, эти достижения значительно преувеличены, и нужно с большой осторожностью относиться к результатам МП. Машина не в состоянии различать контекстные значения полисемантических лексических единиц, учитывать типологические различия языков, исправлять опечатки (если в результате получается существующее слово), догадываться о значении незнакомых слов и переводить их (человек, скорее всего, прибегнул бы в этом случае к описательному переводу (Миньяр-Белоручев, 1996. С. 95) – расширенному словосочетанию (Федоров, 2002, С. 299); например, «рассухариватель» можно перевести как *valvekeeperremovingdevice*). Поэтому (по крайней мере, пока) электронный переводчик не может заменить переводчика-человека.

Литература

Аракин ВД. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». 2-е изд. М: Просвещение, 1989. 254 с.

Виноградов В.С. Лексикология испанского языка: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2003. 244 с.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, ин-т рус. яз.; под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М: Русский язык, 1981-1984. Т. 4. С. – Я. 1984, 794 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак-товиностр. Языков: Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «Филология Три», 2002. 416 с.

Millar R. J., Saarijärvi E., Lehtonen M., Degefa M., Koivisto M. Impact of Node Specific Load Growth and Microgrids on Distribution Network Planning. (Электронные ресурсы).

[URL: digilib.monenco.com/documents/10157/2530702/C6_105_2014.pdf](http://digilib.monenco.com/documents/10157/2530702/C6_105_2014.pdf) (дата обращения 24.10.2015)

Сухарь (Электронные ресурсы).

[URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сухарь_\(техника\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сухарь_(техника)) (дата обращения 24.10.2015)

ОБЗОР КОНЦЕПТОСФЕРЫ ЗАГЛАВИЙ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ

В статье даётся краткий обзор основных концептов, формирующих концептосферу дискурса заглавий британских и американских детективных романов, а также анализируются средства их вербализации.

Ключевые слова: *концепт, дискурс-анализ, заглавие, малоформатный текст.*

Концепт, как базовое понятие когнитивной лингвистики и лингвистики дискурса, представляет собой категорию не только лингвистическую, но также и мыслительную. Являясь, по своей сути, продуктом мыслительного процесса, концепт рождается и реализуется в сознании человека в виде определённых индивидуальных ассоциаций, образов и представлений, которые актуализируются в сознании посредством различных языковых средств. Однако концепт не может существовать изолированно, сам по себе. Мир – представление об окружающем мире, концепты образуют концептосферу. Концептосфера – это мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира. Поскольку концептосфера связана с отражением определённого видения мира посредством языка, можно говорить о том, что представители одной национальности, имеющие один тот же родной язык будут иметь схожую языковую картину мира, и значит, концептосферы, в которых действуют говорящие на одном языке будут иметь сходства. Об этом писал известный учёный Д. С. Лихачев. Он отмечал, что концептосфера – это совокупность концептов нации, образованная всеми потенциями концептов носителей языка. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство».

Анализируя концептосферу дискурса заглавий детективных романов, необходимо, в первую очередь, помнить о том, для чего выполняется подобный анализ. Он позволяет глубже проникнуть в мышление нации и понять языковую картину мира этой нации.

Также при анализе необходимо отталкиваться от особенностей коммуникативной модели, в которой существует заголовок. Данные особенности напрямую вытекают из особенностей заголовка.

Заголовок, будучи малоформатным текстом, несёт в себе три функции: информативную, аттрактивную и эстетическую.

Информативная функция заголовка заключается в том, что он кратко сообщает потенциальному читателю о сути книги. Аттрактивная функция заголовка приближает его по своему назначению к рекламе книги. В данной ситуации задачей заголовка становится привлечение внимания потенциального читателя и соответственно покупателя. Под эстетической функцией обычно понимают способность заголовка вызывать определённые чувства и эмоции.

Анализируя непосредственно концептосферу заглавий американских и британских детективных романов, можно говорить о нескольких наиболее часто встречающихся концептах:

В первую очередь, это концепт “night, darkness”. На сегодняшний день данный концепт является довольно неоднозначным, поскольку, традиционно ночь ассоциировалась со злыми силами. Языческая и мифологическая традиции определяли ночь, как время разгула нечисти, время, когда происходят потусторонние события, когда стирается граница между этим миром и миром мёртвых. Однако с появлением электричества, с развитием ночной жизни в городах и больших мегаполисах, ночь потеряла столь пугающее значение. Теперь ночь стала временем свободы от социальных ролей, временем, когда человек освобождается от своих дневных обязанностей и может выйти за рамки повседневности. Однако в заглавиях детективных романов происходит возврат к первичной, мифологической трактовке понятия «ночь». Ночь снова становится временем опасности, а темнота – угрожающей для жизни. Но опасность может исходить уже не только от нечисти, но и от людей – преступников, маньяков, а иногда от совершенно обычных граждан, которых обстоятельства толкают на преступления. Ночь – это то самое время, полное тайн, когда солнце не светит, а темнота не позволяет человеческому глазу видеть истинное положение вещей. Именно тогда происходят мистические события и совершаются самые страшные преступления. Вот что пишет Сиюхова А. М.: «Как видим, переживание историческим человеком ночи стало одним из важных факторов формирования социальности как таковой. Если применить теорию символического интеракционизма, то очевидно, что осознанные формы ночной деятельности, такие как поддержание огня, охрана стада, ночной дозор и разведка во время военных конфликтов, родовспоможение и пр., приобретают символический характер сохранения целостности социума. Силы, способные нарушить эту целостность, активизируются, по большей части, ночью, когда спящий человек слаб и уязвим». Среди реализаций данного концепта можно выделить следующие названия детективов: Среди других названий, в которых встречается концепт «ночь, темнота» также встречаются следующие варианты: *Gaudy Night* (by Dorothy L. Sayers), *Black and heispainted* (by Ngaio Marsh), *The Lake of Darkness* (by Ruth Rendel), *Still Midnight* (by Denise Mina), *Riverof Darkness* (by Rennie Airth), *Raven Black* (by Ann Cleeves), *Before I Goto Sleep* (by S. J. Watson) и пр. Как видно из приведённых

примеров, вербализация данного концепта происходит также за счёт лексических единиц «darkness», «midnight», «black», «sleep».

Следующим концептом, заслуживающим внимания, является концепт смерти, представленный такими лексическими единицами, как существительными “death”, “murder”, “coffin”, “killer”, “skull”, “grave”, “funeral”, страдательным причастием “dead” и прилагательным “deadly”: Anatomy of a Murder (by Robert Traver), The Murder of Rodger Ackroyd (by Agatha Christie), A Coffin for Dimitrios (by Eric Ambler), The Killer Inside Me (by Jim Tompson), The Three Coffins (by John Dickson Carr), An Eye for a Murderer (by Libby Fischer Hellmann), Well-Schooled in Murder (by Elizabeth George), Sleeping Murder (by Agatha Christie), Deadly Thyme (by R. L. Nolen), Cold is the Grave (by Peter Robinson), Death of a Gentle Lady (by M. C. Beaton), Murder at Vicarge, (by Agatha Christie), The Body in the Library (by Agatha Christie), The Murder Room (by P.D. James), A Taste for Death (by P.D. James), The Skull Beneath the Skin (by P.D. James), After the Funeral (by Agatha Christie) и др. Концепт «смерть» является одним из наиболее древнейших концептов, укоренившихся в сознании человека. Большинство толковых словарей определяют смерть как «прекращение жизнедеятельности организма», «гибель», «прекращение жизни». Однако, несмотря на огромное количество определений данного понятия, в мифологии, философии и литературе существует ещё большее количество различных описаний и представлений о смерти, в которых актуализируются различные аспекты данного понятия: смерть – похититель души (по В.Я. Проппу), смерть-перерождение, смерть – переход в другой мир. Смерть традиционно рассматривается как своеобразный итог, черта, которая раскрывает сущность человека, показывая его таким, какой он есть. Однако в жанре детективной прозы смерть имеет совершенно иное значение. В первую очередь она встроена в сюжет. В классическом детективе она не является чем-то символическим и не наделена скрытым смыслом. Смерть, как правило, выступает основным элементом, вокруг которого строится повествование – смерть наступает при непонятных или таинственных обстоятельствах, расследование которых и выступает основной сюжетной линией. Также иногда «смерть» может быть связана с местом, она называет локацию, в которой имела место смерть: The Killings at Badger’s Drift (by Caroline Graham), the Dead of Jericho (by Collin Dexter), и др. Ещё один вариант актуализации концепта «смерть» в заголовках – это обозначение убитого или умершего. Здесь можно назвать следующие примеры: The Murder of Rodger Ackroyd (by Agatha Christie), A Coffin for Dimitrios (by Eric Ambler) и другие. Читатель как бы знакомится с убитым, читая историю не в качестве абстрактного повествования, а в качестве рассказа о конкретном человеке.

Часто встречаются случаи, когда в заглавии детективного произведения используется упоминание женщины. Концепт «женщина» вербализуется посредством лексических единиц «lady» и «woman»: «The Woman in White» (by Wilkie Collins), «The Lady in the Lake» (by Ramond Chandler), An Unsutable Job for a Woman (by Cordelia Gray) и др. Интересно, что в подавляющем большинстве случаев подобных примеров женщина ассоциируется с бедой, злым предзнаменованием. Такие ассоциации берут своё начало в мифологической традиции. И хотя в мифологии образ женщины очень разнообразен и многогранен, в названиях детективных произведений актуализируется именно образ роковой женщины, женщины как существа потустороннего мира, женщины как предвестника смерти: The Daughter of Time (by Josephine Tey), Cover her Face (by Adam Dalglish), For the Sake of Elena (by Elen George), Rebecca (by Daphne du Maurier) и др.

Описанные выше концепты являются далеко не единственными, присущими концептосфере британских и американских детективных романов. Среди прочего, также распространены следующие концепты: «животные», «суд», «мечь», однако примеры заглавий не являются частотными, хотя данные понятия укоренились в сознании говорящих, всё-таки вербализация этих концептов не столь популярна.

Литература

Богданова О.Ю. Лингвостилистический анализ заголовка как элемента англоязычного текста. // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2006. № 1. С. 104-110

Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. 22 с.

Литературная энциклопедия. В 11 т. М.: Изд-во Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература / Под ред. В.М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929 – 1939.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Сер. лит. и яз. М.: Наука, 1993.

Милованова С.О. Газетный заголовок как средство актуализации смысла // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 368 – 372.

Мужев В.С. О функциях заголовков // Учен. зап. МГПИИЯ им. Тореза. М., 1970. С. 31 – 33.

Трунова Е.А. Малоформатный текст как объект лингвистического исследования. // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М.: Изд-во РУДН, 2010. №1. С. 49-53.

ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ФАУНА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье дается краткий обзор механизмов речи, а именно метафоры, метонимии, специализации и генерализации. Данные тропы различны по своей цели, а также по функциям, с помощью которых они реализуются. В статье приводится краткий анализ примеров данных процессов на основе ЛСГ «Фауна».

Ключевые слова: метафора, метонимия, специализация, генерализация, этимология.

Знаковый характер человеческого языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей. Под знаковым аспектом естественного языка обычно понимают соотнесенность языковых элементов (морфем, слов, словосочетаний, предложений и др.), а, следовательно, и языка в целом, в той или иной форме и степени опосредствованности с внеязыковым рядом явлений, предметов и ситуаций в объективной действительности.

Слово – языковой знак, но он отличается от всевозможных других условных знаков полисемией и динамикой развития. Любой условный знак – моносемантический, в то время как слово редко бывает однозначным вследствие его номинативной динамики.

Одной из важнейших черт семантики слова является вариативность, т.е. способность значения варьироваться в соответствии с конкретными условиями его реализации в акте коммуникации. Вариативность значения слова проявляется в разных формах варьирования: слово может использоваться для обозначения разных классов предметов, что приводит к формированию его лексико-семантических вариантов; в каждом конкретном употреблении наблюдается некоторая модификация семантических признаков в соответствии со специальными свойствами конкретных предметов обозначения, и, наконец, слово может менять свое значение в ходе исторического развития языковой системы.

Слово, как правило, является знаковым инструментом обозначения нескольких понятий, что обусловлено историческим развитием семантической парадигмы слова. Когда определенная часть парадигмы слова устаревает, она как бы отсекается от современного этапа развития слова, уходя в область его этимологии.

Этимология — это раздел языкознания, в рамках которого на основании сравнительно-исторического метода восстанавливаются наиболее древняя

словообразовательная структура слова и элементы его значения, которые в результате действия различных внутриязыковых, культурно-социальных, межъязыковых и территориально-временных процессов оказались нарушенными, смещенными, утраченными или контаминированными. То значение, которое когда-то было основным с точки зрения современного языка, становится *этимологом* (первоначальное значение и форма слова). Если этимологический этап развития слова принадлежит другому языку (при заимствовании), то устанавливается *источник заимствования* и *этимон* (язык, в котором слово впервые зафиксировано).

Семантическое развитие слова осуществляется единично, и закономерности его развития, когнитивные параметры данного развития одинаковы – они осуществляются через метафору, метонимию, специализацию и генерализацию.

Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. (*Пример метафоры*: Tiger – 1) тигр; 2) задира, хулиган; 3) опасный противник. В значениях ЛСВ 2 и 3 наблюдается метафора по сходству поведения).

Метафора способна выполнять первичную или вторичную номинативные функции не только в дискурсе, но и в системе языка. Первичная номинативная метафора служит для выражения новых понятий. Чаще всего такие обозначения нейтральны с функционально-стилистической точки зрения. Как, например, в слове *mole* – 1) крот; 2) родинка. Оба значения стилистически нейтральны.

Вторичная номинативная метафора в основном вносит дополнительные коннотативные ограничения, и относятся к какому-либо конкретному стилю речи – формальному или неформальному и к различным регистрам внутри данных стилей (терминологический, канцелярский, поэтический, разговорный, сленг и т.д.). Например, *tiger* – 1) тигр; 2) (уст.) ливрейный грум. Здесь налицо коннотативное ограничение по стилю – устный, разговорный стиль, также наличие синонимов – *groom*, *lackey*.

Метонимия – троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию. (*Пример метонимии*: Fox – 1) лиса; 2) лисий мех («целое-часть»). В ЛСВ 2 животное выступает как целое, а мех этого животного – как часть целого.)

Специализация – процесс, при котором родовое название применяется к отдельной частной группе, представляющей в глазах говорящего

соответствующий род. Например, слово *deer* когда-то означало любое «дикое животное», но сейчас его значение сузилось и данное слово обозначает только один вид животного – олень. При специализации каждое из производных значений добавляет специализированную сему к интегральному значению. Слово приобретает богатое содержание, но становится уже по объему.

Генерализация – процесс, при котором производное значение шире основного значения. Данный процесс предполагает отсутствие семы. Слово становится беднее по содержанию, но шире по объему (*Пример генерализации: Cock-and-bull story* – неправдоподобная история. В данном случае генерализация носит этимологический характер).

Когда речь идет о данных процессах на более ранних этапах развития языка в рамках этимологической цепочки, предшествующей развитию основного современного значения слова, имеет место быть этимологическая метафора, метонимия, специализация и генерализация.

Обобщая вышеизложенное, стоит сказать о том, что языковой знак асимметричен. Это обусловлено как возможностями его этимолого-семантического развития, так и его динамическим семантическим развитием на современном этапе развития языка. Асимметричные отношения связывают две стороны знака как двустороннего психического образования – план выражения и план содержания. План выражения знака и его план содержания не изоморфны друг другу, а находятся в асимметричном соотношении.

В процессе развития языка слово не только меняет значение, но и модифицирует его в многочисленных окказиональных употреблениях в контексте.

Таким образом, в современной лингвистике все семантические процессы можно анализировать и структурировать посредством методики компонентного анализа, прослеживая процессы динамической перегруппировки сем в семемах разных лексико-семантических вариантах.

Язык неоднороден, что проявляется в разных регистрах языка. Язык сам виртуально включает различные регистры, выработанные на протяжении истории его развития. Однако разные социальные категории носителей данного языка в большей степени тяготеют к употреблению лексики формального, либо неформального регистра.

Как парадигматические, так и синтагматические параметры описания лексики свидетельствуют о статусе той или иной единицы в концептуальной системе соответствующего фрейма и вокабуляра в целом.

Задачи ономаσιологического и семасиологического плана описания лексики неодинаковы, однако всестороннее ее исследование предполагает как изучение динамики развития языковых знаков, так и их назначения – служить инструментарием номинативных процессов в языке.

Литература

Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. 259 с.

Кашкин В.Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия // Теоретические проблемы современного языкознания. 2009. № 6. 173 с.

Пахолкова И.А. Этимология и индоевропейские основы // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. 2009. № 2. 226 с.

Знаковая природа языка // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1970. 276 с.

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.

SUMMARIES

History and archeology

EARRINGS WITH POLYHEDRON V – VII CC. AD ON THE MIDDLE VOLGA AND IN THE URALS (TO THE QUESTION OF THE GOTH-ALANS PRESENCE IN THE REGION)

Bogachev A.V.

The article is devoted to the questions of ethnic identity graves of the Volga-Kama region which contain polyhedral earrings in V – VII cc. AD.

Keywords: polyhedral earrings, the early Middle Ages, the Volga-Kama region, the Goths, Sarmatians, Alans, the Slavs, Imenkov culture.

THE PROBLEM OF ETHNIC ATTRIBUTION OF IMENKOVO CULTURE IN SCIENCE IN 1950 – 2000

Jich M.I.

The problem of ethnic attribution Imenkov culture in historical scholarship in 1950 – 2000.

Keywords: Imenkov culture, historiography, the Middle Volga.

FEATURES OF CERAMIC COMPLEXES OF THE GREAT MIGRATION PERIOD MONUMENTS IN OF THE MIDDLE SURA REGION

Viazov L.A., Gishakov V.V., Myasnikov N.S.

The article deals with archaeological materials of the Great Migration period in the Middle Sura region. The four different cultural and chronological groups of antiquities are distinguished in the region by the analysis of both the long-known materials excavated by P.D. Stepanov in 1940-1960-ies (hillforts "Osh-Pando", "Ashna-Panda" and others) and new settlements, discovered and studied by the authors in the 2000-ies. The specification of groups is based primarily on features of ceramic complexes, the topographic data and characteristics of hillfort defensive structures are involved in the study too. The proposed chronology is based on the analysis of basic chron indicators and in one case – on C14. The article presents the closest analogies of the described complexes and plans the general scheme of evolution cultural types in the region in 1-7 centuries AD. This scheme can become the basis for further studies of cultural dynamics of the Middle Sura region.

Keywords: Middle Sura region, Great Migration period, Imen'kovo culture, Novaya Beden'ga cultural type, ceramic complexes

MASS RIOTS IN BRITAIN IN THE LAST OF THE XVIII CENTURY. AND THEIR PERCEPTION IN THE SOCIAL CONTEXT THROUGH THE CONCEPT OF THE CROWD

Makarov E.P.

This article analyzes the problem of mass manifestations of public discontent in the UK last quarter of the XVIII century. For example, the London riot in 1780 and Bristol riot in 1793 considered the social composition of the participants and carried out their comparison with accepted scientific concepts in a historical concept of "crowd."

Keywords: United Kingdom, London Riot 1780, Bristol Riot 1793, rebellion, riots, civil unrest, social protest.

Philology

PROBLEM OF SEMANTIC MODELS ADEQUACY AND VERIFICATION

Dobrova V.V.

The paper deals with the problem of adequacy of semantic models. The ontological and operational approaches to the reliability of models with various reliability criteria are analyzed. Semantic modelling does not necessarily mean the exact match of the original and the model. It combines the criteria of different approaches.

Key words: model, verification, semantic modeling

PROBLEM OF STRUCTURE OF LINGUISTIC SIGN CONTENT

Dobrova V.V., Savitskiy V.M.

The paper deals with the problem of structure of linguistic sign content in the ancient studies of form and content and pre-German classical philosophy. Ancient rhetors opposed sign content and its form; in XIX Hegel introduced the opposition of inner and exterior forms of meaning. F. de Saussure introduced the dichotomy of signified and signifier instead of content- form, and L.Hjelmslev introduced the terms plane of content and plane of expression.

Key words: form, content, signified, signifier, language sign.

SAMANTIC FEATURES OF MODERN ENGLISH BESTSELLERS TITLES

Belova A.A.

The article deals with semantic characteristics of modern English bestsellers titles. The classification of precedent phenomena in bestsellers is provided.

Key words: semantics, precedent text, title, bestseller.

FUNCTIONAL-STYLISTIC CHARACTERISTICS OF LANGUAGE OF THE DRAMA

Borisova D.D.

The article deals with the drama. The paper focuses on the composition of the drama as well as the characteristic features of the language of drama.

Keywords: plot, exposition, complication, climax, denouement, ending, language of the drama.

SPECIAL ASPECTS OF TRANSLATING ENGLISH PREPOSITIONS INTO RUSSIAN N SCIENTIFIC AND TECHNICAL LITERATURE

Kochetkova N.S.

The paper deals with difficulties arising in the English to Russian translation of prepositions in scientific and technical literature. The most frequently used English prepositions in scientific and technical texts are determined, a series of semantic and stylistic changes that several English prepositions undergo in scientific literature are considered, and their new meanings in Russian translation are suggested.

Key words: scientific and technical text, polysemy, preposition, semantic and stylistic changes, translation equivalent, meaning.

EKPHRISIS AS A WAY OF COMPARING THE ETHIC AND THE ESTHETIC PLANS OF PERCEPTION IN O. WILDES' NOVEL " THE PORTRAIT OF DORIAN GRAY"

Krutskaya S.V.

The paper deals with the ethic and the esthetic plans of perception of poetic images in O. Wilde's novel "The Portrait of Dorian Grey". The comparison is made on the basis of the use of a stylistic device ekphrasis the definition of which has been formulated by the author of the paper in her earlier works .

Key words: ekphrasis, ecphrasis, stylistic device, ethics, esthetics, novel.

NARRATIVE FORMS AS A STRUCTURE OF THE IMAGE OF THE AUTHOR IN THE NOVEL BY J. BOBROWSKY "LITHUANIAN CLAVIERS"

Melnikova I.M.

In the paper the narrative forms (epic and lyric) in the novel of Johannes Bobrowsky "Lithuanian clavier" are researched in the structure of the image of the author. The analysis from this point of view allows us to understand the moral-philosophical position of the writer and his aesthetic contribution to world literature.

Key words: Johannes Bobrowsky, "Lithuanian clavier", epic and lyric narrative forms, the image of the author.

CHARACTERISTICS OF MONOLOGUE

Nurtdinova L.R.

The article presents a special role monolog utterance as one of the main types of speech activity. It lists the main characteristics of the text as a whole and the relationship between the concepts of "text" and "monologue." Different versions of the classic definition of a monologue from a linguistic, communicative and psychological points of view are taken into consideration. Because of the complex organization of monologues, its detailed characteristics is given with all the necessary aspects and features of the concept.

Key words: text, monolog utterance, speech, discourse

TO THE QUESTION OF THE STRUCTURAL ANALYSIS OF EXPRESSIVE VOCABULARY (ON THE MATERIAL OF WORKS OF ART)

Rozhnova E.A.

The article deals with the structural analysis of emotional expressive vocabulary. Different word building models with expressiveness are described.

Key words: the structure of word combination, word building analysis, word building model, rational description, attributive group, composing structure, semantic level, lexical unit.

LACUNAE IN THE NOMINATIVE SYSTEM OF THE ENGLISH LANGUAGE

Savitskaya E.V.

Lacunae in the English nominative system are approached from the intralinguistic standpoint. Ways of finding lacunae in the nominative system of English and criteria of lacunarity of English words and set phrases are discussed.

Key words: lacuna, nominative system, lexico-phrasal fund, paradigm cell, cultural script.

DISCURSIVE APPROACH TO THE ANALYSIS OF COMMUNICATIVE ACTIVITY

Savitskiy V.M.

The article deals with discursive (social, cultural and psychological) factors of verbal communication and speech generation. The author puts forward the idea of creating a generative model including the above-mentioned factors.

Key words: a model of communication, a discursive approach, an algorithm of speech generation, cultural competence.

ON THE PROBLEM OF MACHINE TRANSLATION RELIABILITY

Talyzina E.V.

The paper treats of the problem of machine translation (MT) reliability, for this translation has widely spread lately. A number of simple experiments with the Google online translator were carried out which revealed some typical mistakes and disadvantages of the MT means in question.

Key words: machine translation (MT), context, polysemantic words, terms, inter-discipline homonyms

REVIEW OF THE SPHERE OF CONCEPTS OBSERVED IN TITLES OF BRITISH AND AMERICAN DETECTIVE NOVELS

Tyurina O.A.

The paper gives a review of main concepts that form the sphere of concepts in the discourse of titles of British and American detective stories and also it analyzes the ways these concepts are verbalized.

Key words: concept, discourse-analysis, title, mini-format text.

THE SYMBOLIC NATURE OF LANGUAGE. THE LEXICAL MEANING BY THE EXAMPLE OF LEXICOSEMANTIC GROUP "FAUNA" IN THE ENGLISH LANGUAGE

Hayrullina V.R.

The article gives a brief overview of the speech mechanisms, namely, metaphor, metonymy, specialization and generalization. These tropes are different in their aims and functions whereby they are implemented. The article provides a brief analysis of the examples of these processes on the basis of the lexicosemantic group "Fauna".

Key words: metaphor, metonymy, specialization, generalization, etymology.

- Богачев
Алексей
Владимирович** Доктор исторических наук, декан факультета гуманитарного образования Самарского государственного технического университета
E-mail: figaro9@rambler.ru
- Белова
Анна
Александровна** Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: annaalexandrovnasamara@mail.ru
- Борисова
Дарья
Дмитриевна** Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: dariya.d.borisova@mail.ru
- Вязов
Леонид
Александрович** К.и.н., старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, старший научный сотрудник НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина
E-mail: l.a.vyazov@gmail.com
- Гришаков
Валерий
Васильевич** К.и.н., доцент Мордовского государственного педагогического института имени им. М.Е. Евсевьева
E-mail: vvg815@yandex.ru
- Доброва
Виктория
Вадимовна** Кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: kaflang@mail.ru
- Жих
Максим
Иванович** Научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
E-Mail: maks-mors.mail.ru
- Кочеткова
Наталья
Сергеевна** Доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: kns05@rambler.ru
- Крутская
Светлана
Владимировна** Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета
E-mail: svetlana063@mail.ru
- Макаров
Егор
Павлович** К.и.н., преподаватель кафедры социологии, политологии и истории Самарского государственного технического университета
E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

Мельникова Ирина Марковна	Доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: Ir.ma53@mail.ru
Мясников Николай Станиславович	Младший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. E-mail: myasnikovn@rambler.ru
Нуртдинова Лилия Рашитовна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: liliandrr@gmail.ru
Рожнова Екатерина Александровна	Старший преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: zakaz.sp.sam@mail.ru
Савицкая Екатерина Владимировна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: lampasha90@mail.ru
Савицкий Владимир Михайлович	Профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Поволжской государственной социально-гуманитарной академии E-mail: lampasha90@mail.ru
Талызина Елена Викторовна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: elanor68@mail.ru
Тюрина Ольга Александровна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: helgaelf@yandex.ru
Хайруллина Венера Рашитовна	Преподаватель кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета E-mail: venus1993@yandex.ru

Научное издание

Вояджер: мир и человек

В авторской редакции
Верстка *И.О. Миняева*

Подп. в печать 04.02.16.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Усл. п. л. 11,98. Уч.-изд. л. 11,93
Тираж 100 экз. Рег. № 13/16

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Главный корпус

Отпечатано в типографии
Самарского государственного технического университета
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8